И. И. ГАПАНОВИЧ.

РОССИЯ
в
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ЧАСТЬ I

Колонизация Севера
в прошлом и настоящем

Пекин
1933

РОССИЯ

В

СЕВЕРО - ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

RUSSIA IN
NORTH-EASTERN ASIA

BY

J.J. GAPANOVICH

VOL. I

Northern Colonization, its past and present

Peiping

1933

Р19

К

И.И. ГАПАНОВИЧ

РОССИЯ

в

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ЧАСТЬ I

Колонизация Севера в прошлом и настоящем

Пекин
1933

К

Печатано Типографией

Пекинской Русской Миссии.

Предисловие.

Кажется, ни об одной окраине Сибири не написано столько, как о северо-восточной Азии, причиной чего является разнообразие интереса, ею представляемого: ее необычная природа, история богатая содержанием, естественные рессурсы, иностранные влияния— все может здесь привлечь внимание. Но если кто захотел бы познакомиться с этой окраиной, встретил бы немалое затруднение: общие сочинения, ей посвященные, безнадежно устарели, ценные монографии стали книжной редкостью, статьи разбросаны по малодоступным журналам. Автор настоящей работы, решаясь пополнить этот пробел, намерен изобразить крайний северо-восток, как русскую колонию. Пробыв там с 1918 по 1921 г., он мог посетить разные, не исключая самых далеких, места: и Охотское побережье, и Камчатку, и Анадырский край, и даже Ледовитый океан; сделанные там наблюдения позволяют выполнить поставленную задачу—дать цельную картину крайнего северо-востока.

По техническим условиям (силы русской типографии в Пекине), приходится разделить книгу на две части, первая из которых говорит о колонизации русского севера; здесь надо принять во внимание, прежде всего, общие условия этой страны—географические особенности, этнографическую среду, а затем можно представить ход колонизации в прошлом, типы ее участников (русских и иностранных) и ее постановку в последнее время. Так как русский север находится под иностранными влияниями—Японии и Америки, этот фактор тоже должен быть учтен при изучении жизни этой страны.

Эта окраина, как будет видно ниже, была только колонией эксплоатационной (colonie d'exploitation) и не имеет никаких надежд стать колонией для заселения (colonie d'enpeuplement); вторая часть книги, выпускаемая в скором времени, и будет говорить об эксплоатации северных богатств в их нынешнем состоянии и их возмож ном развитии.

Еще одно соображение привлекло автора к настоящей работе; скоро исполнится триста лет с тех пор, как русские впервые появились на северном побережьи Тихого океана (1649 г.), и любопытно посмотреть, что же нами за это время здесь сделано,—интерес тем более своевременный, что сейчас, как будто, возникает вопрос о судьбе русского дела на этой окраине.

Tsing Hua, Peiping. И. Г.

Contents.

Chapter I. Geographic conditions.

Chapter II. Historical developments.

Chapter III. The natives.

Chapter IV. The Russians.

Оглавление.

Глава I. Географический обзор.

Глава II. Исторический очерк.

Глава III. Туземцы.

Глава IV. Русские.

Chapter V. The foreigners.

Chapter VI. America and Japan in the North.

Chapter VII. Provincial government.

Глава V. Иностранцы.

Глава VI. Америка и Япония на Севере.

Глава VII. Областное управление.

I. Географический обзор.

I

Северо-восток Азии охватывается Камчатской областью, в прежнем своем составе заключавшей Гижигинско-Охотское побережье, полуостров Камчатку и Чукотско-Анадырский край и занимавшей территорию в 1. 078.977 кв. в. (по вычислениям Дальневосточного статистического управления). Сейчас, без Охотского и Ольского районов, отошедших к Николаевскому на Амуре округу, эта территория сократилась до 869.981 кв. в. Стало общим местом в сочинениях, трактующих о Камчатке, сравнивать величину ее с таковой же Франции и Германии, конечно, не в пользу последних; не останавливаясь на этом сравнении, обратим внимание на другое, более поучительное: Камчатка почти вчетверо больше соседней съ ней Японии, обстоятельство, уже одно достаточное, чтобы заставить перенаселенного соседа с интересом посматривать на пустуюшую страну.

Эта приморская полоса простирается от берегов Ледовитого океана до Японскаго моря. На севере мыс Сердце-Камень, м. Рыркапия далеко вдаются в Ледовитый океан, на юге м. Лопатка смотрит на Курильские о-ва, тянущиеся к берегам Японии. На этой же территории находится самая восточная точка Азии м. Дежнев, находящийся против пол. Сьюорда на Аляске.

Территория северо-востока Азии, в указанных границах, расположена между 70° и 51° с. шир. и между 137° вост. и 170° зап. долг. (от Гринвича). Ее крайние точки: на севере м. Шелагский, на юге м. Лопатка, на востоке м. Дежнев, на западе порт Аян.

Граница этой окраины, омываемой двумя океанами и несколькими морями, есть преимущественно морская, притом отличающаяся необыкновенной протяженностью, около 10.000 мор. миль. Это три четверти всей морской границы Д. В. края, отделяющей Россию от Японии и Америки. Надо ли прибавлять, что уже одна величина этой границы, не могущей быть охраненной никакой силой, и след, остающейся открытой, открывает широкие двери для иностранного влияния на эту территорию.

Сухопутная граница не велика, конечно, относительно; она тянется от Чаунской губы по Колымскому хребту, вы-

ходит к Охотскому побережью и, проходя по Охотскому уезду, достигала порта Аяна: сейчас административная граница проходит значительно северней, отделяя Ольский и Гижигинский районы по линии р. Вилиги. Почти на всем протяжении сухопутная граница соприкасается с Якутской республикой.

С севером связаны несколько мелких островов, разбросанных там и сям в прилежащих морях, особенно в Охотском море. Здесь находятся Шантарские о-ва,—группа, среди которой выделяется о. Большой Шантар, крупный по размерам, затем мелкие острова—Ионы и Коровий: все острова пустынны, а некоторые из них, напр. Шантарские, известны, как обиталище ценного пушного зверя, особенно соболя. В Великом океане известны, может быть, более, чем сама камчатская территория, принадлежащие ей Командорские о-ва, Беринг и Медный, любопытные, как по изолированному положению среди безбрежного моря, так и особенностям их фауны, вымершей и выживающей. Северней лежит большой, около 65 км. в длину, о. Карагинский и близ него маленький о. Верхотуров, оба пустынные и представляющие ценность, аналогичную Шантарам. В Беринговом прол. из двух островов Диомид один составляет российское владение. Наконец, в Ледовитом океане тяготеет к побережью о. Врангель, около которого погибло не мало мореплавателей и около которого недавно чуть не возник международный спор, поставивший под сомнение принадлежность острова к российским владениям.

Береговая линия русского севера мало извилиста: глубокие заливы или хотя бы удобные бухты здесь редки; берег или скалистый или песчаный, в обоих случаях очень не подходящий для высадки. Высокий берег встречается преимущественно на пол. Камчатка, в восточной ее части; горы Охотского побережья местами тоже обрываются прямо над морем. Зато Анадырский и Западно-Камчатский берега—низменны и изобилуют песчаными отмелями, тянущимися в море на целые километры и десятки километров.*)

---

*) Северно-восточное побережье мало обследовано в гидрографическом отношении. Лишь последние работы Гидрографической экспедиции Восточного океана осветили часть этого побережья, о чем см. Б. В. Давыдов. *Лоция Восточного океана.* Владивосток, 1923 г.

Тем не менее на севере есть всетаки несколько „inlets“, нарушающих однообразие береговой линии и кое-где представляющих превосходные для якорной стоянки гавани (об этих „inlets“, о точном значении этого слова применительно к Д. В., было даже много споров при заключении рыболовной конвенции с Японией).

На крайнем севере в побережье вдались заливы и бухты: Чаунская губа, заливы Лаврентия и Креста, Анадырский лиман и особенно—зал. Провидения с бухтами Пловер и Эмма: последний из упомянутых заливов—превосходная гавань и возможная угольная станция при развитии в будущем северного мореходства.

Восточно - Камчатский берег прорезан несколькими крупными заливами, как Усть - Камчатский и Кроноцкий; характер самого берега и в частности присутствие „баров“ в предустьевых пространствах делает эти заливы незначительными с точки зрения интересов судоходства. Более удобны б. Корфа и Карагинская, глубоко вдающиеся в сушу, закрытые от морских ветров и, несмотря на мелководность, позволяющие кораблю близко подойти к берегу.

На Восточном же берегу—замечательная по красоте и навигационным удобствам Авачинская бухта: ее внутренняя часть образует так наз. „ковш“, небольшую бухточку, заключенную между Петропавловском и Никольской сопкой, единственное на Камчатке месте, где пароход может пристать прямо к берегу.

Совершенно иная картина на Западно - Камчатском берегу, низменном, песчаном, изобилующем длинными мелями и не имеющем ни малейшей извилины, так что все пароходные стоянки тут открытые. Лишь на севере однообразная правильность береговой линии нарушается Пенжинской и Гижигинской губой, глубоко(около 250 км.)вдающимися в сушу; это очень мелководные пространства, самые очертания которых до последнего времени не были толком известны (особенно не соответствует действительности изображение на прежних картах Пенжинской губы).Гижигинская и Пенжинская губы включают по несколько мелких бухт.

Очертание Охотского побережья—просто, хотя и не в такой мере, как Западный берег. Тут есть большая Тауйская губа с бухтами Оджан и Монтыклей, несколько более

удобная для стоянки Ямская губа, и далее к югу конфигурация берега не представляет никаких удобств для судоходства, исключая Аян, самой природой предназначенный для устройства тут порта, в противоположность Охотску, лишенному каких бы ни было удобств в этом отношении; все неудобства Охотского рейда не помешали однако русскому правительству более 100 лет пытаться создать тут порт,—затея, кончившаяся совершенной неудачей.

II

Два океана: Ледовитый и Тихий, существенно влияют на физические условия северного края, в особенности, как увидим ниже, на его климат. В свою очередь, два моря, принадлежащие этим океанам, Берингово и Охотское, омывающие этот край на большом протяжении, в особенности создают здесь не слишком благоприятную физическую обстановку.

Ознакомимся несколько с их гидрографическими признаками. Берингово море представляет собой котловину, глубина которой возрастает по мере приближения к югу и достигает наибольшей величины около Командорских о-вов. Удельный вес воды в Беринговом море больше, чем на юге и севере от него: в среднем он 1,0255, тогда как в южнокамчатских водах Тихого океана он равен 1,0250, а в Беринговом проливе только 1,0237. Температура воды понижается по мере движения на север; так августовская изотерма, равная 11^0 на широте Петропавловска, дает в Беринговом море последовательно 10^0 (средняя часть), 9^0(60-ая параллель), 8^0 (зал. Лаврентия). В самом Беринговом проливе, под влиянием встречных течений из Ледовитого и Тихого океанов, эта правильность нарушается. Приведенные цыфры плотности и температуры относятся к поверхностным слоям воды. Их достаточно, чтобы представить общую картину течений в этой части северных вод.

В Беринговом море встречаются холодное и теплое течения, первое из Ледовитого океана, второе из Тихого. Холодное течение, видимо, состоящее из нескольких ветвей, северней Берингова прол. дает струю холодной воды, идущей вдоль Чукотско-Анадырского берега. Теплое течение, ответвление Куро - сиво захватывает Восточно - Кам-

чатский берег и отклоняется на севере к берегам Аляски. Такое распределение течений создает климатическое преимущество для Камчатского пол. и невыгоду для Анадырского края.

В противоположность Берингову морю, Охотское есть замкнутый бассейн, отделенный от Тихого океана грядой Курильских о-вов. Охотское море, видимо, состоит из двух котловин, западной и восточной, при чем глубины к востоку увеличиваются; за Курильскими о-вами, как известно, в Тихом океане лежит одна из глубочайших бездн.

Удельный вес воды в Охотском море распределяется так: в средней части 1,0245-1,0250, в юго-западном углу 1,0240, а на южной окрайне, около Амурскаго лимана, еще меньше-1,0230.

Что касается распределения температур, то около Курильских о-вов встречается более теплая вода Тихого океана, направляющаяся к Пенжинскому и Гижигинскому зал. Здесь она встречается с холодной водой, „пятна“ которой образуются где-то около Ямской губы, и вытесняет ее в юго-западном направлении. Эти наблюдения касаются только поверхностного слоя воды.

Наблюдения над удельным весом и температурой воды, сделанные также на глубинах, позволили адм. Макарову установить присутствие в Охотском море холодного течения, идущего в направлении, обратном часовой стрелке. Это течение имеет три ветви. Первое течение, зарождаясь на севере Охотского м., идет вдоль западного берега Камчатки, достигая Курильских о-вов; второе также берет начало в северо-восточной части Охотского моря и направляется сначала вдоль самого Охотского берега, а потом разветвляется: одна ветвь отходит к Шантарским о-вам, а другая, минуя о. Ионы, достигает восточного Сахалина; наконец, третье течение, возникающее около Шантарских о-вов, направляется к Амурскому лиману.

Присутствие кругового холодного течения в Охотском море вызывается упомянутыми особенностями рельефа дна и разностью удельного веса и температур воды в нем и в Тихом океане.

Во время работ Макарова (1886-1889) наблюдений над Беринговым и Охотским морями было сравнительно недоста-

точно. Позднейшая работа Гидрографической экспедиции Восточного океана, под руководством сначала М. Е. Жданко, а позже Б. В. Давыдова, закончившаяся к 1923 г., сделала возможным уточнить познания об этих морях. *)

Отмеченное при выходе из Берингова моря холодное течение Ойя-Сиво встречается с теплым течением Куро-Сиво у берегов Аляски; граница их меняется в зависимости от времени года. Зимой она проходит по 40° шир., весной под влиянием юго-восточного муссона холодное течение отходит к северу, летом северо-восточная часть Берингова моря оказывается еще более теплой, зимой западные ветры вновь оттесняют Куро-Сиво к югу.

Наблюдения в Охотском море окончательно установили тут круговорот холодного течения в направлении против солнца. Основное морское течение, направляющееся вдоль восточного Сахалина, идет со скоростью 10-15 миль в сутки; усиленное водами Амура и течением из Японского моря, оно движется с еще большей скоростью, доходящей до 15-20 м., и совершает свой круговорот в Охотском море, огибая Шантарские о-ва и направляясь оттуда к м. Мухтель; здесь оно разветвляется на две струи, идущие к м. Марии и Амурскому лиману.

Это течение господствует в открытом море; в бухтах и заливах замечаются самостоятельные приливо—отливные течения большой силы, до 6—7 узлов в час. Высота приливов очень значительна; у южных берегов 2,25 м., в средней части 2, 7 м., в северных бухтах 3, 3 м. Амплитуды приливов еще сильней возрастают в больших заливах: 6-9 м. (последняя высота прилива—в Пенжинской губе). Приливы и отливы большей частью носят правильный полусуточный характер, но в северо-восточной части моря они чередуются иначе: бывают две „малые" и две „полные воды".

Особенность Охотского моря составляют пятна холодной воды, получающиеся в результате выпирания более глубоких слоев. Кроме главного их скопления около Ямской губы, они обнаружены около о. Ионы, линии

---

*) См. статью в сборнике Российской Академии Наук „*Тихий океан*" Ленинград, 1926—В. В. Ахматов, *Океанография*.

м. Елизаветы - о. Ионы, линии о. Ионы - м. Алевина и около входа в Пенжинскую губу. Температура этих пятен на 3-5° ниже обычной, а в некоторых местах вода становится еще холодней: плюс 3-4° (м. Алевина).

В подобных местах, вследствие охлаждения воздуха, летом образуются туманы, распространяющиеся на большие расстояния.

Моря азиатского северо-востока представляют собой настоящие полярные бассейны: это справедливо не только относительно Берингова моря, но также и Охотского, даже в южной его части. Близость Ледовитого океана, присутствие холодных течений способствуют образованию плавающих льдов, долгому их сохранению и позднему освобождению здешних морей от льда. *)

Плавающий лед держится сплошной стеной около побережья Ледовитого океана даже поздним летом, в августе. Чуть подувший северный ветер прибивает его к берегу и делает побережье недоступным для плаванья. Берингов прол. при этом сплошь загромождается „торосным“ льдом более или менее крупных размеров, а плавающий лед заходит гораздо южней. В марте и даже в апреле плавающие льды преграждают доступ в такие южные (относительно) пункты, как Петропавловск. При отсутствии северных ветров Берингов прол. летом остается совершенно чистым от льда, а море в районе Петропавловска свободно от льда всю зиму: замерзает только часть Авачинской бухты.

Льды поздно задерживаются в Охотском море, где кругообразное холодное течение вызывает их движение с севера на юг: в результате Охотск уже в июне освобождается от льда, тогда как более южная часть побережья, напр. район Шантарских о-вов, сохраняет его еще в июле. Подобная же противоположность наблюдается на крайнем севере Охотского моря, в соседних Гижигинской и Пенжинской губах, из которых вторая свободна от льда всю зиму, тогда как в первой он скопляется в большой массе.

Западно-Камчатский берег освобождается от льда еще

---

*) А. А. Пурин. *Льды Японского и Охотского морей и Сев. Ледовитого океана.* Харбин, 1925 дает на стр. 22-32 таблицу вскрытия и замерзания по отдельным годам и пунктам побережья.

раньше Охотского, в марте и апреле: но западные ветры, дующие около этого времени, вновь прибивают лед к берегу и делают его недоступным для кораблей.

III

Северо-восток Азии есть преимущественно горная страна: на Охотском побережьи горы круто обрываются к морю; внутренняя часть Камчатского пол. наполнена двумя параллельными хребтами, Анадырский край пересекается хребтами, идущими на север и восток, до крайней оконечности Чукотского пол. Лишь часть Камчатки между Гижигой и Анадырем, а также северная часть Камчатского пол. представляет собой обширное понижение, где находится моховая тундра Парапольского дола. Расположение этих горных хребтов запутано, и лишь схема Зюсса, данная в его „Antlitz der Erde“ нашла место и порядок также для северного рельефа.

Тектоническое обоснование подразделения горных цепей здесь таково. Оне состоят из трех пучков: Охотского, Анадырского и Аляскинского. В состав первого входят Алданский хр., Джугджур, Малый Хинган, Сихота-Алинь, Сахалинский хр. и цепи о. Хоккайдо в Японии; в состав второго Камчатско-Курильская дуга, цепи Гижиги, Верхоянская дуга; в состав третьего цепи между Алеутской дугой и арктическими цепями Аляски. Все пучки расходятся к югу и западу и сходятся на севере и востоке, обращаясь выпуклостью к востоку и югу. Контакт Охотского и Анадырского пучка происходит по Верхоянской дуге, Анадырского и Аляскинского около Малого Анюя.

Рассматривая эту схему применительно к северо-востоку Азии, П. И. Полевой признает ее глубоко теоретичной, в особенности в отношении распространения к югу и западу краевых гирлянд. *)

В замен ее он предлагает признать такое распределение северо-восточных горных цепей: Становой хребет, Центральная депрессия, Арктический склон, система Камчатки; Парапольский дол, отделяющий хребты, вытяну-

---

*) Сборник „*Полезные ископаемые Дальнего Востока*“; ч. III: П. И. Полевой. *Камчатка*. Владивосток, 1923.

тые вдоль Берингова моря, от системы Камчатского пол., он рассматривает, как плато, пересеченное невысокими грядами. На Камчатке нигде нет обширных равнин, но только встречаются более или менее широкие впадины, зажатые между горными цепями.

Состав и направление названных горных областей в общем таковы. На Охотском побережьи тянутся три горные цепи: Джугджур, водораздельный хребет, Немериканская гряда, подходящая ближе к морю, и Приморский хребет, появляющийся местами на юге; вся система северовосточного направления (исследователи Майдель, Богданович, Казанский). В Чукотско-Анадырском крае встречаются горные хребты Чукотского пол., вытянутые в широтном и северо-западном направлении (геологи Толмачев, Богданович), хребты Колымский и Анадырский с северо-восточным и восточным направлением (изучали Майдель, Богданович, Полевой) и Центральная депрессия, тянущаяся в северном направлении от Пенжинского и Гижигинского зал. к зал. Креста. После перерыва, образованного Парапольским долом, хребет Пал-Пал начинает систему Камчатки, распадающуюся южней на два хребта: Восточный (последовательно называемый Камчик, Валагинский и Ганальский) и Западный, вытянутые в меридиональном направлении параллельно друг другу (изучали Эрман, Дитмар, Богданович).

IV

Несмотря на то что путь на Камчатку лежит через хребты Охотского побережья, и они, следовательно, многократно проходились в течение столетий, именно эта горная область относится к числу наименее известных, и поныне лучшее описание ее принадлежит Гергарду Майделю, действительно, прошедшему ее со своими сотрудниками во время экспедиции 1868–1870 г. Джугджур, якутское слово, обозначающее вообще крутой хребет, составляет на этом побережьи основную часть обширной горной системы, тянущейся от Амура (Яблоновый хр.) до Ледовитого океана (Верхоянско-Колымская дуга). Джугджур–часть этой системы между р. Удой и Оймеконским плоскогорием; самое название Джугджура дает представление об его характере. Но он не всюду одинаков.

Есть большая разница между западным и восточным склонами этого хребта. Поверхность страны от долины Лены до гребня поднимается постепенно несколькими (5) уступами. Наоборот, восточный склон понижается очень быстро: перевал Хоинга-Юдома имеет высоту 1150 м. а удаленный от него всего на 50 км. перевал Кетанда только 780 м. Побережье от Уды до Охотска представляет собой скалистую, трудно проходимую полосу, так что попасть из первого пункта во второй возможно только перейдя хребет Аяно-Нельканским трактом и поднявшись затем вверх по р. Мае. На Аяно-Нельканском тракте явления, свойственные всему Джугджуру, выступают очень характерно: медленный подъем с запада, высокий перевал Нингмачиган (890 м.) и крутой спуск к морю (120 км.). Путешественник, проезжавший этим путем (Стефанович), называет вид с восточного склона великолепным по мрачной дикости: широкий горизонт заполнен разнообразных форм сопками с конусообразными, пирамидальными и столообразными макушками. Вся эта серая, голая, гористая поверхность испешрена пятнами глубоких ложбин и пропастей, желтеющими морщинами размытых водой рытвин и кое-где отливающими серебром снежными полосами.

Иной вид побережья от Охотска до Гижиги. Здесь хребет спускается к морю покато, переходя в обширную волнистую разнину, и соответственно путь от Охотского побережья к Колыме легче, чем оттуда же к Якутску. Таким путем может быть сначала любая из речных долин Охотского побережья, затем достаточно преодолеть только один подъем, и можно попасть в систему Омолона, притока Колымы.

Равнина, о которой только что сказано, есть известное среди туземцев и интересующее всех путешественников Оймеконское плоскогорие. *)

Его точные границы неизвестны: на западе оно опускается за Нельканом, на востоке уступает место Колымскому хребту. Именно оно, а не гребень Джугджура разделяет водные системы Лены, Индигирки, Колымы, с одной сто-

*) Бар. Гергард Майдель. *Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868 - 1870 г.* Петербург, 1896. Т. II, стр. 95.

роны, и Охоты, с другой. Весьма любопытен, но несомненен факт сближения истоков этих рек, почти не отделенных друг от друга сколько-нибудь заметным повышением рельефа. Такое явление на Оймеконе наблюдается часто, особенно при встрече мелких речек, иногда даже берущих начало из одного озера, хотя они принадлежат к разным системам.

Северней Оймеконского плоскогория, от р. Охоты до р. Анюя тянется Колымский хребет, отношение которого к Становому хр. и даже его внешний характер определены не достаточно точно. В то время как одни путешественники (Слюнин) утверждают, что Колымский хребет заметно обособляется от окружающего рельефа, другие (Майдель) подчеркивают, что северная часть Охотского побережья спускается к морю очень отлого; согласно этому мнению, Колымский хребет есть платообразное возвышение, переходящее в низменную равнину: в нем выделяются три горных цепи, хр. Шестаковский, Ушканий, Русский. *)

Поэтому здесь, как и южней, в области Оймеконскаго плоскогория открываются удобные переходы от истоков р. Пенжины, Оклана, Парени и Гижиги к верхнему течению Омолона. Позднейший исследователь (Полевой) подтвердил мнение Майделя, охарактеризовав Колымский хр., как уступ или одну из ступеней спускающегося к морю нагория; этому соответствуют внешние формы хребта, обозначаемые тут как,, едомы" (сглаженные горки) и „камни" (скалистые выступы).

V

Обратимся теперь к рельефу Чукотско-Анадырского края, заполненного Арктическим склоном и Становым хр. Побережье Ледовитого океана на большей части своего протяжения—низменная равнина, отличающаяся в высшей, степени диким и негостеприимным характером, удручающее впечатление которого долго не забывается. Однообразие Чукотского побережья несколько нарушается возвышенностями, протянувшимися от истоков р. Анюя к м. Пеек

---

*) Майдель, цит. соч. стр. 190.

тоже не какой-нибудь резко очерченный хребет, а только несколько выпуклый подъем поверхности.

Большее повышение замечается в системе Станового хребта, состоящего, как сказано, из Колымского и Анадырского хр. В противоположность покатому плоскогорию южного склона, параллельно расположенные горные цепи составляют северный склон. Более высокая часть этой горной страны (до 800 м.) расположена ближе к истокам р. Анадыря и Энмувеема, а самое высокое место в стране образуют Щучьинские горы с вершинами Терпухой (1020 м.) и Бычья (950 м.).

Система Камчатки и система Станового хр., связь между которыми казалась сомнительной уже Майделю, разделены, как установил Полевой, Центральной депрессией, являющейся в виде обширного плато или низкой равнины, вытянутой с северо-запада на юго-восток: это область моховой тундры, дающей превосходные пастбища для оленей. *)

Недалеко от побережья, среди окружающей низменности возвышается гора Дионисия (530 м.), высшая точка прилежащей к п. Ново-Мариинску страны. На меридиане Маркова, другого населенного пункта страны, Центральная депрессия пересекается невысокими хребтами Русским и Налгимским (290 м.).

Это понижение захватывает Камчатский пол. тундрой Парапольского дола, о характере которого, по описаниям путешественников, создалось неточное представление: преувеличиваются и его размеры и его равнинный рельеф. Парапольский дол расположен треугольником от широты Лесная-Карага (на юге) до хребтов Налгимскаго и Пал-Пал (на севере), с вершиной на юге; мнение, что он тянется широко от Охотского до Берингова моря, неосновательно. Проезжая вдоль Западного берега Камчатки, нет возможности держаться близко к морю, так как невысокий, но крутой хребет образует „непропуск", отделяющий дол от моря (Пусторецк-Мамечи); на Восточном берегу между Карагой и Кичигой, действительно, встречается размытое морем понижение, но подвигаясь к северу, можно наткнуться на не-

---

*) П. П. Полевой. *Анадырский край, ч. I. Главнейшие результаты Анадырской экспедиции.* Петроград, 1915.

пропуски, аналогичные таковым на Западном берегу. Пересекая Парапольский дол от Охотского к Берингову морю, путешественник непременно преодолевает значительный перевал, более пологий на западе и более крутой на востоке, почему можно признать, что Срединный хр. системы Камчатки простирается дальше, чем предполагали: северней 60°.

Старые путешественники Дитмар и Майдель утверждали противное; Слюнин, *) держался иного мнения, и опыт автора, также переезжавшего через Парапольский дол, заставляет с ним согласиться.

Таким образом, представление об южной окрайне Центральной депрессии надо ограничить; теперь посмотрим, насколько далеко на север заходит система Камчатского пол. Хребет Пал-Пал (1000м.), тянущийся вдоль Берингова моря и продолжающийся хребтами Тингеней и Рарыткин (800 м.)- всё резко очерченные острыми гребнями хребты, относятся Полевым к системе Камчатки. Она встречается со Становым хр. близ Анадырского лимана в виде гряд Покульнея. Обе системы пересекаются в горе Матачингай, наиболее высокой точке в этой стране (2620 м.).

Несколько слов о доступности Станового хребта и соприкасающихся с ним гор для переездов: хотя в Анадырском крае нет ни одного пути, который не пересекал бы какую-нибудь горную цепь, все-таки все подъемы тут не слишком круты и не очень высоки; вот главные перевалы: Марково-Еропол (560 м.), Рарыткин (360), истоки р. Большой (430), истоки Энмувеема (400), Налгимский хр. (300), Русский хр. (280).

VI

Обращаемся к системе Камчатки. Ее характер определяется хребтами Западным и Восточным, разделенными продольной долиной р. Камчатки. В пределах этой системы, различая точней, можно наметить следующие районы: 1) равнина Западного берега, 2) Западный хребет, 3) продольная дислокационная долина, 4) Восточный хр., 5) вулканическая область, 6) побережье Берингова моря.

---

*) Н. В. Слюнин. *Охотско-Камчатский край.* Т. I. Петербург, 1900.

Горы Камчатского пол. имеют высоту 1000-1500 м. и вытянуты в виде цепей, разделенных глубокими ущельями. Отдельные вершины, особенно в вулканической области, высоко поднимаются над окружающей горной страной: таковы Ичинская сопка (2, 3 км.), Ключевская (4, 6), Коряцкая и Ушкинская (3,), Кроноцкая и Шивелюч (немного ниже). Рельеф камчатских хребтов разнообразен; если они являются в виде гранитных массивов, то отличаются небольшими размерами и правильными куполообразными вершинами; если это сланцевые горы, то характеризуются острыми гребнями, с зубчатыми вершинами. Вулканические сопки тянутся одна за другой, образуя правильно в виде дуг расположеные горные цепи вдоль океанского побережья. Отдельные вершины резко выделяются своим белоснежными шапками и прижимаются к берегу.

Внешними формами камчатских гор, которые можно отметить, являются „сараи", плоские возвышенности с лавовыми покровами (по р. Аваче, по р. Камчатке в верхнем течении) и,, долы", возвышенные плато из лавовых потоков и слоев пемзы, песку, пепла (Ключевской дол.) Эти формы встречаются и за пределами собственно вулканической области. У подножия хребтов или при выходе из ущелий попадаются обширные моренные отложения, сложенные в виде гряд наноса, расположенных параллельно речным долинам. Развитые морены встречаются около с. Начик, в истоках р. Быстрой и Камчатки, на пространстве между Киргаником и Килитиной.

Основу системы Камчатки составляет Западный хр., тянущийся от Камчатской вершины близ истоков р., Быстрой и Камчатки до Паланскаго оз. Восточный хр. простирается от Курильского оз. до р. Озерной. На севере от основного хребта обособляются горы между с. Лесной и Ваямполкой, за которыми начинается Парапольский дол. На юге основной хребет сменяется грядой сопок, тянущихся к м. Лопатке. *)

---

*)Рельеф Камчатскаго пол. обследован геологами менее других частей северо-востока; поэтому до сих пор не потеряло значения старое описание: К. ф. Дитмар. *Поездки и пребывание на Камчатке в 1851-1856 г.* Петербург, 1901. Более новое, преимущественно географическое описание сделано у Слюнина, цит. соч.

Западный и восточный склоны Камчатского пол., в зависимости от меняющегося рельефа соответственных хребтов, сильно варьиируют в своем внешнем виде. Восточный склон более крут, все вообще побережье, прилегающее к Восточному хр.—гористая местность, покрытая кое-какой древесной растительностью. Там, где этот хребет сходит на нет, возвышенный берег сменяется низкой моховой тундрой (Дранка-Кичига) и лишь северней б. Корфа берег вновь начинает повышаться.

Еще разнообразней характер Западного побережья. В южной части оно гористо, на севере оно переходит в обширную равнину, большей частью тундровую, но с разнообразным покровом. От Явина до Большерецка тянется болотистая тундра, до Крутогорова травянистая, северней луговая, еще далее покрытые березняком увалы и наконец за Лесной настоящая моховая тундра, переходящая в Парапольский дол.

Основной Камчатский хребет отличается пологими скатами, вследствие чего путь через него открывается несколькими удобными перевалами: таковы Начикинский, Камчатский, Седанкинский, Лесновский.

VII

Камчатка—страна резко выраженных вулканических явлений: здесь насчитывается 14 действующих и 26 потухших вулканов, расположенных преимущественно между Восточным хр. и Беринговым морем. Но возможно, что число сопок вулканического происхождения больше названного, потому что потухшие вулканы, видимо, встречаются и к северу от этой вулканической области, и они не все известны. С другой стороны, некоторые сопки, которые считаются потухшими вулканами, совершенно неожиданно переходят в разряд действующих. Итак, указанное разделение камчатских вулканов нельзя считать установившимся.

Здешние вулканы, особенно те из них, которые тяготеют к Восточному хр., входят в состав еще более обширной вулканической области, дугообразно раскинувшейся по северному побережью Тихого океана. Их дуга, расположенная на азиатском материке, начинается на Яве и Филиппинах, переходит в Японию, образует упомянутые вулканиче-

ские цепи Камчатки и перебрасывается на американский материк через Аляску.

В пределах Камчатки вулканическая область распадается на три параллельных ряда: на Восточном побережьи, по основному хребту и на Западном побережьи. *)

Первый ряд состоит из групп Явинско—Курильской, Опала-Голыгинской, Асача-Вилючинской, Авачинской, Жупановой, Кроноцкой, Толбача-Ключевской, высотой в общем до 2000 м. и отдельными вершинами, поднимающимися до 2700 м. (Ушкинская), 3000 (Кроноцкая) и 3080 (Крестовая). Второй ряд представляет собой частью вулканическую цепь, частью отдельные сопки, прижатые к Западному побережью; их высоты много меньше: 560-850 м., но одна из них, Ичинская сопка, поднимается до 2280. Третий, самый западный ряд—собственно несвязанная группа невысоких сопок близ реки, отмеченной именем Сопочная.

Что касается действующих вулканов, то по нынешнему состоянию или историческим воспоминаниям они таковы (с юга на север): сопки Асача, Мутновская, Авача, Коряцкая, Жупановская, М. Шемлячик, Б. Шемлячик, Кихпинич, Узон, Кизимен, Кунцекла, Б. Толбачик, Ключевская и Шивелюч. Их высоты весьма значительны: многие достигают 2500 м., а отдельные даже 3280 (Коряцкая) и 4600 (Ключевская). Все они принадлежат к наиболее восточному из упомянутых рядов, который, следовательно, является центром вулканической деятельности на Камчатке.

Из камчатских сопок наибольшей известностью пользуется Ключевская, постоянно „дымящаяся", поскольку позволяют судить исторические известия, и временами изливающая лавовые потоки. Сохранились сведени об извержениях этой сопки в 1729, 1737, 1790, 1796, 1829, 1841, 1896 г., и возможно, что за эти два столетия их было еще больше. В наше время Ключевская сопка проявляет усиленную деятельность, часто выбрасывая массы пепла, глубоким слоем и на большое расстояние покрывающего окрестности. Более значительное по размерам извержение было в 1910 г. В последние годы оживились вулканы, рас-

*) Слюнин, цит. соч. дает сведения о числе и расположении действующих и потухших вулканов.

положенные близ Петропавловска: Мутновская сопка и Коряцкая.

В вулканической стране землетрясения бывают часто: этим отличается и Камчатка, хотя, понятно, не все землетрясения, тут происходящие, исключительно вулканического происхождения. Небольшие землетрясения, короткие толчки почвы, тут бывают постоянно, и без них не проходит года. Временами происходят сильные колебания поверхности, длящиеся несколько минут: передвигается мебель, рушатся трубы, бьются стекла, останавливаются часы и всех охватывает чувство какой-то неустойчивости, порой переходящей в настоящую качку, подобную морской; беспокойство охватывает и животных. Так как дома на Камчатке и в частности в Петропавловске деревянные, то больших разрушений вообще не бывают. Исключение—случай, подобный моретрясениям 1737 г. и 1923 г.

Северные путешественники, естественно, отмечали случаи непривычных для русского человека землетрясений, и благодаря этому сохранились сведения о сейсмических явлениях и их районах на Камчатке за обширный период 1737-1888 г. Из отмеченных 145 землетрясений наблюдались 67 на Камчатском пол., 16 на Курильских о-вах, 9 на Охотском побережьи, 9 на Командорских о-вах; остальные приходятся на острова, принадлежащие Аляске. Наиболее значительные землетрясения нашего столетия происходили на Восточном побережьи в 1904 и 1917 г.

Камчатские землетрясения представляют весьма любопытную особенность: несмотря на то что они отличаются большой силой, продолжаясь до 5 мин. и вызывая смещение почвы на 7-8 см., они не производят больших разрушений; причиной является большой период колебания волн. 40-60 сек, что., видимо, находится в связи с пластичностью вулканической магмы, залегающей тут под земной корой. *)

Исключительными по силе были названные моретрясения, охватившие Восточное побережье, первое около м. Лопатка, второе около Усть-Камчатска. По старым описаниям современников, при первом поднялась волна, до 60 м.

*) См. статью П. М. Никифорова, *Сейсмология*, в цит. академическом сборнике „*Тихий океан*“.

разрушились береговые скалы, поднялись на низинах холмы, обнажилось морское дно между м. Лопаткой и о. Шумшу, и перепуганные жители перебрались с материка на этот остров. Такие же грозные явления стихии наблюдались при недавнем моретрясении около Усть-Камчатска, когда нахлынувшей огромной волной было смыто прибрежное селение и перемещено русло реки Камчатки.

VIII.

Северные реки, исключая одну р. Камчатку, текущую меридионально, все направляются широтно. Они характеризуются несколькими интересными свойствами, обусловленными действием двух основных сил: речного течения и морского прилива, сил весьма энергично действующих на Камчатке. Здешние реки—горные потоки, изливающиеся из узких ущелий, распадающиеся ниже на несколько русл; водная масса движется с необыкновенной стремительностью, увлекая с собой валуны, гальку и песок. Приливы в устьях, как известно, отличаются высотой и, очевидно, приносят массу песку и илу. Встречное действие этих двух сил приводит к ряду последствий.

Наиболее замечательно из них образование предустьевых баров. Увлекаемый рекой материал выносится в море и располагается дугообразно перед устьем; море разворачивает его и передвигает по направлению к тому же устью. Галечные отложения постепенно закрываются иловатыми наносами, и вот перед устьем появляется широкая песчаная отмель. В зависимости от формы устья меняется конфигурация бара. Так, узкие устья Гижиги и Уды способствовали образованию вытянутых в длину баров; такой бар перед Гижигой имеет в длину до 50 км.; широкое устье Тигиля способствовало появлению бара, расположившегося перпендикулярно к устью; такое же явление замечается в Усть-Камчатске, доступ к которому преграждается целой грядой прерывистых баров. В некоторых случаях, вследствие особенностей приливного течения, бар соединяется с берегом при помощи узкой „кошки:“ р. Охота, Большая, Анадырь.

Бары вообще встречаются часто, но в некоторых случаях они достигают поразительного развития на расстоянии

25-50 км.; они непрерывно тянутся от берега в Хайрюзове и Гижиге на Западно-Камчатском побережьи. Бары—немалое препятствие для судоходства, так как их присутствие заставляет прибывающие пароходы останавливаться далеко от берега.

Там, где приливное течение направлено не перпендикулярно, а под острым углом к берегу, создаются благоприятные условия для намывания длинных узких кошек. Они достигают такого развития, что иногда заграждают все устье реки, которое в этом случае перемещается дальше. Кошками в особенности изобилует упомянутое Западное побережье, что, видимо, объясняется характером приливного течения в Охотском море. Когда на близком расстоянии две реки встречаются, выросшие около них кошки могут образовать небольшую бухту, такова напр. бухта Ольско—Тауйская.

Намывные кошки, располагаясь перед устьем реки, иногда достигают такого развития, что изменяют направление русла реки, которая в этом случае течет на некотором расстоянии параллельно берегу, пока не найдет себе нового устья. Такова напр. кошка перед р. Большой. Кошки способствуют также образованию речных лиманов, как это напр. произошло перед р. Анадырем. Расположение подобных кошек имеет важные практические последствия не только в отношении судоходства, но и рыболовства, оказывая существенное влияние на ход рыбы.

Меняется не только положение устья, но и ложа реки. Это относится не только к рекам, текущим меридионально, какова р. Камчатка, но и к рекам, направляющимся широтно. Происходит не только размывание берега реки, но и настоящее отклонение ее ложа к югу, что особенно наблюдается на том же Западном берегу; жители давно заметили это обстоятельство и стараются располагать свои селения на правой стороне реки, тогда как меньшая часть селений, стоящих на левой стороне, принуждена временами менять место вследствие передвижения русла.

Период рекостава для камчатских рек различен. Замерзают они довольно рано (сравнительно напр. с северными притоками Амура) и приблизительно в одно время все: 30 окт.—15 ноября; во второй половине ноября они уже не пре-

пятствуют установлению зимнего пути. Зато освобождаются от льда далеко не одновременно: и 1 мая-5 июня на севере и 25 марта—1 мая южней; такие реки, как Лесная и Карага допускают езду на нарте, хотя и не при очень ярком солнце, еще в мае, а через Тиличиги или Кичигу даже в июне нельзя переправляться на лодке, так как на них все еще стоит тонкий почерневший лед.

Еще дольше покрыты льдом реки крайнего севера, где Анадырский лиман освобождается от льда только к концу лета, а р. Лаврентия и Яндогай иногда не успевают очиститься от зимнего покрова совсем. Это обусловливается, помимо северного положения рек, еще рядом обстоятельств: влиянием северных ветров Ледовитого океана, распространением холодного течения Берингова моря.

Ледяной покров северных рек располагается гладкой пеленой, и торосные пространства встречаются не слишком часто; по камчатским рекам можно подниматься вверх на большие расстояния, и препятствием являются нестолько ледяные глыбы, сколько обширные полыньи, где вода не замерзает даже зимой из-за быстроты течения. Такой „непропуск“ объезжается по припаю, т. е. по пластам льда, приставшим к берегу. Иной характер носят реки, протекающие через узкие ущелья, как Вилига на Охотском берегу или Анапка на Восточно-Камчатском, где образовались подобия коридоров, сквозь которые постоянно дуют яростные ветры; лед здесь разбит и нагроможден, что делает переезд по этим рекам очень трудным, а крутой спуск к морю при бешеном ветре еще более увеличивает опасность выхода из такого ущелья. Столь характерных рек не так много, но вообще реки Охотского побережья, круто падающие к морю, носят более выраженный горный характер, а потому их зимний вид представляет и менее спокойную картину.

IX.

Главные реки Охотского побережья: Алдома (250 км. при ширине 20-200 м.), Улья (550 км. при шир. 150-300 м.), Урак, Охота (550 км. при шир. до 300 м.), Кухтуй, приток Охоты (370 км.), Иня (370 км.), Кава (544 км.), смежные реки Яна и Армань (310 км.), Кола, Яма, менее значительные по размерам Тахтояма, Туманы, Кананага, Вилига,

Таватома, Гижига (310 км.), более крупная Пенжина, наконец, Таловка.

Главные реки Западно-Камчатского берега: Камбальная, Озерная, Явина, Голыгина, Опала, Большая (220 км.) с притоками Плотниковой и Быстрой, в верхнем течении называемая Начикой и далее Озерной, Кол, Воровская, Колпакова (все по 150-160 км. при ширине 25-30 м.), Облуковина, Ича (обе по 210 км.), Сопочная, Морошечная, Белоголовая, Хайрюзова (125-140 км.), Тигиль (220 км. при ширине до 100 м.) с притоками Седанкой и Пирожниковой (справа), Напаной (слева), Кахтана, Паллана, Лесная.

На Восточно-Камчатском берегу рек немного: Авача, и Паратунка, вливающиеся в Авачинскую губу, Русакова, Ивашка, Дранка, Карага, все в северной части Камчатского пол. Кичига, Тиличиги, Олюторка довольно крупные реки (до 210 км.) на Анадырском побережьи.

Главная водная артерия Камчатского полуострова—р. Камчатка простирается на 700 км. при наибольшей ширине 100-150 м. Она принимает 116 притоков, из которых только р. Еловка отличается большой длиной (220 км.), все прочие притоки-небольшие горные речки, по 25-50 км. длиной при глубине $^1/_2$-1 м. Более крупные притоки следующие: Повыча, Щапина, Толбачик (справа), Адриановка, Кирганик, Кимитина, наконец, упомянутая Еловка.

Самая значительная по размерам река северного края—Анадырь (1400 км.) с притоками Белой и Танюрером (справа), Майном и Большой (слева).

Чукотское побережье реками небогато: на крайнем севере текут р. Яндогай и р. Лаврентия.

Рельеф Охотского побережья не представляет благоприятных условий для развития озер: они не могут располагаться ни на крутых склонах Джугджура, ни на пологих скатах Колымского хр. Лишь заболоченная тундра в низких падях дает возможность для образования мелких озер, часто изобилующих пресноводной рыбой: щуками, налимами, хариусами. Такие тундровые озера попадаются местами на самой вершине Колымского хр.

Но и упомянутые маленькие озерки встречаются на Охотском побережьи не часто, они попадаются в речных

системах южно-охотского побережья, давая начало мелким притокам; они совершенно отсутствуют в средней части побережья, несмотря на обширные бассейны протекающих тут рек, исключая Каву, единственную равнинную реку всего побережья, где представляется больше благоприятных условий для возникновения мелких озер; в тундре, прилегающей к Гижиге, есть группа их, самое большое из которых (40 км. в окружности)—Паренское.

На Камчатском пол., кроме небольших озер того же характера, что на Охотском побережьи, есть несколько крупных бассейнов вулканического происхождения, сразу бросающихся в глаза своими кратерообразными берегами. *) К числу первых или точней—лиманных озер принадлежат Нерпичье, Соленое, Каменское, Курарочное, Кабылханак, Гренадерское, Харчинское, расположенные в низовьях р. Камчатки, и другие более мелкие, часто попадающиеся в прибрежной тундре. Их глубина колеблется между 4-6 и $^1/_2$-1 м.

Вторых (вулканических) немного: Кроноцкое (60 км. дл. и 50 км. шир.), Курильское (еще больших размеров), Палланское (25 км. дл. и 22 км. шир.), Тарьинское. Эти озера отличаются большой глубиной: около самого берега в Курильском оз. она превышает 100 м.

Эти озера лежат в дикой пустынной местности, до которой весьма трудно добраться. Как всегда в таких случаях, с этими озерами связаны разные легенды, повествующие о борьбе добрых и злых духов и, возможно, имеющие основу в грозной борьбе сил природы, которой созданы эти обширные водовместилища.

Об их характере можно составить представление по Кроноцкому оз., сравнительно с другими более известному. Оно окружено целым кольцом вулканов; из озера поднимается несколько островов, сложенных лавовыми потоками; берущая отсюда начало Кроноцкая река перегорожена у самого выхода мощной каменной глыбой, образующей громадный водопад. В заключение, надо упомянуть об оз. Красном близ р. Анадыря.

---

*) Палланское оз., которое можно взять, как пример водоема вулканического происхождения, хорошо описано Дитмаром, цит. соч.

X.

Климат северо-востока Азии не изучался систематически, а метеорологические элементы отмечались только в немногих пунктах страны. Путешественники по северу попутно делали метеорологические наблюдения и снабдили и географическую литературу рядом более или менее отрывочных данных. Только Камчатская экспедицая Рябушинского имела специальный метеорологический отдел под руководством д-ра Власова и издала свои труды, касающиеся Камчатского пол.*)

Метеорологическая служба неслась Петропавловской и остальными радиостанциями, а их данные сводились Морской обсерваторией во Владивостоке, синоптические карты которой и дают последний по времени материал для суждения о климате крайнего северо-востока. Метеорологическая служба на северной окраине во время революции пришла в упадок, и сейчас не может считаться восстановленной достаточно полно. Между тем жизнь требует ее расширения и создания новых отраслей, напр. „ледяной службы", наблюдения за плавающими льдами, что имеет первостепенное значение для северного мореходства.

Основными факторами климатического режима на северо-востоке, как и во всей прилежащей части азиатского материка, является смена тихоокеанского циклона и сибирского антициклона, определяющих различие между летом и зимой: первое отличается теплыми, влажными южными и юговосточными ветрами, вторая холодными, сухими северными и северо-западными; первые приносят мягкую сырую погоду летом, вторые суровую ясную погоду зимой. Влияние тихоокеанского циклона чувствуется до крайних пределов северо-востока; ветры от южных румбов, называемые здесь: „курил дует" (т. е. ветер с Курильских о-вов), дают себя порой знать даже зимой, принося пургу с дождем.

Весьма возможно, что в районе Берингова моря имеется еще особое воздушное течение, характеризующееся постоянством своего направления с севера и северо-запада. Все, кто бывал на месте встречи Берингова прол. с Ледо-

---

*) Власов. *Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского. Метеорологический отд.* 1 и II. Москва, 1914.

витым океаном, замечали противоположность, прямо столкновение воздушных потоков по ту и другую сторону м. Дежнева. Ветры от северных румбов, дующие к этому мысу, загромождают побережье льдом, даже среди лета, со стороны океана, тогда как со стороны пролива оно остается чистым от льда

Распределение морских течений и свойства североазиатских морей вообще не остаются без влияния на климат побережья, в общем делая его более суровым, чем в тех же широтах Европы. Холодные течения Охотского и Берингова морей, обращающие их в полярные бассейны, способствуют понижению температурыпобережья,и тем более заметно суровое действие Ледовитого океана; лишь ветвь теплого Куросиво, омывающая Восточно-Камчатский берег, создает для него и долины р. Камчатки мягкий морской климат.

Дислокация горных хребтов северо-востока также влияет на здешний климат, создавая тут разные климатические области. Основной фактор, увеличивающий суровость здешнего климата, близость якутского центра холода, сказывается на северо-востоке не одинаково: задержанный Становым хребтом, ток холодного воздуха ослабляется уже на Охотском и Западно-Камчатском побережьи и совершенно не ощущается по другую сторону хребтов Камчатского пол. на Восточном побережьи. С другой стороны, неодинаковы климатические свойства горной страны, Камчатского пол. и обширного понижения, Гижигинского и Анадырского края.

В общем, если запад и центральная часть рассматриваемой окрайны отличаются суровым континентальным климатом, то востоку свойствен умеренный морской, делающий эту часть страны наиболее благоприятной для жизни. Наоборот, совершенно неблагоприятна часть страны, прилежащая к Ледовитому океану, по истине гигантский холодильник.

XI.

Зима—наиболее продолжительный сезон на северо-востоке, затягивается порой до мая; почти без весны она пе-

реходит в короткое дождливое лето, за которым следует лучший здесь сезон, сухая ясная осень.

Зима производит гнетущее впечатление не столько своей суровостью, сколько продолжительностью и однообразием. Ее тоскливость увеличивается еще больше тем, что день бывает очень коротким, а на крайнем севере в течение некоторого периода солнце не появляется вовсе.

Зима—время постоянных северо и северо-западных ветров, дующих с необычайной силой и часто приносящих яростные пурги. Пурга может свирепствовать днями, даже неделю; во время ее не только легко сбиться с дороги, так как сквозь непрерывно падающий и бешено крутящийся снег ничего не видно в расстоянии двух шагов, но даже нельзя добраться из дома в дом в одном и том же селении. Отмечались ветры со скоростью 6,3 м. в секунду (Марково) и даже 8,6 (Ново-Мариинск).

Эти ветры иногда сменяются южными и юго-восточными, тоже большой силы, приносящими оттепель, дождь со снегом в январе или феврале и гололедицу. Эти месяцы—вообще время яростных ветров.

Южные и юго-восточные ветры, дующие летом, достигают наибольшей силы в июле-августе и сопровождаются короткими, но сильными ливнями. Осень и в этом отношении оказывается лучшим сезоном: она совершенно безветренна.

Месячные зимние температуры на северо-востоке весьма низки, исключая только Восточно-Камчатский берег. Наиболее низкие температуры отмечались зимой в Охотске (-40° Ц.), Наяхане (41°), Ново-Мариинске (47°), Маркове (53°). Полевой наблюдал в Маркове температуру—50°. Летние температуры более однообразны по всему северо-востоку: наибольшие из них отмечались в Усть-Камчатске (25° Ц.), Оле (26°), Маркове (27°), Петропавловске (29°). Ночью температура понижается значительно: в Петропавловске было 9° Ц. (июнь) и 10° (июль). Здесь же температура воды не превышает 10° Ц., а обычно держится на 7°.

Температуры самого холодного и самого жаркого месяца и годовая по отдельным пунктам выражаются так.

Наблюдат. пункты	Январь	Июль	Годовая
Охотск	— 28	14	— 6
Ола	— 26	13	— 6
Наяхан	— 24	12	— 6
Большерецк	— 16	19	— 2
Петропавловск	— 8	12	1
О. Беринг	— 5	9	2
Усть-Камчатск	— 16	14	— 1
Ново-Мариинск	— 30	12	— 10
Марково	— 33	14	— 8 *)

Таким образом, исключая Авачинскую бухту и Командорские о-ва, находящиеся в особо благоприятных условиях теплого морского течения, везде на северо-востоке Азии годовая температура невысока, и сумма тепла, получаемого землей, оказывается невелика, чем создается короткий вегетационный период. Комаров наблюдал в Петропавловске распускание деревьев 28 июля, а листопад 4 октября.

Количество выпадающих осадков на северо-востоке не велико: в Гижигинском и Анадырском у. 200 мм. в год и значительно больше на Восточно-Камчатском берегу. На Камчатском пол. снег выпадает в середине октября и держится до июня, а в Анадыре и до августа. Весь Восточно-Камчатский берег отличается обилием снега, выпадающего на 2-3 м. глубиной; Петропавловск заносит снегом до второго этажа домов. Дожди на Камчатском пол. выпадают в конце лета, а еще позже наступает время туманов, обволакивающих побережье густой пеленой. На Охотском побережьи, независимо от общих причин, создающих избыток влаги, туманы образуются по местным причинам (пятна холодной воды в море), и потому они случаются здесь также весной. А вообще, весна на Охотском побережьи, совпадающая со временем смены сибирского антициклона тихоокеанским циклоном, отличается большой сухостью воздуха, что способствует обширным пожарам тундры.

*) А. А. Пурин, *Льды Японского и Охотского морей и Сев. Ледовитого океана*, Харбин, 1925, стр. 33.

XII.

Растительный мир азиатского северо-востока изучался с давнего времени: уже при экспедиции Беринга, двести лет назад, этим занялись Стеллер и Крашенинников; собирались коллекции и позже, но все это делалось трудами отдельных лиц, и носило случайный характер; лишь в наше время было произведено систематическое изучение камчатской флоры экспедицией Рябушинского (1909 г.), в результате чего было издано ее ботаническим отделом описание пресноводных водорослей, грибов и морских водорослей, найденных на Камчатском пол. Ботаническим отделом экспедиции руководил акад. В. Л. Комаров. Камчатская флора не богата (700 видов сосудистых растений), но представляет большой интерес своими особенностями, связанными с вулканической обстановкой ее существования. Хуже изученной оказалась охотская флора, для знакомства с которой имеется труд Регеля и Тилинга, относящийся к довольно старому времени: 1858 г. (содержит определение 354 видов). Повезло Командорским о-вам, привлекшим внимание, как пункты обмена растениями между Азией и Америкой; командорская флора обследована Федченко. Совершенная темнота царит в сведениях о флоре Чукотско-Анадырского края, где толком не известно даже распространение моховой тундры. Последняя по времени научная экспедиция на Камчатке, состоявшая из шведских ученых и работавшая тут в 1920-1922 г., собирала также ботанические коллекции.

Северо-восточная Азия охватывает две флористических области: тундру и тайгу, из которых первая, вытягиваясь клиньями, далеко заходит на юг, а вторая, правда, представленная жалкими экземплярами лиственных пород, достигает в своем распространении до далекого севера. Тундра Охотского побережья и Камчатского пол. преимущественно болотная, на границе Гижигинского района она сменяется моховой. Лесные насаждения отличаются признаками т. наз. охотско-аянской флоры, с некоторыми отступлениями от общего типа, которые представляются „островной флорой" Камчатского пол.

В южной части Охотского побережья встречаем типичные для него даурскую лиственицу (Larix dahurica), аян-

скую ель (Picea ajanensis) с подмесями березы (Betula Ermani), тополя (Populus suaveolens), ольхи, приобретающих все большее распространение по мере приближения к морскому берегу. Кедр не переходит за Джугжур, а сосна встречается только в самой южной части рассматриваемой области, у Аяна. Не одинаков и внешний вид охотской растительности: густая хвойная тайга южно-охотского побережья постепенно сменяется редкими лиственными насаждениями, свойственными району Охоты и Кухтуя: только лиственица встречается и более густыми зарослями и более крупными экземплярами.

Склоны Колымского хр. бедны растительностью: до Ямска еще попадаются редкие, преимущественно лиственичные насаждения, северней же гребень хребта оголен совершенно, а полоса между хребтом и морем имеет характер моховой тундры. *)

Окрестности Гижиги и Пенжина лишены хвойного леса, лиственица встречается только островами. Лишь кедровый сланец, поросли которого часто встречаются на Колымском хр., заходит далеко на север. Таким образом, растительность Охотского побережья на севере теряет типичные признаки материковой флоры и отличается господством лиственных пород: тополя, ольхи, березы и осины, приобретающих, чем далее к северу, тем более чахлый вид (Betula Ermani, Betula nana, Alnaster fruticosus).

Ландшафт южно-охотского побережья в долинах рек весьма оживлен; хвойный лес смешан с подлеском лиственных кустарников: голубицы, жимолости, княженики, шиповника, боярки и курослепа; моховые болота сменяются кочковатыми лужайками с кустарником можжевельника, ерника и пр.; эти лужайки пестреют разнообразными цветами из числа лютиковых и зонтичных. На низменном побережьи ландшафт становится более тусклым; серый покров болотных и тундровых растений состоит из мхов разного вида: Polytrichum, Hypnum, Sphagnum, Bryum и др. Встречается небольшая растительность низкорослых кустарников или густые поросли брусники, черники, морошки и клюквы.

Кустарниковая растительность северно-охотского побе-

---

*) Майдель, цит. соч. стр. 245.

режья состоит из ивняка (виды Salix), кустарниковой березы (Betula fruticosa), рябины, шиповника, жимолости, можжевельника. Травяная растительность и менее богата и менее ярка, чем в южной части побережья, и постепенно уступает место болотному и тундровому покрову.

Болотные пространства покрыты мхами, перемежающимися с кустарниками и ягодниками. Мокрая тундра одета теми же кустарниками березы, ольхи, ивы и сланика; растительный покров состоит из мхов: Bryum, Polytrichum, Hypnum и др., перемежающихся с осокой (виды Carex). Морошка и голубика вносят единственное разнообразие в монотонный серый покров тундры.

Тундра, встречающаяся площадями на южно-охотском побережьи, на севере заполняет все побережье, доходя по речным долинам до водораздельных хребтов, а иногда поднимаясь на самые хребты. Широкое развитие тундры по Охотскому побережью вызвано неблагоприятными климатическими и почвенными условиями вообще, к чему на севере, как дополнительный фактор, присоединяется еще равнинный характер местности. Наиболее губительны для древесной растительности—грозные морские бури и яростные материковые ветры, свойственные Охотскому побережью.

Полоса между Анадырем и Охотским морем совершенно безлесна, исключая небольшие островки леса по берегам более крупных рек. Такой же характер носит все Анадырское побережье; прежнее существование леса в Олюторском районе Майдель считает недостоверным. Отсюда к северу тянется сплошная полоса моховой тундры, заполняющей и всю среднюю часть Анадырского края; несколько сомнительным представляется, как далеко она заходит на восток, вытесняя, след., древесную растительность. Два путешественника, хорошо знающие этот край, расходятся об этом в мнениях. Майдель, подтверждая, что лиственица исчезает на широте Гижига-Пенжина, считает восточной границей леса тополь и ольху; Полевой говорит, что лиственичные насаждения встречаются еще в верховьях Анадыря и истоках Анюя, т. е. в весьма северной полосе и далее уклоняются к юго-западу. *) Форпосты лесной ра-

*) Майдель, цит. соч. стр. 248. Полевой, цит. соч. стр. 58.

стительности, лиственные породы кустарникового типа, заходят на север весьма далеко.

Побережье Берингова прол., крайняя северная часть страны—место безраздельно господствующей безотрадной тундры. Вот что говорит о ней Кеннан, видавший самые унылые места Сибири: „никогда, кажется, элементы холода, безплодности и запустения не составляли такой мрачной картины, как та, которая лежала перед нами у Берингова моря. Насколько глаз мог проникнуть в этот мрак, во всех направлениях простиралась голая степь, подобно безграничному снежному океану, с волнообразными возвышенностями, следами прежних бурь“. *)

XIII.

Камчатский пол. представляет собой отдельную от материка флористическую область, что находит выражение, как в отсутствии непрерывной связи с охотскими лесными насаждениями (тундра Парапольского дола), так и в особом характере здешней растительности.

Климатические условия Камчатского пол. и его геологическое прошлое способствовали образованию здесь особой островной флоры. Нельзя сказать, чтобы эти условия были благоприятными: „растительность Камчатки“, говорит акад. Комаров,” несмотря на мощность развития отдельных ее представителей и общую свежесть июньского пейзажа, производит впечатление многострадальной.“ **)

На Камчатском. пол. можно различить два флористических района: оба побережья и долину р. Камчатки с окружающими хребтами. Первые характеризуются господством кустарниковой и тундровой растительности, что вызывается теми же климатическими и почвенными факторами, как и на Охотском побережьи; вторая, будучи закрыта от ветров, дает возможность развития несвойственной полуострову древесной растительности (стройные тополь и береза, громадные лиственица и пихта) и пышного травяного покрова.

---

*) George Kennan *The tent life in Siberia, 1870* (приводит Полевой, цит. соч. стр. 60).

**) Камчатская экспедиция Ф. П. Рябушинского. Ботанический отд. Вып. I: Комаров, *Путешествие по Камчатке*, Москва, 1912, стр. 415.

Растительность побережий весьма однообразна, в особенности на Западном берегу, где условия для нее менее благоприятны. Кустарниковая растительность состоит из ольховника, тальника, кое-где кедрового сланца; местами побережье представляет песчаные отмели, лишенные всякой растительности, как в южной части Западного берега или по сторонам от устьев р. Камчатки. Травяная растительность довольно небогата, особенно по мере приближения к северу: Pisum maritimum, Senecio pseudoarnica, Cicuta virosa, Artemisia borealis образуют обширные заросли. Без того скудная растительность часто уступает свое место тундре, появляющейся то полосами, то островами, где господствуют бурые и серые мхи, местами оживляемые ягодником: морошкой, брусникой, черникой, толокнянкой.

Более оживлен ландшафт, свойственый берегам рек, становящийся все более разнообразным по мере движения вверх по течению. Кустарники ольхи, тополя, ветлы, тальника переплетаются с густыми зарослями жимолости, бузины, калины, шиповника, черемухи. Травяной покров довольно разнообразный; видное место в нем занимают злаки: пырей (Calamagrostis Lansdorfii) и сарана (Fritillaria Kamtschatica), очень развиты осоки, дальше от берега лужайки состоят из высокостебельных Angelica silvestris, Heracleum dulce, Epilobium angustifolium, Senecio palmatus. Особенно любопытны обширные поляны, сплошь заросшие колоссальных размеров, в рост человека, медвежьими корнем (Angelophyllum ursinum) и сладкой травой (Heracleum dulce). *)

На хребтах, отходящих внутрь страны, появляется древесная растительность, требующая более благоприятных условий для жизни: стройные тополь (Alnus incano) и береза (Betula alba), местами даже лиственица и пихта; здесь уже начинается флористический район камчатской долины. Впрочем, на самых вершинах древесная растительность снова становится скудной и наконец уступает место альпийской флоре лишайника и вереска.

После сказанного нет надобности распространяться о Камчатской долине: все, что в бедных размерах произра-

*) Комаров, цит. соч. стр. 414 отмечает буйный рост камчатской растительности в верховьях рек.

стает повсюду на Камчатке, все, что вносит разнообразие в флору Охотского побережья, все встречаем здесь в пышной форме. Долина изобилует прекрасными лугами, усеянными густым покровом крестоцветных, розоцветных, зонтичных, сложноцветных, фиалок, гераней, камнеломок, среди которых мощно развиваются Epilobium angustifolium, Senecio palmatus, Fritillaria kamtschatica, Heracleum dulce, доставляющие столь полезные в камчадальском быту приправы (кипрей,сарана) и напитки(сладкая водка). Подножия хребтов и нижние склоны поросли прекрасным мачтовым лесом лиственицы и пихты, выше которых расположились только что упомянутые тополь и береза.

XIV.

Фауна русского северо-востока вообще, Охотско-Камчатского края в частности, обнаруживает любопытную особенность в том отношении, что здесь встречаются представители животного мира, свойственного и крайне северным и весьма южным широтам. Меткая фраза Миддендорфа, что за обладание азиатским северо-востоком спорят гербы сибирский (олень) и бенгальский (тигр), полностью приложима, разумеется, только к южной части этой фаунистической зоны, к Приамурью; но mutatis mutandis, она имеет значение и для более северной части, для Охотского побережья и Камчатского пол., где бок о бок живут такой характерный обитатель севера, как олень, и обычные для южных широт горный баран и горная коза, или, что еще необычней для севера, кабан (на Охотском побережьи). Несмотря на то, что тундра захватывает значительную часть Камчатского пол. и проникает клиньями также на Охотское побережье, животный мир этой зоны никак не может быть назван тундровым: здесь распространены обычные для умеренных широт медведь, лисица, волк и такие южные обитатели, как росомаха и рысь.

Своеобразный характер северо-восточной фауны лишь недавно получил объяснение в трудах Берга и Никольского: состав этой фауны в основных чертах восходит к третичному периоду, когда климатическое условия жизни в Сибири были более благоприятны, чем современные: климат был влажным и теплым, что способствовало буйному

росту лесов и распространению южных фаунистических форм, образцом которых поныне является „субтропическая" фауна южной Сибири.

„Сформировавшись в конце третичной эры", говорит Кожов, „фауна северной части Евразии должна была испытать сильнейший кризис во время ледникового периода".*) Часть животных форм погибла, другая приспособилась к новым условиям существования; в свою очередь животный мир крайнего севера, для которого характерно присутствие оленя, спустился в более низкие широты и акклиматизировался там наряду с южными экземплярами.

Восточно-сибирская фауна, в том числе и охотско-камчатская, по количеству форм заметно уступает животному миру соответственных широт Европейской России и даже Западной Сибири. Это не так заметно на млекопитающихся, из которых тут хорошо представлены хищные и копытные; не замечается также на птицах, из которых тут особенно распространены водные; зато бросается в глаза бедность фауны рептилиями и амфибиями и почти совершенное отсутствие тех и других на севере; отмечается малое количество рыб, особенно поразительное при сравнении с многочисленностью особей, преимущественно лососевых.

Это замечание тем более справедливо относительно тундры, составляющей большую часть азиатского северо-востока. Здесь животный мир еще бедней формами, чем в остальной сибирской фаунистической провинции: сравнительно с последней здесь оказывается только 30 $^0/_0$ млекопитающих и 37 $^0/_0$ птиц. Зато животное население тундры, раз приспособившись к ее условиям, не встречает больше препятствий к размножению в этой необъятной среде, и поражает многочисленностью экземпляров.

Животный мир здесь отличается от европейской фауны не только количественно, но и качественно. Характеристику его, в частности млекопитающих, мы найдем в превосходных работах, старой Аллена и недавней Огнева. Здесь встречается большой процент форм отличных от европейских: так из птиц, 40 $^0/_0$ не попадаются в Европ. России,

---

*) М. Кожов, *Состав фауны Восточной Сибири и ее распределение*, Труды секций Вост. Сибир. отд. Российск. Географ. общества, Иркутск, 1926, стр. 21.

из рыб 42 %. Азиатский северо-восток, являющийся во многих отношениях связующим звеном между Евразией и Америкой, играет такую же роль в отношений фауны: из числа свойственных лишь ему форм—15% американоидных, при чем половина из них приходится на Охотское и Берингово побережья. *)

XV.

Обратимся теперь к непосредственной характеристике тундрового животного мира. Его постоянные представители, окрашенные в тот же белый цвет, что и снеговая тундра,- белый медведь, несколько видов леммингов, 3-4 полевки, белый заяц, такой же песец, северный олень. Летом, когда тундра дает больше пищи, сюда набегают горностай, лисица, волк, росомаха, бурый медведь. Суровый характер тундры зимой, когда в ней погибает всякая растительность, не дает возможности жить тут птицам, из которых только белая куропатка да такая же сова выдерживают условия жизни. Зато летом сюда налетает довольно много, около 80 видов птицы, живущих значительно южней.

Следует отметить особый характер, который свойствен животному населению крупных и мелких водоемов, какие часто попадаются на побережьи Охотского и Берингова морей. Здесь живут речная выдра, водяная крыса, землеройка, вертятся летучие мыши. Многочисленна и резнообразна водяная птица: кулик, чибис, чирок, кряква, шилохвост, гагара, чайка.

По мере движения на юг, животный мир становится более разнообразным. На Охотском побережьи и на Камчатке постоянно живет большое число хищных, во главе с соболем, особенно характерным (и по численности и по качествам) для Камчатки: здесь распространены медведь, лисица, заяц, менее волк, из мелких зверей тарбаган, колонок, белка (последняя только на материке). Хребты Камчатки изобилуют копытными зверями: здесь на недоступных высотах гнездятся горный баран, горная коза, повсюду встречается дикий олень, к которому на Охотском побережьи

---

*) Огнев. *Млекопитающиеся Восточной Сибири*. Владивосток, 1926.

присоединяется еще косуля; там же, в южно-охотском районе, в обширных „марях“ побережья, нашли себе приют сохатый, а в тростниковых зарослях—кабан.

В противоположность наземным млекопитающим, на севере весьма много водных млекопитающих. В Беринговом и Охотском морях плодятся в большом количестве ластоногие и китообразные.

Из ластоногих, насчитывающих тут более 10 видов, распространены нерпа, лахтак, морж, сивуч и менее других тюлень и котик. Существование тюленя на крайнем севере, впрочем, оспаривается, котик же обитает около Командорских о-вов. В Камчатском море прежде плодились во множестве бобры, почему и самое море называлось Бобровым; теперь они сохранились только на Командорских о-вах и м. Лопатке. Наиболее распространенным морским зверем на севере (и по числу видов и по количеству особей) является нерпа, именно, серая нерпа черная нерпа, акиба.

Из китообразных в северных водах обитают дельфины, белухи, касатки, в особенности первые, ходящие табунами по Охотскому морю.

В северных морях, наконец, сохранился и наиболее внушительный представитель этого семейства, кит, встречающийся тут в числе более 20 видов, принадлежающих к беззубым и зубастыми китам. Наиболее распространены виды: северный кит, горбатый кит, полосатик, кашалот.

Благодаря важному промысловому значению, какое имеют рыбы Д. В. или, что все равно, северных морей, они оказались изученными лучше, чем прочие представители здешнего животного мира. Изучение фауны восточных морей при? зводилось в 1899-1907 г. шхуной „Сторож“ и обязано своим началом трудам В. К. Бражникова. Это исследование продолжалось до самой мировой войны и многим обязано трудам В. К. Солдатова. Общий обзор рыб Д. В. сделан П. Ю. Шмидтом еще в 1904 г. Прерванное революционными временем, изучение рыб русского северо-востока в последнее время вновь стало оживать в трудах, как отдельных исследователей, так и научных организаций; так М. Н. Павленко работал над исследованием восточной сельди; недавно организована во Владивостоке биологическая

станция, имеющая целью изучение морской фауны Д. В.*)

Уже отмечено отличие рыб Д. В. от европейских—бедность видами; сибирские рыбы на 40 % лососевые, а для Д. В. этот % еще выше. Лососевые здесь имеются в виде кеты, красной, кижуча, горбуши, менее встречается чавыча. Из морских рыб тут живут еще треска (Охотское море) и сельдь (Камчатское море), местами попадается килька и т. наз. уйки, в реках плодится голец (форель).

---

*) В. К. Бражников. *Материалы по фауне восточных морей, собранные шхуной „Сторож“ в 1899-1907 г.* Записки Академии Наук, XX, 6, Петербург, 1907.-Работы Солдатова географически связаны с нижним Амуром, а Павленко с зал. Петра Великого (район Владивостока).-П. Ю. Шмидт, *Рыбы восточных морей.* Петербург, 1904. Он же, как руководитель зоологического отд. Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского, редактировал соответственный том ее трудов, Москва, 1916.-Тихоокеанская научно-промысловая станция издала первый том своих трудов, Владивосток, 1927.

II. Исторический очерк.

I.

Колонизация есть основной факт русской истории, говорит В. О. Ключевский. Российская территория постоянно колонизуется, будь это на заре жизни русского народа, будь это после тысячелетнего исторического развития. Путем колонизации была освоена нынешняя великорусская территория, при помощи ее же происходит освоение Сибири.

Знаток колонизационной истории Поль Леруа-Болье, также отмечая тесную связь колонизации с русской историей, находит, что русская территория расширялась не за счет эмиграции, а естественного перемещения народа по мере роста его сил. Российская территория—и в том числе Сибирь—непрерывна по своему протяжению, и только океан оказался естественным пределом ее дальнейшего роста.

С такой точки зрения история стран, освоенных русскими поздней сравнительно с остальной территорией, должна быть по преимуществу историей колонизации: мы говорим, тем более, о слабо населенном азиатском северо-востоке. Однако здесь, и в частности на Камчатке, представляются некоторые местные особенности, благодаря которым и местная история наполнилась разнообразным содержанием.

Здесь колонизационная политика постоянно обгоняла колонизационные возможности; поэтому тут было испытано, для различных целей, больше форм управления, чем в остальной Сибири. Сколь ни разнообразны были приемы этой колонизации, но результат получился один: территория азиатского северо-востока освоена слабо, русский элемент на ней численно ничтожен, определенный тип управления не выработан; в частности, в противоположность хотя бы соседней Аляске, где американская колонизация началась двумя столетиями позже, чем русская на Камчатке, и создала промышленную страну с белым населением, численно равным туземному, на Камчатке все население, вместе взятое, вдвое меньше соответсвенной цыфры

на Аляске. Колонизаторский талант русского народа как-будто споткнулся на этой окрайне.

Отличие Камчатки от прочих частей российской территории — ее отрезанность от материка, что ставит ее в ряд с настоящими заморскими колониями. Здесь нет непрерывного перемещения народности, что Леруа-Болье отмечает для сибирской колонизации. Поэтому инкорпорация Камчатки в состав российской территории не могла быть такой полной, как других частей; тут до последнего времени были народности, фактически не приведенные в русское подданство, как чукчи, не платившие ясака до последних дней старого режима. Еще слабей могло проявиться тут культурное влияние русского завоевания.

Следствиями отдаленности и отрезанности Камчатки были следующие свойства ее истории: 1) она вошла в состав государства позже многих частей его территории; 2) ее покорение было связано с чрезвычайными трудностями, и ее завоевание длилось непомерно долго; 3) нигде, кажется, русское завоевание, а позже русское управление не проявило столько жестокости и хищничества, как здесь;4) колонизационный процесс прошел тут только начальную стадию; 5) как всякая заморская территория, Камчатка не связана с метрополией слишком прочно и может быть отторгнута от нее (попытки нападения англо-французов в 1855 г. и японцев в 1905 г.); с этим же обстоятельством связан областной сепаратизм очень древнего происхождения (бунт Беневского в XVIII в.).

Как сказано, Камчатка прошла только начальную форму колонизации. Здесь имеется в виду разнообразие интереса, который двигал правительственную политику в Сибири за ряд столетий; в XVII в. она вдохновлялась. стремлением овладеть сибирской пущниной, в XVIII в. поисками горных богатств, в первую очередь золота, в XIX в. необходимостью создать новый земельный фонд, в связи с чем начинается планомерное переселение в Сибирь. На Д. В. этот процесс запоздал почти на столетие, а на Камчатке он только начался. Она еще не увидела второго периода колонизации, эксплоатации горных багатств, а между тем была предпринята, и при том не одна попытка опередить время: использовать ее, как земледельческую страну. Для

этого не было ни подходящего крестьянского населения, ни благоприятных физических условий, и получилось только блуждание камчатского управления по безнадежным путям.*)

Причины колонизации дальнего севера были вторичным явлением в ряде факторов, вызвавших русское движение в Сибирь. Сюда в XVI—XVII ст. народ толкала политическая и социальная обстановка московского царства: гнет всякого рода: административный, финансовый, преследования за старую веру, прикрепление посадского человека к тяглу, закабаление крестьянина крепостным правом, заставляли народ, „брести розно“, сначала за „Камень“ (за Урал), потом по всей Сибири, наконец, к океану. В середине XVII в. это движение докатилось до Якутска, чтобы веером распространиться дальше: в Приамурье и к Ледовитому океану.

В движении из Якутска отмеченные общие факторы недовольства народа своими положением уступили место сознательному стремлению царского правительства к отысканию„ новых землиц,“ стремлению, нашедшему отклик в интересе казаков и торговцев к отысканию новых богатств.

Оба интереса существовали, конечно, и раньше: но в движении к океану, в открытии Камчатки они получили первостепенное значение.

II.

Московское правительство толкало своих воевод на этот путь ради обогащения своей казны ценной пушниной. **) Сношения с Западом и Востоком, роскошь царского двора, содержание иноземной армии требовали денег, которых не было в московском царстве, стране натурального хозяйства. Меха дали московскому правительству, по меткому выражению проф. Бахрушина, золотой фонд для расплаты с заграничными странами, при помощи организованной монополии внешней торговли.

---

*) Фактический очерк исторических событий на северо-востоке, с многими бытовыми подробностями дал Сгибнев. *Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 г.* Петербург, 1869.-Как собрание исторических источников, ценны „*Памятники сибирской истории XVIII в.*“ Петербург, 1882-1885.

**) С. В. Бахрушин, *Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.* Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, Петроград, 1922, стр. 20—40.

Поиски этого фонда привели московское правительство к берегам Тихого океана, как о том читаем в одной памяти (указе) Петра Великого: „приложить тщание о сыске иных народов богатых, которых реки в моря океана Восточного впали и которые живут на островах, и проведывать про них лаской и учинить с ними дружбу и торговые промыслы. И про те народы ведомость писать и чертеж возвратясь в приказной палате подать“. *) Ясно указана цель правительства, и вместе с тем дана инструкция открывателям новых земель, начиная от Атласова на Камчатке и кончая Шелеховым на Аляске.

Таким же золотом была сибирская пушнина для охочих и торговых людей, т. е. казаков и купцов. Одинаковый дух наживы побуждал русских „землепроходцев“ отправляться к Студеному морю (Ледовитый океан), и раньше испанских „конкистадоров“ (завоевателей) в тропические страны, где они искали настоящего золота. От Камчатки, как самой далекой окраины, ожидали редчайших богатств—существующих и сказочных.

Ожидания, действительно, большей частью оправдались: открывались все новые земли, населенные богатыми пушниной туземцами. Страсти разгорались еще больше: смельчаки не останавливались перед океаном, переносили свои поиски на затерявшиеся в нем острова, как Командорские или Алеутские, пока не добрались до нового материка, таким образом овладев американским побережьем.

Сопутствовавший мореплавателям успех окрылял фантазию и заставлял отправляться на поиски того, что существовало только в грезах, но не в природе. Поразительны при этом не только смелость русских авантюристов, но и легковерие правительства, им доверявшегося. Неграмотный казачий голова Шестаков, убедивший себя, что к северу от Чукотского побережья существует новая обширная земля, убедил в том же правительство, снарядившее в 1731 г. завоевательную экспедицию под его начальством в эту землю, да попутно, чтобы проложить путь на Камчатку через незамиренных коряков. Экспедиция не сделала ни того ни другого и погибла в столновении с туземцами.

---

*) В. Маргаритов, *Камчатка и ее обитатели*, Хабаровск, 1899, стр. 4.

Но что говорить о фантастических предположениях якутских казаков, когда научно-организованное предприятие, каким была Экспедиция командора Беринга (1733-1743 г.), между прочим искала „землю Васко де Гама" к востоку от Камчатки; бывший в составе экспедиции географ Делиль де ла Кройер даже составил карту этой несуществующей земли.

III.

Обширная территория, какой является азиатский северо-восток, прилежащий к Охотскому и Берингову морям, понятно, была не сразу освоена русским движением к океану, и присоединение ее совершалось не в одинаковых формах. Частная инициатива соперничала с правительственными предприятиями, грабительские неприкрытые вожделения переплетались с безкорыстными научными целями.

Первые открытия были сделаны благодаря инициативе частных людей, северных купцов, большей частью архангельских, имевших и опыт в торговле и вкус к таким предприятиям. Сами непосредственно или через своих приказчиков в Якутске набирали они охочих людей из казаков, давали им снаряжение с правом на часть добытой пушнины и отправлялись в неведомые страны. Такая организация называлась покрутой, а ее участники покрученниками.

Как сказано, военно-торговые экспедиции отправлялись из Якутска или к Ледовитому океану или к Охотскому морю. В 1643 г. Стадухин уже достиг Колымы, а несколько позже (1648 г.) Шелковников, спустившись по Амуру, добрался до Охотского побережья и прошел отсюда сухим путем в Якутск. В обоих местах были заложены „остроги", откуда потом и развернулось завоевание Камчатки, так сказать, охваченной русским кольцом.

„Передовщики" русского торгового капитала немедленно двинулись дальше. Уже в 1649 г. Дежнев достиг Анадыря через Ледовитый океан и нынешнее Берингово море, а в 1651 г. его соперник Стадухин прошел сухопутьем в Гижигу; оба отправились из Колымы.

Плаванье казака Семена Дежнева — характернейший пример экспедиции, организованной на началах покруты, и опасностей, ее наполняющих. Средства для предприятия были

даны торговым человеком Федором Алексеевым, которому однако было не суждено добраться до цели. Экспедиция отправилась на нескольких кочах (плоскодонные суда), плывя, когда можно, под парусом и придерживаясь берега. Теряя один коч за другим, Дежнев прошел мыс, ныне носящий его имя, и разрешил, сам того не зная, важнейший географический вопрос того времени: соединяется Азия с Америкой или нет?

Оставшись всего в числе 12 человек, мореплаватели были наконец прибиты к Анадырскому берегу, где и высадились несколько южней самого Анадыря. Голодные и босые люди, очутившись в незнаемой стране среди враждебного населения, принимаются... за его покорение. Объясачивая попадавщихся туземцев, они вышли к большой реке, где и заложили Анадырский острог, ставший теперь опорным пунктом для северного завоевания.

Дежнев и его товарищи не опасались вступать в борьбу с сильным и смелым племенем коряков, мирясь лишь на том, что коряки уходили от них (т. е. их не удавалось захватить), „потому что они люди многие". Завоеватели чувствовали себя так уверенно в чужой стране, что даже дрались между собой, как Дежнев со Стадухиным, не поделив территории туземцев, которых они облагали ясаком.

Плаванье Дежнева по его результатам оказалось удачным, но путь его (через Берингов прол.) был забыт современниками, и позже Берингу, за которым и осталась честь открытия, вновь пришлось искать проход между Азией и Америкой, а еще позже Плениснеру разведывать Чукотский пол. с ближними островами. Старый сибирский историк Словцов даже оспаривал, что Дежнев прошел в Анадырь упомянутым проливом, но в новейших изложениях сибирской истории (напр. у Фирсова) или камчатских открытий (Берг) находим справедливое признание заслуги Дежнева. *)

Вслед за подобнымъ предприятием группы смелых людей, пускалось на такое дело само правительство, посылав-

---

*) Фирсов, *Чтения по истории Сибири*, в. I, Москва, 1920, стр. 21-23.-Берг, *Откритие Камчатки и камчаские экспедиции Беринга*, Петроград, 1924, стр. 10-20.

шее для этой цели небольшие отряды кое-как вооруженных казаков; начиналось освоение новой территории в иной форме, в виде военной оккупации. Такой экспедицией на Камчатке был поход пятидесятника Владимира Атласова в 1697-1699 г. Покоритель Камчатки имел под своим началом 60 служилых и промышленных людей с 4 пушками и лишь просил об увеличении отряда до 100 ч., что однако не было исполнено, и с этими ничтожными силами он проходит Камчатку вдоль и поперек; выйдя из Анадыря, достигает Пенжина, переваливает на Олюторку, выходит на Тигиль, поднимается по долине р. Камчатки и останавливается только на Иче, дальше которой казаки, истомленные трехлетним походом, не желали итти. Поход был труден не только своей продолжительностью; надо было пробивать с боем дорогу через враждебную и густо населенную страну; по р. Камчатке постоянно встречались острожки 300-500 жилищ. И все-таки за такое короткое время вся страна была покорена. Чтобы держать ее в повиновении, были поставлены новые остроги в стратегически важных пунктах: Верхнекамчатск (1699 г.), Большерецк (1700), Нижне-Камчатск (1702).

Атласов вернулся в Якутск и представил о своем походе „сказку", являющуюся древнейшим источником сведений о камчатских народностях: коряках, ительменах, даже курилах, обитателях юга; о последних тоже не забыл упомянуть наблюдательный путешественник, хотя сам и не заходил так далеко. Более того, его интересовало даже то, что находилось еще южней, за океаном, т. е. Япония; он узнал об ее существовании от курильских иноземцев, к которым японцы привозили „ценинную" посуду (фарфор), дабу и камку (ткани), получая в обмен бобровый жир и шкуры. Это было первое известие об Японии, с которой московское правительство скоро познакомилось подробней по рассказам выброшенного бурей на Камчатку японца Денбея. Словом, поход Атласова дал государству новую землю и раздвинул географический кругозор.

Атласов вернулся в 1706 г. на Камчатку, чтобы приступить к устроению ее на мирный лад. Здесь открывается оборотная сторона такого завоевания; Атласов дал хороший пример для деятельности своим последователям, вы-

звав своим хищничеством и жестокостью не только восстание туземцев, но и возмущение русских. Отставленный правительством от должности, он не дождался суда и умер от руки своих же казаков. Политика его и многих ему подобных были раз навсегда формулирована казаками, так извинявшими свой бунт против власти: „приказчиков убили для того, что они, приказчики, казну воровали и остановили своей упрямкой и нерадением, а своими обиды и налоги ясачных иноземцев в шатость привели“.*)

Не успев еще обосноваться на севере, под шум непрекращающихся туземных восстаний, правительство сразу приступает к планомерному обследованию новой территории при помощи научных экспедиций, одной из которых, грандиознейшей по размерам для того времени, была экспедиция командора Беринга.

Этой экспедиции была поставлена Петром В. следующая задача: искать, где земля, идущая на норд, сошлась с Америкой, и доехать до какого-нибудь города европейских владений. Экспедиция, выйдя из Охотска, обогнула Камчатский пол., достигла нынешнего Берингова пролива, и не встретив материкового соединения между Азией и Америкой, сочла свою задачу исполненной (1728-1729 г.).

Это плаванье однако выдвинуло более широкую задачу: пройти сколь можно дальше на север и попытаться найти морской путь в Россию вдоль побережья Ледовитого океана, во-первых; „водяной проход до устья р. Амура и далее до японских о-вов выведывать, також, ежели возможность допустит и с японами торг завесть, чего б не малой прибыли Российской империи оказалось,“во-вторых. **)

Столь широкие цели потребовали большого предприятия; такой и была вторая экспедиция Беринга, одна подготовка к которой заняла десять лет. Надо было провезти через Сибирь 800 участников экспедиции, снабжать ее 16.000 пуд. провианта ежегодно, построить в Охотске экспедиционные суда, наконец подобрать для нее руководите-

*) Маргаритов, цит. соч. стр. 11.

**) Берг, цит. соч. стр. 63 и 76. Обстоятельное исследование об экспедиции Беринга написано американцем: Golder. *Russian expansion on the Pacific*, 1641-1850. Cleveland, 1914. Он сомневается, что Берингов пролив был пройден Дежневым (ch. III).

лей (в тогдашних российских условиях дело не легкое). Стоимость экспедиции к ее концу достигла 360. 000 руб., т. е. около пяти миллионов на современные деньги.

Научные работники экспедиции были все иностранцы: естественники Гмелин и Стеллер, историки Миллер и Фишер, астроном Делиль де ла Кроейер, этнограф (один русский) Крашенинников. Плаваньем руководили Беринг и Чириков (экспедиция к берегам Америки), Шпанберг и Вальтон (экспедиция к Японским о-вам). В связи с экспедицией работали русские моряки, на которых было возложено описание берегов Ледовитого океана.

Корабли Беринга „Петр“ и „Павел“ вышли из Охотска в 1740 г., направились прежним путем вдоль берегов Камчатки, отклонились на севере к американскому побережью, которого и достигли в точно неизвестном месте: видимо, это был о. Каяк. Недостаток продовольствия, при плаваньи и без того затянувшемся, заставил Беринга спешить с возвращением; быстро миновали Алеутскую гряду, где на о-вах Шумагинских впервые повстречали алеутов, и еще быстрей, подхваченные бурей, попали на неизвестную землю, которую сначала приняли за Камчатку: это были нынешние Командорские о-ва, где отважный мореплаватель нашел могилу, скончавшись от цынги на острове, названном по его имени; команда, оправившись от лишений и починив судно, добралась в 1742 г. до Камчатки.

Другая часть экспедиции под начальством Шпанберга и Вальтона нанесла на карту Курильские о-ва и берег северной Японии, опровергла существование земли Гамы и нашла путь в Японию с севера. О подвиге русских моряков, описавших в исключительно тяжелых условиях берег Ледовитого океана, уже сказано.

Таким образом, научные и практические результаты экспедиции Беринга оказались чрезвычайно велики.

Едва успела закончиться экспедиция Беринга, как русские торговые люди поспешили расширить круг российских владений, наметившийся плаваньем Беринга, с намерением создать в дальнейшем более прочное и широкое предприятие, чем налеты „землепроходцев“ и плаванья „покручеников.“ Старинный историк, Словцов, выражаясь своим своеобразным языком, так говорит о деятельности этих купцов:

„глядя на камчатские порты того времени, нельзя не прельщаться кипевшей деятельностью столкнувшихся там соотечественников, которые, не уважая ни явных опасностей, ни испытываемых крушений, без страха и науки носились по безднам морским“. И все это делалось ради торговых интересов: „у Басова и его последователей (продолжает тот же историк) до Шелехова на первом плане стояли бобры.“ Но размах их деятельности привел к тому же, к чему стремилось правительство, т. е. „к стяжанию Берингова моря с поморьями.“ *)

В 1743 г. Басов начинает эксплоатацию Командорских о-вов, заложив ее основы, которые просуществовали до наших дней. В 1745-1759 г. Трапезников и прочие открывают Алеутские о-ва, в 1761 г. русская торговля проникает на Аляску и в 1780 г. русские поселения основываются на Кадьяке и Ситхе, закрепляя овладение северо-западной Америкой.

Русские промышленники уже встречаются с английскими, которые тоже стремятся начать эксплоатацию богатого Берингова моря, и экспедиция мореплавателя Кука появляется в Аваче. Но русские оказываются более быстрыми и далеко опережают англичан, на обеих сторонах тихоокеанского побережья. К концу XVIII ст. они проникают на север до Ново-Сибирских о-вов, где дальнейший путь преграждается ледяной пустыней; смелый купец Шелауров погиб на побережьи Ледовитого океана, так и не найдя северной Атлантиды, прельщавшей русских путешественников—призрак, который был рассеян только в XIX в. путешествием Врангеля. На юге русские предприниматели доходят до Калифорнии, где встречаются с другой колониальной державой, Испанией. Дальше было итти некуда, надо было освоить занятую территорию, что и сделали промышленники Шелехов и Голиков, основавшие торговую компанию на американском берегу, получившую в 1799 г. монопольные права в открытой колонии. Создалось грандиозное предприятие, захватившее торговлю от калифорнского до охотского побережья, а в Аляске, кроме того, имевшее административные и военные полномочия.

---

*) Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, кн. 1, Тобольск, 1837, стр. 219

Российско-Американская компания, как называлась эта организация, есть четвертый способ освоения колониальной территории тихо-океанского побережья. *) Она существовала до 1869 г., т. е. до уступки Аляски Соединенным Штатам. Эта форма деятельности русских промышленников дала широкий простор произволу администрации компании, основателю которой уже Екатерина грозила кандалами, и была весьма тягостной для населения и в чисто торговом отношении. Ее флот был мал для такой территории, да и суда скоро износились; снабжение населения осуществлялось с трудом, а плата за эти услуги требовалась неимоверная: пуд масла продавался за 60 руб., ведро водки за 300 руб. (цены начала XIX в).

История русского севера, как сказано, есть по преимуществу история его колонизации: это сказывается на протяжении всей его жизни под русским владычеством, но наиболее ярко и последовательно проявляется с середины XVIII по середину XIX в.; раньше правительству приходилось разрешать иные задачи, а позже вообще никаких государственных задач здесь, и особенно на Камчатке, на на которую безнадежно махнули рукой, не ставилось. В истории азиатского северо-востока, таким образом, можно различить три периода: завоевание (XVII-XVIII в.), колонизация (XVIII-XIX в.) и упадок (XIX-XX в.). Если камчатская история открывается подвигом Дежнева в 1649 г., то недалеко, след. время, когда можно будет отпраздновать трехсотлетие пребывания Камчатки в составе российского государства. Велики ли окажутся результаты трехвековой русской деятельности к этому времени?

IV.

Завоевание северного края шло из острогов, постепенно охватывавших своим кольцом туземное население и державших его в подчинении. К уже названным острогам прибавились Ямский (1736 г.), Петропавловский (1740), Тигильский (1750 г.), Гижигинский (1765). Не надо думать, что это были сколько-нибудь значительные крепости: это были простые зимовья, обнесенные деревянным тыном; ког-

*) Тихменев. *Историческое образование Российско-Американской компании, 1861.*

да острог разростался, в нем появлялся двор с ясачной избой. Гарнизон острога исчислялся десятками, а порой единицами казаков; немудрено, что завоеватели избегали отсюда выходить, предпочитая сноситься с покоренными через окно, в которое те бросали ясак и поспешно убегали. Больше опоры такому острогу давал не гарнизон, а заключение в нем аманатов (заложников), содержавшихся днем и ночью под крепким караулом, иногда „за запороми в железах“.

Отношение московского правительства к новопокоренному населению на словах было милостивое. Московские цари постоянно приказывали воеводам „к иноземцам держать ласку и привет и тайным и всяким образом проведывать в них шатости... ясачным людям тягости и налога никакого разорения не чинить“. Действительности больше соответствовали предписания иркутской провинциальной канцелярии относительно гижигинских туземцев: „за их непостоянство и замерзелые издревле злодейства всех побить и в конец разорить, кроме малолетних детей их.“ *)

Сбор ясака был главной задачей правительственных агентов, и московское правительство требовало, чтобы его казне не было порухи, хотя и напоминало одновременно о том, чтобы „земле тягости не навесть;“ преобладающим оставалось, конечно, первое соображение. Весьма скоро пришлось установить некоторую норму ясачного обложения: 7 соболей с женатого и 5 с холостого. Даже при стоимости соболя в XVII в. от 15 до 50 коп., платежные силы туземного населения подвергались большому напряжению; но ясак взыскивался не деньгами (или их эквивалентом), а исключительно соболями, что для коряков и чукчей, оленеводов, но не соболятников, было невозможно; упорное сопротивление, которое эти племена полвека оказывали русским, обязано именно этим вымогательствам.

Ясак собирался в острогах и посылался под надежной охраной в Якутск. Часть его поступала в непосредственное потребление царского двора, часть шла в обмен на торговлю с Западом и Востоком, Заграничная пушная торговля составляла правительственную монополию. Внутренняя пуш-

*) Огородников. *Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI-XVIII в.* Сборник трудов Государств. Иркутского университета, отд. 1, вып. 1, 1921, стр. 97 и 109.

ная торговля сосредоточивалась на ярмарках Ирбитской и Тобольской; через первую в обмен на меха шло сырье, которым располагало московское государство, и товары, необходимые в охотничьем быту; через вторую—восточные ткани, пряности, чай, товары, за которыми ходили караваны в Бухару и Китай. Крайний северо-восток оказывался, стало быть, в стороне от торгового движения; пушнина, которая отсюда поступала, была больше военной добычей, чем товарной массой. Тем больше правительство было заинтересовано, чтобы этот ясак, составлявший немалую ценность, доходил до него в целости, и тем меньше туземцы, для которых он был только тягостным побором, были склонны отдавать его в государеву казну. Еще Крашенинников меланхолически замечал: „ясачные сборщики без крепкой охраны к корякам не ездят, в противном случае от несовершенно покоренных бывают убиваемы“. *) Охотское побережье как раз было заселено такими несовершенно покоренными туземцами, нападавшими на отправляемую в Якутск ясачную казну; ясак впервые дошел туда в 1714 г. Понятно, почему правительство так настойчиво старалось очистить именно этот путь в Камчатку. Другой тягостью, сильно обременявшей туземцев, была ямская служба, т. е. перевозка на собаках разных правительственных агентов. Перевозки становились еще несносней, когда приходилось перевозить хотя бы небольшие воинские отряды, что при разных безпорядках среди туземцев бывало часто. Нельзя не поразиться, какие громадные расстояния и в какой короткий срок покрывались этими путешественниками по казенной надобности, и только человек, самый ездивший с „каюрами“ (проводниками) может себе представить, как тяжело приходилось туземцам при отбывании этой с виду немудреной повинности. Она становилась прямо стихийным бедствием, когда надо было перевозить экспедиции вроде Беринговской: это было, по счастью для жителей, раз, но и это стоило камчадалам гибели всех собак, голодовки населения, не могшего заниматься своими промыслами, и послужило одной из причин восстания, охватившего весь край.

Напрягая силы туземцев ради удовлетворения государ-

*) Ст. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, т. 1, Петербург, 1786, стр. 150.

ственных нужд, московское правительство не относилось однако враждебно к туземцу, как таковому: в этом отношении оно несомненно, было мягче, чем испанское или даже английское правительство в американских колониях. Туземец платил ясак, но и крестьянин московского государства нес „тягло,“ быть может, горшее; туземец исполнял ямскую службу, но и посадский человек был не менее обременен командировками по казенным делам. Туземцы были подданными государства, державшегося на идее „тягла“, к которому был прикреплен каждый класс общества, а северо-восточные туземцы, кроме того, вошли в состав русского государства в эпоху Петра В. когда от всего народа потребовалось максимальное напряжение сил.

V.

Зато правительство принципально отказалось от вмешательства во внутренние дела туземцев и особенно было несклонно к давлению на их верования. Ясачных людей судом и управой ни в каких делах не ведать—постоянный наказ сибирским воеводам. Религиозная же пропаганда уже потому была невозможна, что некому было ее вести; даже для исполнения религиозных треб самих завоевателей нехватало духовенства, которое пополнялось или „по прибору“ (насильственным отправлением на окрайну) или при помощи ссылки. Что за люди оказывались в рядах такого духовенства, можно представить по примеру Игнатия Козыревского, который и в восстании казаков на Камчатке участвовал, и Курильские о-ва открывал; за свои провинности он был пострижен в монахи и стал миссионером; своими подвигами он привел в такое смущение чинного историка Словцова, что тот высказал предположение, что „пройдоха“ только прикидывался миссионером перед простаками. Московское правительство не только не ожидало от таких деятелей какой-либо пропаганды, но даже прямо воспрещало насильственное крещение туземцев.

С Петра В. под влиянием протестантских идей к религии туземцев, рассматриваемой, как суеверие, установилось более нетерпимое отношение: правительство стало домогаться обращения туземцев в православие, предписывая властям

„кумиры и кумирницы и нечестивые их чтилища пожечь.“ *) На Камчатку отправляются для крещения туземцев специальные миссии, впрочем, добивавшиеся немногого. Миссия 1705 г. крестила только 100 ч., миссия 1732 г. так и недобралась до Камчатки; в 1745 г. же году все население Камчатского пол. неожиданно оказалось обращенным, что совершенно основательно может вызвать сомнение: время сплошных восстаний, неудачных походов Шестакова и Павлуцкого, жестокого усмирения бунтов вряд ли могло внушить симпатию туземцам к носителям христианской идеи. Сложившаяся на северо-востоке система управления была не лучше, но хуже существовавшей в Сибири повсеместно. Она ухудшалась благодаря людям, которые ее проводили: пятидесятники во время казачьих походов, приказчики в более мирное время, все это была власть малого чина, но тем более крупны были ее злоупотребления в стране, до которой не могло проникнуть никакое око надзора.

Впрочем, сами воеводы давали им хороший пример. Вот как характеризовал в „жалованном слове“ к туземцам каждый воевода деятельность своего предшественника и его агентов, тех же приказчиков:“ преж сего им было небрежение и налоги и продажи великие, как они платят ясаки и у них имали ясаки с прибавкой не по государеву указу и тем самым корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямого им не давали.. ясачные сборщики их продавали, имали посулы и поминки“. **)

Поминками назывались надбавка к ясачному окладу дополнительно 1-2 соболей, что воеводы устраивали „для своей бездельной корысти.“ Оклад возрастал еще больше, когда сбор ясака переходил к приказчику, который платил воеводе за предоставление должности на прокормление по 50-80 руб. Очевидно, эта должность с лихвой окупала понесенные расходы, раз за нее платили больше, чем по ней полагалось государева жалованья: служилый дворянин получал 20 руб., сын боярский 10 руб., и хлебом соответственно 7 и 5 чт., среди же приказчиков редко-редко попадался хотя бы сын боярский, и преобладали начальные люди из

*) Бахрушин, цит. соч. стр. 50-60.

**) Огородников, цит. соч. стр. 94.

казаков. Во что превращались их поминки, показывают награбленные сотни соболей и несколько тысяч лисиц, которые были конфискованы правительством у одного из первых камчатских приказчиков Татаринова, отданного под суд за злоупотребление властью.

VI.

Как ни хищничали на севере приказчики,это беззаконие, с которым правительство пыталось бороться, было ничто сравнительно с тем постоянными гнетом, которому туземцев подвергали рядовые завоеватели – казаки; от него уйти можно было только через смерть, к чему туземцы и прибегали.

Этим людям, говорит проф. Бахрушин, были присущи „черты, свойственные всем искателям приключений: упорство в достижении цели, неразборчивость в средствах, предприимчивость, практическая сметка и не знающая удержу смелость.“ *) Их целью, понятно, было обогащение; как ни удивительны их предприимчивость и смелость, но еще поразительней жестокость, которую они проявляли по отношению к туземцам ради той же корысти, проф; Петри, склонный считать русских образцовыми колонизаторами, в особенности сравнительно с подвигами испанцев и англичан, делает оговорку о русских завоевателях на Камчатке и на Аляске: факты, им приводимые, показывают, действительно, какую-то бессмысленную жажду истребления побежденных. **)

Гнет завоевателей проявлялся и в других формах. Туземное население стало источником, поставляющим холопов, т. е. рабов. Рабство собственно считалось результатом плена, но при частых на азиатском северо-востоке восстаниях в случаях для пленения недостатка не было. Пленники сопротивлялись господам и убегали от них, почему рабов при мирном положеннии нехватало, и надо было изыскивать еще способы, чтобы их добыть: холопы приобретались покупкой, и даже крещение, если оно было насильственное, казаки стремились сделать источником холопства. В особенности старались обращать в холопство женщин,

---

*) Бахрушин, цит. соч. стр. 76.

**) Петри, *Антропология*, т. I, Петербург, 1890, стр. 146.

что было совершенно понятно при недостатке женщин у пришельцев. По сохранившимися известиям, русские поселенцы „поимают за себя в жены в сродстве сестры своя, а иные де и на матери и на дочери свои посягают.“ В результате постоянный вопль к государю: „выслать гулящих женок, на ком женитися, а без женишек нам быть никак не мочно“.*)

Правительство не могло однако отправлять на Камчатку жен „по прибору“, и казакам приходилось завоевывать не только земли государю, но и жен себе. „Ясырь“, насильственное похищение жен и дочерей туземцев, лежал на них такой же тяжестью, как ясак, и больно затрагивал интимную жизнь туземцев.

Женщин, как и холопов, все же нехватало, и потому торговля ими приобрела широкие размеры. Согласно юкагирской челобитной, казаки брали их женщин за ясак и продавали их промышленным людям; тунгусских девушек покупали за 7 соболей или 10 лисиц с головы. Даже став женой казака, туземка не избавлялась от эксплоатации в качестве доходной статьи: ее можно было отдать во временное пользование, это были „кортомные девки“. Туземцы не ограничивались, конечно, моральным возмущенлем, но противились насилию и более реально: Оглоблин полагает, что ясырь был одной из главных причин туземных бунтов. **)

При таком положении, много ли оставалось туземцам из того, что правительство наказывало воеводам „ясачных людей судом и управой не ведать ни в каких делах?“ Единственная сфера жизни туземцев, которая более других оставалась свободной от вторжения пришельцев, была их религия. Это не противоречит сказанному ранее о миссионерской пропаганде, как мы видели, слабой. Тем более казаки не могли быть пропагандистами христианства, как религиозного мировоззрения; более того, они попадали под влияние верований туземцев.

Мрачные верования дикарей, создавшиеся на почве суровой сибирской природы, говорит Бахрушин, невольно за-

*) Фирсов, цит. соч. стр. 51.

**) Оглоблин. *О женском вопросе в Сибире XVII в.* (приведено у Фирсова, цит. соч. стр. 58,

хватывали своей жуткой реальностью русского человека. *) Эти верования, кроме того, находили опору в русских представлениях о бесах, населяющих природу. Туземные шаманы пользовались почетом и среди русских завоевателей, и те в свою очередь легко поддавались привычному для туземцев настроению и сами были не прочь пошаманить.

Близко или далеко от туземцев стояли в культурном отношении завоеватели, во всяком случае завоевание вывело туземцев из их покойной жизни среди тундры, принесло им кровопролитие и разграбление и возложило на них неудобоносимую тягость.

VII.

Могли ли северные туземцы сопротивляться тяжелому для них завоеванию? Конечно, русские имели преимущество в огнестрельном оружии и особенно в пушках, выстрелами из которых они разоряли туземные острожки, чтобы потом, когда они загорятся, итти на штурм. Защитникам острожков с их луками и стрелами ничего не оставалось делать, как погибать, задыхаясь в дыму. Но вспомним численно ничтожные силы казацких отрядов (100 ч. у Атласова, 150 у Шестакова), которые должны были растворяться в туземном море: его численность и поныне значительна: около 12.000 чукчей, до 8000 коряков, и нет оснований думать, что она была тогда меньше; по крайней мере, камчадалов, которых теперь не более 2500, было, по свидетельству Словцова, до 8000. При таком соотношении сил лучшее оружие доставляло казакам не слишком большое преимущество.

Борьба с туземцами на северо-востоке тянулась 50 лет, при чем порой положение русских было критическим; такой длительной и ожесточенной борьбы русским не пришлось перенести нигде в Сибири. Конечной победой они были обязаны слабости туземной организации и племенной вражде. Палеазиатские племена, встреченные казаками, не имели никакой политической организации и знали только одну форму социальных связей, семью. Лишь на Камчатском пол. существовали более крупные объединения в виде оседлых поселений, размещавшихся по острожкам; но и эта груп-

---

*) Бахрушин, цит. соч. стр. 80.

пировка стала более прочной только под влиянием русского завоевания. Таких острожков Атласов нашел в долине Камчатки очень много, и в них было по 300-500 жилищ. Союзы, которые возникали между камчатскими поселениями, и тем паче между палеазиатскими племенами, были кратковременны и не могли выдержать ни одного восстания. Казаки же были бдительны и проведывали всякие „шатости" среди туземцев.

С другой стороны, палеазиатские племена враждовали между собой: коряки нападали на камчадалов, разграбляя их острожки, чукчи на коряков, похищая их оленьи табуны.

Сопротивление туземцев угнетению завоевателей проявлялось в разных формах, наиболее опасной из которых было восстание. Они ,,брели розно" т. е. убегали в глубь тундры, или отказывались платить ясак и отправлять повинности, или даже убивали служилых людей и разграбляли ясачную казну. В сознании безнадежности сопротивления они массами прибегали к самоубийству; это не единственный случай в колониальной истории: то же делали американские туземцы в период испанского завоевания.

Местные власти не перестают жаловаться на туземцев: „они на государя жалованье надежны", пишут воеводы, ,,соболей и лисиц проигрывают в зернь, а в ясак не дают, сотников и десятников своих не слушают, на лешие промыслы, проигрывая зернью, не ходят." *) Московское управление и не могло вызвать у туземца каких-нибудь стимулов к повышению его благополучия, а порой он отказывался не только от благополучия, но и от жизни, и шел топиться или вешаться. Крашенинников был поражен множеством самоубийств в его время, а правительство было даже принуждено издать указ, предписывавший „россиянам удерживать туземцев от самовольной смерти."

Эпидемия самоубийств особенно проявилась на Камчатке в 30-ых годах XVIII в; это было время, когда только что было усмирено последнее восстание камчадалов против русского владычества, и побежденные, очевидно, нашли свое положение совершенно безнадежным. Этому восстанию предшествовал ряд других, начавшихся на Камчатском пол. почти вслед за атласовским завоеванием, а на

*) Огородников, цит. соч. стр. 97.

Охотском побережьи и того раньше. Эти восстания порой носили весьма грозный для русских характер. Восстание тунгусов в 1667-1668 г. и позже в 1678-1681 г. охватило все Охотское побережье и имело целью вытеснение русских вглубь материка; восставшие предполагали перейти в китайское подданство. В 1708 г. начинается восстание коряков, выведенных из терпения требованием от них соболей, которых они не имели; восставшими была захвачена Охотско-Гижигинская окрайна и отрезано сообщение Анадырска с Якутском В 1714 г.-1715 г. поднялось восстание юкагиров, к чему пристали соседние племена; это восстание, охватившие весь Анадырский край, стремилось совершенно вытеснить русских с северо-востока Азии, и было единственным примером соединения разнородных племенных элементов; оно скоро распалось. Очагом постоянных восстаний был Камчатский пол. Восстание камчадалов в 1706 г. осложнилось бунтом казаков против своих властей. Мелкие восстания идут там и сям непрерывно. Гибель Шестакова в 1731 г. подняла дух у камчадалов, объединившихся в общем восстании под предводительством некоего Харчина; оно любопытно в том отношении, что восставшие пытались воссоздать копию русского управления на Камчатке, в результате чего невольно получилась весьма злобная каррикатура. Лишь через 10 лет Мерлину и Павлуцкому, которым, можно сказать, вновь пришлось завоевывать северо-восток, удалось справиться с этим восстанием.

Павлуцкий при этом углубился слишком далеко на север, где и погиб в борьбе с чукчами, дважды поднимавшими большое восстание: в 1738-1741 г. и 1747-1753 г.

Постоянная война во вновь присоединенном крае заставила правительство обратить внимание на порядки здешнего приказчичьего управления, которое подвергалось критике вооруженной рукой не только со стороны туземцев, но и казаков, поднявших в 1711 г. бунт против самого Атласова. Для расследования злоупотреблений не раз посылались „нарочные особливые знатные люди-сыщики" при императрицах Анне, Елизавете, Екатерине. Но и сыщики ничему не помогли, и приказчики не были устрашены рядом процессов, против них поднятых. Камчадалы успокоились, после того как Мерлин усмирил восстание 1731-1739 г.

наказав, впрочем, и властей: были казнены пятидесятник и 2 приказчика. Коряки были замирены более разумным способом, когда в 1763 г. была построена Гижигинская крепость и установлен менее обременительный для туземцев способ взимания ясака. Война с чукчами прекратилась только, когда их оставили в покое с уничтожением в 1770 г. Анадырского острога.

VIII

40-ые и 50-ые годы XVIII в. в истории азиатского северо-востока являются моментом, когда русские завоеватели после продолжительной и жестокой борьбы создали завязь своего владычества в новом крае; вместо истребления туземцев начинают приобщать их к культуре (в формах того времени), вместо вымогательства от населения ясака начинают думать о создании новых отраслей хозяйства (земледелие), вместо острогов с большими трудами и затратами строят порт, сначала в Охотске, потом в Петропавловске, вместо случайного составления „сказок" о Камчатке его завоевателями, начинается планомерное исследование севера рядом экспедиций, словом, период завоевания сменился периодом колонизации. *)

Хозяйственная деятельность теперь стала преобладать над административными задачами; важнейшим ее проявлением была постройка Охотского порта, начавшаяся с 1733 г. Как упоминалось, путь на Камчатку по Охотскому побережью до середины XVIII в. пролегал через незамиренных коряков, и надо было подумать о более удобном сообщении с дальним севером; открытие морского пути Охотск-Тигиль и Охотск-Большерецк (1716 г.) дало к тому возможность, которую следовало закрепить, создав морскую базу в Охотске.

Для устройства порта сюда был командирован некий Скорняков-Писарев; первый командир новаго порта прибыл на новую должность, после того как он был за преступление телесно наказан и лишен всех прав состояния; вместе с портом он, след., основал и хорошую традицию для местного начальства. Данная ему инструкция также определила систему, которую проводили потом много лет. Ею

*) Фирсов, *Чтения по истории Сибири*, вып. II. Москва, 1921, стр. 12

предписывалось построить порт и 4 судна, переселить сюда 300 казаков для команды, 50 крестьянских семей для пашни и 30 тунгусов для скотоводства, смотреть за приказчиками, дать купечеству налоговые льготы на 10 л., завести кабаки и продавать вино за пушнину. В ближайшее время был достигнут успех только по последнему пункту: правительство стало гнать водку из травы Heracleum dulce, а вступившие с ним в конкурренцию казаки делали то же из ягод голубицы. *)

Создать в Охотске порт не удалось. Вначале, действительно, кое-что делалось: строились суда по архангельскому обычаю длиной в 18 м. и шириной в 7 м., для плаванья между Охотском, с одной стороны, и Тигилем, Большерецком, Петропавловском, с другой; производилось обследование Охотского побережья и пути вокруг Камчатки, следствием чего было описание Курильских о-вов. Охотск сослужил службу при отправлении экспедиции Беринга, для которой он был использован, как судостроительная база. Но естественные трудности по обращению малодоступного охотского рейда в удобную гавань повели скоро к тому, что в Охотске начали плодиться морские учреждения и размножаться морские должности, а устройство порта не двигалось вперед. Флота не было, морской команды нехватало, и к 80-м. г. XVIII в. сооружение порта, судостроительство и мореходство пришло в совершенный упадок.

Между тем Камчатка привлекла внимание иностранцев, и содержание порта в порядке, хотя бы для военных нужд, стало существенной необходимостью. В это время Камчатку посещают иностранные мореплаватели Кук и Лаперуз, и англичане обнаруживают явственное желание обратить Берингово море в свое. Обезпокоенное русское правительство строит в 1720 г. Петропавловское укрепление и приводит в 1799 г. Камчатку на военное положение. Для охраны сюда был отправлен так наз. сомовский батальон, для продовольствия которого пришлось перевести 70.000 пуд. провианта и израсходовать 1. 791. 566 руб. в течение 10 лет. Перевозка и расквартирование этого войска обрушилась неимоверной тягостью на якутов и камчадалов, не говоря уже о тех заразных болезнях, которые завез сюда этот батальон.

*) Словцог, цит. соч. стр. 289.

Неудобство охотского порта предстало со всей яркостью, равно как затруднительность транспортировки грузов через Сибирь; тогда правительство переносит свое внимание на Петропавловск, где с 1817 г. сосредоточиваются северные морские силы: предпринимается ряд морских плаваний, имеющих целью установить прямое сообщение Петропавловска с Кронштадтом, и первым из таких плаваний было путешествие Крузенштерна в 1806 г.

В конце концов пришли к мысли о необходимости закрыть Охотский порт совершенно, что и было сделано в 1849 г. с перенесением краевого центра в Петропавловск.*)

Портовое строительство в Петропавловске и увеличение военных сил на Камчатке заставляли подумать, как наиболее удобно прокармливать множество людей, которые в связи с этим появились на полуострове. Мысль, которая проводилась и раньше, именно что расквартированных в крае солдат можно содержать за счет продукции местного сельского хозяйства, теперь стала особенно соблазнительной.

До сих пор земледелие тут насаждалось отдельными начальниками; немногие из них отрицательно относились к этой затее (напр. такие знающие люди, как адмирал Лаптев в середине XVIII в. и комендант Кошелев в начале XIX в.) Первый опыт переселения крестьянских семей в Охотск относится к 1733 г.; он был вновь повторен в 1740 г.в связи с пребыванием тут Беринговской экспедиции. Как только представилась возможность, колонисты побросали свои поля и занялись охотой. Век Екатерины, когда были так убеждены, что жизнь можно строить по началам разума, отразился и на далеком севере в деятельности командиров Плениснера и Бема, пожелавших обратить туземцев в земледельцев. Первый устроил опытное сельско-хозяйственное поле, а второй снабжал население семенами и орудиями. Результаты их хлопот оказались невелики; около 1780 г. урожай хлебов был такой: на Охотском побережьи 0, 2 тон. ржи в Удском остроге и 1, 2 т. в Ямгинской слободе; на Камчатском пол. 1, 6 т. ржи в с. Ключевском. Привозного скота тогда же было 138 лошадей и 272 коровы.

---

*) Н. В. Слюнин, *Охотско-Камчатский край*, Петербург, 1900, стр. 46, признает все охотское предприятие „искуственным".

С расширением военных мероприятий в начале XIX в. стали больше обращать внимания на сельско-хозяйственные возможности самого Камчатского пол., а с другой стороны, этим делом заинтересовалось центральное правительство. Комендант Рикорд устраивает в Петропавловске хозяйственную школу, а с 1825 г. тут начинает работать земледельческая компания, получавшая от правительства субсидию в несколько десятков тысяч, а потому твердо державшаяся мысли, что земледелие тут возможно, пока правительство не пришло к противоположному убеждению и прекратило субсидию. *) В более широких размерах попытка ввести на Камчатке земледелие была сделана адм. Завойко.

IX.

Портовое строительство, насаждение земледелия, оборона от возможного нападения, временами усмирение восстаний, по старой памяти еще поднимавшихся на Чукотке, доставляли довольно хлопот местным властям; их деятельность становилась еще суетливей и безтолковей вследствие постоянных перемен в формах северного управления. С 1731 г. правительство остановилось на идее управления обширным краем из Охотска, вверив командиру порта гражданскую власть. В 1782 г. в связи с административными реформами в Сибири, была учреждена Охотская область с тем же центром. Невозможность фактически управлять Камчатским пол. заставляла отправлять туда время от времени особых командиров, пока наконец с 1772 г. эта должность не была сделана постоянной; с 1799 г., в связи с расквартированием тут батальона, во главе Камчатки были поставлены коменданты: управление Камчатским пол. получило преимущественно военный характер, исключая время Бема в 1772 г., что оказалось неудобным при расширении правительственных намерений относительно Петропавловска.

В 1812 г. введено в действие положение об управлении Камчаткой с назначением сюда военного губернатора (первым был кап. Рикорд), а 1822 г., в связи с реформами в Сибири, по проекту Сперанского, было создано гражданское управление в Охотске отдельно от портового. Штаты этих учрежденийй любопытны, как показатель чрезмерного

*) Фирсов, цит. соч: вып. II, стр. 38.

увлечения бюрократизмом, к чему и свелось стремление создать правильное управление этой окрайной: начальник, совет из чиновников, секретарь, врач с помощником, судья с 2 заседателями, казначей с 4 счетчиками, исправник с письмоводителем, казачий начальник, мещанский староста—на 2000 жит.

За время существования раздельного управления на Камчатском пол. и в Охотске, административные границы их неоднократно менялись, а камчатские начальники даже долго не могли приобрести оседлости, странствуя из одного пункта на полуострове на другой.

В 1849 г. правительство наконец сделало решительный шаг: Охотск и Камчатка были вновь объединены под управлением военного губернатора с резиденцией его в Петропавловске.

Остается сказать о мероприятиях правительства относительно туземцев и по изучению страны. Туземцы по прежнему трактовались, как субъекты ясачного обложения, но самый ясак был упорядочен. „Комиссия по расположению ясака“ установила с 1763 г. такой порядок: каждый род облагался определенным видом пушнины по назначенной цене, и одна пушнина по нужде могла быть заменена другой или деньгами; раскладка в пределах рода производилась назначенным старшинами. Такой порядок удовлетворил непокорных коряков, которые стали исправно представлять ясак в Гижигинскую крепость.

Менее успешно справилось правительство со своей другой задачей, христианизацией туземцев. *) Миссия, действовавшая тут с середины XVIII в., будто бы нашла крещеных 5067 ч. и крестила 2694 ч.: зная, кто и как вел пропаганду в предшествующий период, в этих цыфрах можно усомниться. Во всяком случае, в 1750 г. архимандрит Іоасаф доносил, что „все жители Камчатки, кроме изменников коряков, состоят в вере по благодати Божией“. Среди коряков были случаи убийства миссионеров, а север Камчатки, та же Іоасафовская бухта и через 150 лет после его деятельности осталась непочатым углом для миссионерской пропаганды. Положительной стороной работы миссии было открытие школ, которых уже во второй половине

Словцов, цит. соч. т. I, стр. 250 и т. II, стр. 16.

XVIII в. функционировало 13 с 284 учениками: учителями были академики (монахи), а ученики получали денежное и хлебное жалованье. В 1840 г. в Петропавловске открыта епископская кафедра, к-рую занимал известный Иннокентий Вениаминов. Управление севером в рассматриваемый период не включало Чукотско-Анадырского края и его населения: отчаявшись удержать в фактическом обладании этот, завоеванный первым на северо-востоке, край, правительство, уничтожив в 1770 г. Анадырский острог, стоивший за 50 лет 1.387.007 руб. по просту махнуло рукой на этих „несовершенно подданных."

После Беринговской экспедиции научных предприятий подобного масштаба не было, но изучение северо-восточной окрайны продолжалось непрерывно. *) Более общие цели преследовались экспедицией академиков Палласа и Лепехина в малоизвестные места империи (1770-1774 г.); более специальное значение имели открытие Ново-Сибирских о-вов (1770 г.), той северной земли, в тщетных розысках которой погиб на океанском побережьи Шелауров; затем разведка Чукотского пол. и ближних к нему островов, произведенная Плениснером и завершившая уже забытое к тому времени дело Дежнева (1777-1779 г.); наконец плаванья Креницына и Левашева к Командорским и Алеутским о-вам (1768-(1769 г.) и более позднее Биллингса и Сарычева по северо-восточному побережью (1785 г.) Упоминавшееся плаванье Крузенштерна положило начало ряду других, имевших целью описание Тихоокеанского побережья: Головнин (1807-1813 г.) обошел южную часть Курильской гряды, Коцебу (1815-1818) северный берег Аляски, вновь Головнин (1817-1818)—Командорские и Алеутские о-ва, Васильев (1819-1820), вновь Коцебу (1823-1826), оба последние по побережью Аляски, Литке (1826-1828) —побережье Берингова пролива от зал. Креста до м. Восточного.

За морскими экспедициями последовали сухопутные путешествия: Врангель провел несколько лет на побережьи Ледовитого океана и опроверг существование Большой Земли к северу от Колымы (1820), Эрман проехал на Камчатку из Якутска (1828-1830) и Миддендорф своей знаменитой

*) См. статью Берга в академическом сборнике „*Тихий океан*,“ Ленинград, 1926.

поездкой захватил также южную часть Охотского побережья (1843-1844).

Таким образом, исследовательская деятельность в нашем крае за рассматриваемый период была достаточно оживленной и имела ряд выдающихся представителей.

X.

С иной картиной встретимся, обратившись от героев науки к деятелям северной администрации. Среди них много колоритных фигур, умевших свести на нет наилучшие стремления правительства, когда таковые были.

В этих отдаленных местах начальники вообще не принадлежали к социальным верхам; но прежде они были простыми казацкими старшинами, а теперь в их числе оказывались преступники, отправленные на службу, как в ссылку. Если же они не принадлежали к этой категории, то они становились таковыми, послужив на севере. К ним в особенности приложимы слова Фирсова: „более чем скромное происхождение не мешало сибирским воеводам XVIII в. поступать очень нескромно и при их третьестепенном положении в сибирской администрации совершать первостепенные служебные проступки.“ *) Был случай, когда один из камчатских правителей не послушался царского указа и убил присланного заместителя.

Со своими подчиненными такие начальники, понятно, нисколько не считались, напр. Угренин в Охотске даже старших чиновников сажал на гауптвахту, заключал в кандалы, наказывал розгами; Бухарин там же отличился настолько, что даже сибирский генерал-губернатор Пестель, сам являвший образцовый пример сибирского деспота, признал нужным спасти жителей Охотска от истязаний, что, впрочем, оказалось не так легко: преданный суду, Бухарин бил своих караульных и судей. Эти люди управляли севером не во время ее завоевания: они служили во второй половине XVIII в., а Бухарин даже при Александре I. **)

Легко вообразить, как поступали такие начальники с подвластным населением. Взяточничество было наименьшим злоупотреблением: недаром Сперанский при своей сибирской ре-

---

*) Фирсов, цит. соч. вып. II, стр. 7.

**) Слюнин, цит. соч. стр. 72.

визии взятку воспретил упоминать в числе преступлений, иначе пришлось бы отдать по суд всю сибирскую администрацию поголовно. О размахе камчатских администраторов можно судить по примеру того же Бухарина, к которому одна только казна предъявила взыскание на 142.000 руб.

В отношениях к населению царил жестокий произвол, не щадивший ни личности жителя, ни его интимного чувства: для охотского командира ничего не стоило забить человека на смерть, изнасиловать его жену, и все это делалось не в административном азарте, а для времяпровождения, скуки ради.

Многочисленное чиновничество, расплодившееся в местных канцеляриях, было иным бичом для населения. Туземцы, в особенности якуты, весьма склонные к раздорам и спорам, были большими охотниками до всяких кляуз, для которых, впрочем, были и вполне законные причины, порождаемые общей обстановкой. Эта привычка была замечена, поощрялась и развивалась местным чиновничеством, для которого она оказалась настоящим кладом, создавая безконечный источник для взяток. Генерал-губернатор Пестель, говоря о „сем способе промышленности чиновников и судей", сравнивает их с казаками, завоевавшими север огнем и мечом. *)

Одни стоили других; но казаки не закончили своей деятельности на севере одним его завоеванием; они жили и действовали и в мирный период, являясь теперь составной частью пришлого населения. Откуда же пришло это население и кем оно пополнялось?

XI.

Правительство, придерживаясь московской традиции, применяло, как средство для заселения новой территории, „прибор", т. е. принудительную отправку туда на жительство. По прибору переселяли крестьян, и такими именно были переселенцы на Камчатку в середине XVIII ст. По прибору отправляли священников для миссионерской работы; пример расстриги Козыревского показывает, какими проповедниками награждался вследствие этого север.

---

*) Пестель в своей „*Исторической записке о Камчатке*" дал яркую картину сибирского, в частности северного чиновничества; записка приводится у Фирсова, цит. соч. стр. 13.

К этому способу колонизации в XVIII ст. прибавился новый, не менее плодотворный, ссылка. На север ссылали политических преступников, где на них, по нужде в сколько-нибудь интелигентных людях, приходилось возлагать административные обязанности. Ряд таких начальников из ссыльных на северо-восточной окрайне открылся первым командиром Охотского порта Писаревым; за ним пошли Девьер, Шубин и др.; каждый придворный переворот присылал сюда своих опальных. Настоящими политическими ссыльными, а не только жертвами дворцовых интриг, в Сибири были декабристы, из которых на Камчатке оказались Завалишин и Штейнгель.

Кроме политических ссыльных, на север Сибири отправляли военнопленных шведов при Петре, поляков при Екатерине, французов при Александре I и снова поляков при Александре II; до Камчатки докатились поляки и французы, из которых первые даже сыграли роль в ее истории: имеется в виду бунт Беневского в середине XVIII ст. Бунт Беневского, ссыльного из поляков, вспыхнул под знаменем отделения Камчатки от метрополии и облегчения участи угнетенных классов местного общества. Сам Беневский был чистейшим авантюристом, проявившим свои качества на Камчатке так же ярко, как позже на Мадагаскаре, куда он бежал. Но выдвинутые им лозунги, возможно, отражали не его личные настроения, они носились в воздухе: вспомним протест того времени со стороны крестьянства и туземцев против господствующего порядка, протест, нашедший выражение в пугачевском движении. Мысль об отделении Камчатки могла возникнуть из еще живших воспоминаний старого туземного бунтарства. *)

Упадок, которому подверглась северо-восточная окрайна в XIX ст., предохранил ее от обращения в ссыльную колонию, какой стала в это время Сибирь. Массовой ссылки сюда не было, а потому не сказалось и ее развращающее влияние, несомненно, в конечном итоге, проявившееся в Сибири (Бахрушин). **)

---

*) Бахрушин, цит. соч. стр. 70.

**) Слюнин, цит. соч. стр. 63.—Урсынович, С. Л. *Восстание ссыльных и казаков на Камчатке*. Северная Азия, кн. 1, 1925, Москва, стр. 135.

Среди камчатских ссыльных оказались при том люди, которые выделялись и в этой замечательной среде в хорошую сторону. Ссыльные иностранцы также стояли много выше, чем окружающее общество. Назначенные из ссыльных начальники не все были деспотами и развратниками: отсюда вышли напр. такие хорошие администраторы, как Девьер. Для севера ссылка была также и положительным фактором.

Это было совершенно естественно при том мрачном фоне, который представляла жизнь местного общества. Пьянство и разврат были свойственны всем его слоям настолько, что резко бросались в глаза иностранцам, посещавшим Сибирь. В этом отношении особенно отличались купцы, разгульному времепровождению которых способствовал их кочевой образ жизни. Но и любой простолюдин, благодаря сибирской дешевизне, мог не отставать от них, как тот парень, о бюджете которого аббат Шапп рассказывал, что, живя на 2 коп. в день, он расходовал $^1/_2$ коп. на хлеб, $^1/_2$ коп. на девок, 1 коп. на водку. „Эпические картины сибирского разгула и разврата,“ как характеризует это общество Фирсов, „в высших слоях пронеслись через все XVIII ст. Но и в низах его было не вполне благополучно. И здесь был разгул, разврат и их спутник, страшная болезнь“. *)

Разгул и разврат становился возможен в значительной степени за счет эксплоатации туземца. С другой стороны, в местном обществе совершенно отсутствовали сдерживающие силы культурного характера. Главнейшей из них могло бы оказаться христианство; но оно было бессильно не только по отношению к туземцам, но и по отношению к русским поселенцам, более чем кто-либо далеким от всякого христианства; так можно сказать не только о купцах или казаках, но и о самих миссионерах. При таком „умоначертании“ сибирского общества (выражение Екатерины II), его нравы не смягчались ничем, и последствия этого обрушивались на головы туземцев.

В отношениях русских к туземцам была однако и положительная сторона. Между теми и другими не было культурной пропасти, которая отделяла напр. английского коло-

*) Фирсов, цит. соч. стр. 58. О сибирских и в частности северных нравах того времени см. Головачев, *Сибирь в Екатерининской комиссии.*

ниста от американскаго индейца, а потому принцип „чистоты крови,“ которым так гордились англо-американцы, на русском севере не имел силы. Русские смешивались с туземцами везде, не исключая и Камчатки, в результате чего выработался сильно метизованный тип местного жителя. Метизация проявлялась в распространении не-русского физического типа, в особенностях местного языка. Камчадалы, живущие на южной окрайне Камчатского пол, являются таким смешанным типом, и как бы ни смотреть на последствия метизации, вообще, возможно, вредные, в данном случае она была полезна уже тем, что сохранила туземное население от совершенного истребления.

Кроме типа и языка, смешение шло и в чисто культурном отношении: выше было отмечено влияние, какое оказал на русских туземный шаманизм.

XII.

50-ые годы прошлого века были временем наибольшего оживления колонизационной деятельности русского правительства на азиатском северо-востоке: там и тогда, как в фокусе, собрались все мероприятия этого рода, и их конечный неуспех обнаруживает основной недостаток этой деятельности.

Оживление, о котором только что сказано, связывается с именами графа Муравьева и адмирала Завойко. Первый полагал, что „дальнейших успехов в хозяйстве Камчатки следует ожидать не от быстрых перемен в порядке существующем и не от введения хозяйства искусственого, теперь еще невозможного, но единственно от мер поощрительных“. *) Муравьевская программа была расчитана на продолжительный срок и отличалась широким размахом. Видя истощение пушного промысла, он проектировал китобойство в Охотском море; чтобы создать опору для северной колонизации, он требовал переселения на Камчатку 3000 семейств, снабженных необходимым инвентарем. Выполнение программы должно было вызвать расход в 1.350.000 руб.

Устроение Камчатки в рамках существующих возможностей Муравьев возложил на Завойко, назначенного здесь в 1849 г. военным губернатором. Этот умный и энергич-

*) Маргаритов, цит. соч. стр. 30.

ный моряк вник во все отрасли местной жизни и везде оставил свои следы. *) Для обучения жителей ремеслу и огородничеству были устроены школы, а наглядный опыт земледелия был показан с помощью 20 русских крестьянских семей и 60 матросов в районе Петропавловска. В наше время матросы, как инструктора земледелия, вызвали бы улыбку, но для того времени это было понятно, так как солдат считался годным на все. Сам Завойко во главе городских чиновников, которых он пригласил на загородную прогулку, собственноручно провел первую здесь дорогу от Петропавловска до селения его имени, кстати сказать, остающуюся тут единственной по сие время.

Разумеется, Завойко не возлагал надежд на одни 20 семейств. Он требовал переселения на Камчатку 1000 семейств. Во всяком случае, в жителях был пробужден интерес к земледелию, давший показательный результат. В долине р. Камчатки выращивалась пшеница и лен, крестьяне кормились своим хлебом и делали ткани из местного льна. Образцы злаков и льняные изделия с. Ключевского были настолько хороши, что посылались на сельско-хозяйственную выставку в Петербурге.

Другие заботы доставлял энергичному губернатору Петропавловск, в котором в это время скопилось значительное население из чиновников и военных. Для их размещения были построены новые здания, для их продовольствия было увеличено число перевозочных средств, морских, конечно. Для городского и окрестного населения была основана больница, первое учреждение в этом роде на севере.

Завойко обратил внимание также на туземное население, с которым он познакомился, объехав весь округ. Были изданы правила о пушном промысле, население было побуждено к рыбному промыслу. Был установлен контроль за деятельностью торгующих, для товарообмена с туземцами устраивались ярмарки, и злоупотребления купцов прекратились.

Наконец, при управлении Завойко зародилась мысль об использовании горных богатств края, и были сделаны геологические исследования Дитмаром на Камчатке и Меглицким в Аяне.

---

*) Деятельность Завойко хорошо охарактеризована его современником Дитмаром, а в исторической перспективе Слюниным, в упомянутых их работах.

Завойко словно нехватало еще вписать своего имени в военную историю северо-восточной окрайны. Он сделал и это, после чего должен был прекратить свою работу в этой стране. В 1854 г., в связи с крымской кампанией, Камчатка подверглась нападению соединенного англо-французского флота. Благодаря умелым рапоряжениям губернатора и храбрости местного населения, нападение было отражено; но правительство само отказалось от мысли иметь базу на Тихом океане, не связанную с материком. Петропавловский порт был уничтожен, губернаторство упразднено. Завойко со всеми морскими и военными силами перешел в Николаевск н. А. В 1875 г. был уничтожен последний след былой роли Камчатки, Петропавловская крепость. Деятельность Завойко оставила следы на севере, но в общем ее результат оказался непрочен. Вина ложится не только на вторжение противника, но частью, по мнению Маргаритова, на самого реформатора: как многие деятели его эпохи, он слишком полагался на силу понуждения и был равнодушен к образованию. Непросвещенное население не могло воспользоваться благами культуры.

С продажей Аляски американцам русское правительство утратило всякий интерес к северному побережью Тихого океана и севершенно забросило Камчатку. Прекратились какие-либо заботы о населении, и правительство ограничивалось тем, что сохраняло Камчатку в составе российской территории. Управление обширным краем было поручено исправнику, а отдаленный север, можно сказать, не управлялся никем. Только в 1888 г. на Камчатке было учреждено окружное управление, и власть стала осуществлять более широкие функции.

Народное хозяйство на севере было оставлено без всякого внимания. Население жило по прежнему за счет пушного промысла, но эксплоатация последнего велась американцами, а не русскими предпринимателями. На севере работали фирмы Гутчинсон, Кооль и Ко, а затем Хольм, Вольш и Ко. Первой из них были также сданы в аренду Командорские о-ва. В этот же период американские китобои проникли в воды русского севера и начали невозбранно тут хозяйничать. Планы Муравьева осуществились, но только не в русских интересах.

Продолжало существовать и туземное рыболовство, но при его примитивных приемах оно никак не обезпечивало населения, и рыбные голодовки в этот период становятся частыми. При пассивном отношении правительства к снабжению края, голодовки порой принимали характер настоящего народного бедствия.

Население было лишено медицинской помощи, а между тем русские, покинув север, оставили там следы в виде различных болезней: оспы, сифилиса и пр., от которых погибали целые селения. Экстренные медицинские экспедиции, которые приходилось посылать на север в тяжелых случаях, были бессильны помочь злу.

Излишне упоминать, что здесь в это время совершенно заглохло и школьное просвещение.

Отсутствие какой-либо заботы о местном населении пагубно отразилась на его моральном характере: порча коснулась нравов даже среди тех племен, которые либо были далеки от русского влияния, либо находились под защитой властей, частью парализовавших это влияние, как было при Завойко. Вот что говорит американец Кеннан о туземцах северо-востока, в частности о коряках, которых еще недавно Дитмар характеризовал, как прямой, бодрый, живой народ: „от русских они научились лгать, обманывать и красть, а от американцев пить ром и вести развратную жизнь.“ *)

Почти пятидесятилетний период, наступивший после упразднения камчатского губернаторства, был временем упадка края во всех отношениях. Единственное, в чем обнаружилось некоторое движение жизни, было его изучение. Работавший в 1868-1870 г. в Якутской обл. бар. Майдель описал также Анадырский край (до сих пор лучшее описание в этом роде), а живший в 80-х годах на Камчатке д-р Дыбовский собрал зоологическую и этнографическую коллекцию.

XIII.

В 1909 г. на северо-востоке были введены губернские учреждения. При развитии камчатской торговли и промышленности, в частности рыболовства, благодаря которому среди населения появился новый элемент, а самая страна связа-

---

*) Джордж Кеннан, *Степная жизнь в Сибири*, 1871, стр. 152. (перевод с англ).

лась с материком и заграничными странами, аппарат окружного управления не соответствовал осложнившимся потребностям: север должен был получить более современное устройство, которое в свою очередь могло бы способствовать расширению его колонизационных возможностей. Не забудем, что в это время как раз стала вновь развиваться колонизационная деятельность русского правительства на всем Д. В., и весь край, в связи с тем, что от него ожидалось, получил новое административное управление (Приамурское генерал-губернаторство при Н. Л. Гондатти). *)

Ниже мы познакомимся более подробно с установившимся здесь с тех пор порядком, сейчас можно ограничиться общей характеристикой наступившего периода; он свелся к постепенной смене губернаторского управления революционными, а затем советским.

Первый губернатор, по профессии врач, Перфильев серьезно смотрел на задачи нового управления, желал повысить благополучие туземного населения и лично был человек большой энергии и незаурядных способностей. Перфильев лелеял широкие планы колонизации Камчатки русским элементом в духе предположений адм. Завойко. Он не успел развить своей деятельности, так как скоро разошелся с краевым начальством в лице Гондатти и вышел в отставку. Камчадалы, вообще несклонные к похвалам русскому начальству, сохранили о Перфильеве светлую память.

Его заместитель Мономахов представлял обычную чиновничью фигуру, своеобразие которой заключалось только в замашках, легко развивающихся в обстановке отдаленности и безконтрольности: свою энергию он применял только в личных целях и мало сделал сам по себе для обширного края, которым он управлял почти до революции.

Тем не менее, именно на это время падает несколько правительственных мероприятий, проведенных ради местного благоустройства. Правительство не могло не сознавать, что на пустующем севере хозяйственные интересы должны преобладать над административными и что широкий аппарат управления, охвативший всю окрайну, был недостато-

*) П. Ф. Унтербергер, *Приамурский край 1906-1910 г.* Петербург, 1912 в связи с описанием края, где он был генерал-губернатором, отмечает назревшие административные нужды Д. В, и севера в частности.

чен, чтобы сделать северную территорию колонизуемой страной. *) Для этого было нужно нечто больше, и прежде всего было надо сделать ее доступной.

Камчатка связывается пароходными рейсами Добровольного Флота с материком, с Японией, даже Америкой (через Ном). Строится административное судно „Адм. Завойко“, и губернская власть получает наконец возможность выйти за пределы областного города. Проводится телеграфная линия по Западному и Восточному берегу, и строится сеть радиостанций.

Вновь предпринимаются попытки, неизбежно возникавшие на севере, всякий раз как он становился объектом колонизационных стремлений: насаждается земледелие среди туземцев, организуется агрономическая помощь (учреждена должность областного агронома), заводится сельскохозяйственная ферма, распространяются через уездных начальников земледельческие навыки среди населения. Подобные мероприятия исходили из цели, ставить которую тут было слишком рано, если не безнадежно; но разумеется, в некоторых отношениях сделанное не осталось без пользы, и нынешняя камчатская агрономия сидит на основе, заложенной в это время.

Было наконец кое-что сделано ради духовных интересов местного общества, а также для приобщения туземцев к русской культуре. В Петропавловске стала печататься небольшая газета официального типа, и было открыто высшее начальное училище. В области было построено и оборудовано несколько министерских школ для туземного населения: эти школы были здесь единственными правильно организованными учреждениями этого рода.

При содействии правительства стала работать православная миссия среди коряков, имевшая целью не только религиозную пропаганду, но и культурное содействие новообращенным вообще. Духовное ведомство заботилось о школьном просвещении туземцев, открывая свои школы (приходские).

Камчатка стала за это время привлекать внимание не только правительства, но и общества, которое до сих пор

*) Экономическое положение северо-востока к началу рассматриваемого периода изображено Прозоровым, *Охотско-Камчатский край*, 1909.

имело самое смутное о ней представление. Благодаря частной инициативе, была отправлена сюда экспедиция Рябушинского, состоявшая из отделов геологического, ботанического, зоологического и этнографического и бывшая по составу участников одним из значительнейших научных предприятий нашего столетия. Экспедиция пополнила несомненный пробел в правительственной деятельности на Камчатке—ее изучение, которое должно было бы предшествовать попыткам колонизации.

Губернаторский период был таким образом наполнен разнообразной культурной работой. Было положено только ее начало, но революция прекратила ее дальнейшее развитие, и последующее время долго жило этими культурными ростками.

Последним представителем царского правительства на Камчатке был и. д. губернатора Чаплинский, человек настроенный очень благожелательно по отношению к местному населению, но не задавшийся мыслями о каких-нибудь широких мероприятиях. Предоставляя управлению работать обычным ходом, он лишь устранял вкравшиеся туда злоупотребления и тем паче, будучи человеком честным и некорыстным (весьма редкое свойство в камчатском администраторе), воздерживался от них сам.

XIV.

С началом революции север попадает в период смут, длящихся до 1923 г., когда произошло воссоединение края с Советским Союзом. Этот момент наступил тут позже, чем где-либо в другом месте, из-за отдаленности и отрезанности от России. Это обстоятельство (отдаленность) сказывалось во все время Камчатской революции: она постоянно шла в хвосте у материка, в частности отражала на себе, обычно с опозданием, политические перемены во Владивостоке. Она однако не только запаздывала в своей общественной жизни, но еще искажала те формы государственного бытия, которые перекочевывали сюда с материка: это объясняется отсутствием на месте социальных групп, которые имели бы ясно осознанные интересы и могли бы, след. активно участвовать в революции.

Северная резолюция была очень невинной, сравнитель-

он с российскими событиями; лишь в последние годы, когда сюда хлынул мутный поток гражданской войны с материка, и мастера этого дела появились в тундре, более или менее комическая каррикатура приняла зловещий характер драмы, иногда воскрешавшей недобрую традицию времен завоевания. *)

Революционный дух был очень слаб на северо-востоке, если не отсутствовал вовсе. Русское население не имело в своей среде каких-либо групп, испытывавших особое угнетение со стороны свергнутого правительства: наоборот, оно само являлось маленьким угнетателем по отношению к туземцам. Эти же последние, численно преобладающая группа населения, были слишком далеки в своей тундре, чтобы туда могла докатиться революция, да и не могли понять смысл совершившегося факта. Они увидели, что в России произошел „переворот,“ только когда сюда проникла наконец волна насилий, разграблений и убийств. Душа туземца могла быть загрязнена этим потоком, и трудно сказать, во что обошлось бы пробуждение зверских инстинктов в детях природы, если бы этот поток не схлынул быстро с его деятелями.

Движущей силой камчатских событий оказалась петропавловская бюрократия, потерявшая, правда, свое начальство, но оставшаяся единственной организованной группой на севере. Ее усилиями аппарат областного управления был сохранен в неприкосновенном виде под изменявшимися, сообразно требованиям времени, названиями. Фасад этого здания был прикрашен выборным элементом; областные органы— областные комитеты, областные советы выбирались на областных съездах, до конца революционного период носивших неупорядоченно анархический характер; выборные лица не играли никакой роли, а фактически всем распоряжалась коекак работавшая канцелярия.

Сначала тон задавали старшие чиновники: представители ведомств, начальники отделов и т. под. Они управляли своими канцеляриями, писали „законы“ (за отсутствием новых российских, свои собственные) и временами появлялись

*) А. А. Пурин, *В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско—Анадырском крае*, Вольная Сибирь, т. II и III, Прага, 1927-1928, рассказывает о событиях 1917-1918 г.

перед почтительно их слушавшими областными делегатами. Как общественные деятели, выдвинулись два лица: А. А. Пурин и П. Я. Сусляк (позже убитый во время вспышки гражданской войны); первый был сторонником твердого общественного порядка, и искренне хотел благополучия для страны, второй отличался энергией и честолюбием, и больше преследовал личные цели. Первый на Камчатке областной съезд, прошедший под их руководством, наметил программу практических мер, преимущественно экономического характера, для устроения края. Эта программа стала исходным пунктом для всех последующих властей. При тех средствах, которыми они должны были пользоваться, они однако не могли ни на иоту двинуться с места, какова бы ни была их программа. Положение названных местных деятелей оказалось тем более затруднительным, что они пришли в столкновение с сибирским правительством. Немалую роль при этом играл К. П. Лавров, прообраз последующих северных гастролеров, приезжавших сюда с материка и превосходно устраивавших за счет общественных личные дела. Оказавшись на Камчатке в качестве участника промысловой экспедиции М-ва Земледелия, он сумел внушить доверие жителям, был выбран членом Учред. Собрания от Камчатской обл., а после образования сибирского правительства в 1918 г был делегирован камчатским областным съездом с неопределенной ролью во Владивосток, где он стал во главе управления рыболовства. Это положение само по себе обезпечивало ему влияние на камчатские дела, и оно увеличилось еще более, когда он был назначен сначала комиссаром, а потом управляющим областью. Лавров желал управлять севером, сидя во Владивостоке, что само по себе было неудобно; уклон, который стала принимать его административная деятельность, вызвал разногласия между ним и упомянутыми камчатскими деятелями, полагавшими, что они защищают идею областного самоуправления. По мере того, как омское правительство, сменившее теперь сибирское, под главенством адм. Колчака, выступало более энергично против местных „вольностей", фронда камчатских областников против управляющего становилось при новом положении нетерпимой оппозицией, с точки зрения правительства. Столкновение разрешилось отстранением Пурина и Сусляка и назначением

нового управляющего, который в лице Н. Н. Червлянского, бывшего прежде уездным начальником в Охотске, должен был представлять твердую власть старого типа.

Уничтожение областного самоуправления не вызвало никаких протестов со стороны населения, которому была чужда демократическая идея. Инертность населения обнаружилась еще ранее, когда в 1918 г., в связи с большевистским переворотом в Сибири, на северо-востоке на некоторое время установилась советская власть. Легкость переворота, а потом контр-переворота, упразднившего советовластие, объясняется тем, что и та форма власти в здешних условиях не имела корней. По прежнему правила камчатская бюрократия; было только то, что место старших чиновников заняли младшие, во главе которых стал И. Е. Ларин, человек ограниченный и безвольный, но зато типичный представитель местного чиновничества, полагавший сущность революции в возможности хорошо устроить себя и своих родственников.

Это „советское правительство“ пало без всякого сопротивления, и вряд ли были нужны несколько театральный шум, которым сопровождался камчатский контр-переворот. При этом была выдвинута, хотя и не проведена дальше, идея „камчатской автономии“, в противовес большевистскому владычеству; не совсем так она была понята населением. Возвратимся теперь к прерванному разсказу.

Отсутствие каких-либо общественных групп открывало возможность для восстановления в полной мере губернаторского режима, осложненного отчасти личностью нового управляющего. Это был полицейский чиновник, озлобленный перенесенными из-за революции неприятностями; он направил свою энергию на преследование своих действительных или воображаемых противников, и за год своего управления (1919) восстановил против себя и городское общество и более широкие группы русского населения. Падение правительства адм. Колчака вызвало переворот и на Камчатке, на этот раз более насильственный: впервые была пролита кровь, были убиты офицеры небольшого петропавловского гарнизона.

XV.

Северная революция получила теперь совершенно анархический характер, создавший весьма подходящую обстановку для авантюристических выступлений и кровавых эксцессов. Особенно это сказалось в Охотске и в Анадыре, с одной стороны, под влиянием событий в Николаевске на Амуре, с другой стороны, по причине отдаленности этих закоулков от областного центра, где еще сохранились задерживающие силы. 1920 год прошел в этих поселениях под знаком разрушения (в Охотске разорены прииска и рыбалки), грабежей и убийств. Напрасно было бы искать тут какую-нибудь идею.

Положение Камчатского пол. оказалось все же лучше: страна, правда, оказалась в состоянии безвластия, но природная осторожность жителей и отсутствие разбойничьего элемента не дали возможности разыграться тут кровавым событиям, подобно охотским или анадырским. Переворот был произведен группой местных и присланных солдат, выдвинувших областной совет во главе с П. С. Маловечкиным. Солдаты были озабочены мыслью о скорейшем освобождении от военной службы, и когда это было сделано, то новая власть лишилась и всякой опоры, буквально повиснув в воздухе. Все проводимые ею мероприятия, при пассивном отношении населения, не выходили дальше стен областной канцелярии.

Видимо, само местное население почувствовало невозможность дальнейшего пребывания в состоянии безвластия; медленно пробуждается государственное сознание, вводится некоторый порядок в местное управление при помощи выбранных населением комитетов (волостных и уездных), и наконец организуется областное самоуправление, выбранное на областном съезде в конце 1920 г.

В это время связь с материком почти отсутствовала, а Дальневосточное правительство, находившееся во Владивостоке, фактически не распространяло власти далее этого города; столь же призрачно было правительство Дальневосточной республики, находившееся в Чите и конкурировавшее с первым.

При таких условиях, на северо-востоке порядок из хаоса создавался, можно сказать, самопроизвольно: горький

опыт приучал население к самоуправлению. Вновь, как в 1918 г, власть здесь приобрела севершенно местный характер, хотя идея автономии севера открыто не провозглашалась. Состав новой власти был тусклый, а цели более чем скромные.

К трудностям, существовавшим на северо-восточной окрайне давно, прибавились теперь новые.

Она находилась в состоянии разложения, и прежде чем создавать какие-либо организационные формы, приходилось разрешить две насущные нужды: прекратить анархические выступления и найти средства для содержания областного управления. Новый областной комитет, располагая численно ничтожной вооруженной силой в виде местной милиции, смог с трудом уничтожить разбойничьи шайки во всех уездах края, исключая Охотск. Денежные средства пришлось поискать извне: отстаивая права севера на распоряжение частью получавшихся от него доходов, комитет добился некоторых сумм от Владивостокского правительства, для существования которого эти доходы представляли порядочное подспорье.

Между тем, на Камчатке возобладали крайние элементы, которые и провели решение о подчинении этого края, минуя Владивосток, прямо Советскому правительству. Камчатка, как сказано, материально зависела от Владивостока, и ее положение после этого решения оказалось двусмысленным, особенно, когда на материке произошли перемены, именно, на окрайне Д. В. образовалось Приамурское правительство, в результате анти-большевистского переворота в середине 1921 г.

XVI.

Теперь очистилось место двум крайним группировкам, противоставшим друг другу с оружием в руках. Откуда же взялась эта противоположность, когда вся северная революция, как не раз отмечалось, не была столкновением партий? Правая группа была подарком из Владивостока: это в своем роде знаменитая экспедиция есаула Бочкарева; левая же группа оказалась таковой, защищая свои насиженные места. Личные интересы были прикрыты красной идеологией.

Наступил самый тяжелый для северо-востока период революции. Началось крозопролитие в размерах здесь еще

неизвестных, пошли насилия и грабежи, превзошедшие охотские подвиги. Туземное население получило хороший предметный урок русского владычества и могло почувствовать злобу к русским, перенесшим свои распри в безмолвную тундру. Приамурское правительство смотрело на Камчатку, как на край, подлежащий завоеванию, и отправило сюда под начальством Бочкарева отчаянных головорезов, от которых радо было само избавиться. Гражданская власть была вручена рыбопромышленнику Х. П. Биричу (бывшему сахалинскому ссыльному).

Гражданская власть, носившая некоторые элементы порядка, скоро оказалась стеснительной для военной; а представитель последней своими произвольными действиями вызвал возмущение даже в собственном отряде. Методы бочкаревской работы оказались нетерпимыми для пославшего его правительства, которое признало нужным заменить его ген. Ивановым-Мумжиевым (с отстранением также Бирича), объединив в его лице военную и гражданскую власть.

Еще раньше во Владивостоке было создано „Особое по Охотско-Камчатскому краю совещание" под председательством С. П. Руднева и в составе лиц, работавших на севере или его знающих, для помощи правительству в деле успокоения и устроения этого края. *)Под влиянием этого совещания Приамурское правительство, отказавшись от завоевательных методов управления севером, и произвело названную перемену: отозвание Бочкарева и Бирича и замену их Ивановым-Мумжиевым, в помощь которому был назначен знающий Камчатку и популярный там А. А. Пурин. Но было уже поздно.

С падением Приамурского правительства в конце 1922 г., край был занят советскими силами. Бочкарев погиб около Наяхана, убитый озлобленными от его насилий туземцами, а Бирич был расстрелян советским правительством во Владивостоке. Последним эпизодом революционного периода на севере были борьба против советского правительства, а позже сдача отряда ген. Пепеляева на Охотском побережьи только в 1925 г. Таким образом, азиатский северо-восток оказался местом последней схватки между белыми и красными в России.

*) С. П. Руднев, *Воспоминания*, Харбин, 1929.

III. Туземцы.

I.

Туземное население азиатского северо-востока, определямое сейчас в 25.000 ч. (Камчатский окр.), а до районирования (Камчатская обл., включая след Охотский у.) 30.000 ч., поражает пестротой племенного состава, имея в своей среде тунгусов, камчадалов, коряков, чукчей, алеутов, эскимосов и других народностей, весьма отличающихся друг от друга этнографическими признаками. При всем различии, все они имеют ту общую черту, что их культура, особенно материальная, стоит на начальной степени развития, какая редко где встречается. Исключая тунгусов, они имеют очень мало сходства с северо-азиатскими племенами в отношениях антропологическом и лингвистическом; наоборот, даже при поверхностном знакомстве бросается в глаза их близость к обитателям противоположного берега Тихого океана,североамериканским индейцам.

Своеобразие камчатских туземцев всегда, с самого раннего времени, вызывало живой интерес путешественников по этой окрайне. Со времен Атласова, давшего древнейшую „сказку“ о жителях этой страны, идет ряд любопытных описаний этих туземцев: Крашенинников дал картину их состояния после завоевания (середина XVIII в.), Дитмар изобразил их после ста лет русской колонизации (время адм. Завойко), Кеннан описал их с точки зрения изумленного американца. Последнее общее описание камчатских племен относится к самому началу нашего века (Маргаритов, Слюнин). Материал, касающийся этого населения, собран, след. в разное время и очень непохожими людьми; тем он интересней.

Имеются также подробные описания северо-восточных племен, относящиеся к новейшему времени; на первом месте стоят, конечно, труды Джезуповской экспедиции (North Pacific Expedition), снаряженной Американским музеем естественной истории в начале нынешнего века: работы В. Г. Богораза о чукчах, В. И. Иохельсона о коряках; небольшие племена, частью живущие также на Камчатке, юкагиры, алеуты изучены тем же Иохельсоном, как участ-

ником экспедиции Сибирякова, а позже—Рябушинскаго; не столь подробны, но все же дают достаточно материала описания камчадалов (Тюшев) и командорских алеутов (Суворов). Как видно, нет сколько-нибудь значительных работ только относительно населения охотского побережья, в частности тунгусов. *)

До последнего времени северо-восточные туземцы лишь описывались в своеобразии их черт, но самые черты не подвергались объяснению, да и описания направлялись преимущественно на внешний быт, не трогая духовной жизни. Но уже Шренк в своем известном труде об инородцах Амурского края, мимоходом касаясь также жителей Камчатки, поставил основные вехи, по которым и сейчас движется научное исследование северо-восточных народностей. Шренк особо подчернул значение языка в жизни туземцев, как признака, позволяющего разрешать вопросы о происхождении племени, выделил камчатские племена и родственные им народности Амурского края (напр. гиляков) в обособленную группу краевых народов Азии, обозначив их, как палеазиатов, т. е. древнейших насельников северной Азии, и установил признаки, наступление которых позволяет говорить о вымирании племени (в результате встречи с более культурным народом). Древность палеазиатов, в частности, камчатских туземцев, сохранившихся, как скудные обрывки более мощного этнического покрова, находит, по мысли Шренка, любопытную аналогию в происхождении и положении некоторых народов на противоположной стороне Евразийского материка, напр. албанцев, басков и др.

Позднейшие исследователи, как Чаплицкая и Халловелл (Hallowell), весьма расширили пределы того культурного круга, к которому принадлежат палеазиаты: он охватывает

---

*) Н. Оглоблин. *Две сказки Вл. Атласова об открытии Камчатки.* Чтения в Обществе истории и древностей российских, Москва, 1891, кн 3.—Степан Крашенинников. *Описание земли Камчатки,* т. I и II. Петербург, 1786.—Карл ф. Дитмар. *Поездки и пребывание на Камчатке в 1851-1856 г.* ч. I. Петербург, 1901 (есть немецкий перевод). George Kennan. *Tent life in Siberia.* London, 1871.—Маргаритов. *Камчатка и ее обитатели.* Хабаровск, 1899.—Н.В. Слюнин. *Охотско-Камчатский край,* т. I и II. Петербург, 1900.—W. Jochelson. *The Koriaks,* V. I-II. Leiden, 1908.—W. Bogoras. *The Chukchee,* V. I-II. Leiden 1910.—Тюшев. *По западному побережью Камчатки.* Записки Российского Географического Общества, Петербург. 1906.—S. Bergman. *Vulkane, Bären und Nomaden: Reisen und Erlebnisse in wildem Kamtschatka.* Stuttgart, 1926. Е. К. Суворов. *Командорские острова.* Петербург, 1921.

весь север Евразии, от чукчей до лапландцев, характеризуясь такими чертами, как оленеводство в хозяйственной сфере и или культ медведя в религиозном мировоззрении. *)

В отношении племенного родства этот круг разделяется линией, проходящей около Енисея, на две группы: западную, где господствует финнотюркский тип, и восточную, где распространен тип американоидный, установление которого на азиатском севере составляет дело современных исследователей, особенно Боаса, руководителя Джезуповской экспедиции и Иохельсона, ее участника.

II.

Основные народности северо-востока Азии, камчадалы, коряки, чукчи носят характерные черты палеазиатского происхождения. Палеазиатская культура характеризуется в области материальных отношений пользованием подземными жилищами, примитивным рыболовством, употреблением деревянных батов, морским промыслом, собаководством, костяными изделиями, применением одурманивающих веществ (мухомор); в социальной сфере простотой общественной организации (только семья и следы рода), в религиозной жизни верой в духов; наконец, сексуальным характером фольклора. Эти черты обнаруживают культуру, очень своеобразную, которую справедливо можно связывать с древнейшим населением северо-восточной Азии. Было бы желательно для полноты этой характеристики определить, какие элементы языка северо-восточных народностей можно считать исконно палеазиатскими: напр. в фонетике обращает внимание звонкое произношение согласных, обилие веларных звуков, присутствие спирантов и сибилантов, особые щелкающие звуки (в камчадальском яз.)

Чертами, которые обязаны своим происхождением соседству с азиатскими племенами, являются коническая юрта коряков и чукчей, оленеводство, господство отца в семье, кровавая месть, вера в злых духов, населяющих природу. Язык северо-восточных палеазиатов обнаруживает в общем такие черты, как агглютинирующий строй, пользование суффиксами, что связывает их с Азией.

---

*) M. A. Czaplicka. *Aboriginal Siberia.* Oxford, 1914, p. 13—22. Irv. Hallowell. *Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere* American. Anthropologist vol. 28, N. 1.

Наконец, связь с индейскими племенами, возникавшая возможно, не раз, нашла отражение в ряде черт, помимо этого объяснения непонятных; таковы татуировка, плетение разных изделий, ношение лямки на лбу (для поддержания ребенка или груза за спиной), возможно, охотничьи приемы, употребление легких байдарок из звериной шкуры, привычка к табаку. Все это мелкие черты быта. Зато в религии обнаруживается целая система мировоззрения, возникшая на индейской почве: группа мифов, связанных с предком племени, „Великим вороном". В языке, несомненно, присутствуют индейские элементы, не повторяющиеся больше нигде на севере Азии: употребление префиксов, инкорпорация, т. е. соединение дополнения с глаголом в одно понятие, полисинтез, т. е. сложное образование понятий из нескольких слов.

Отбрасывая азиатские и индейские элементы, северо-восточных палеазиатов можно определить, как народ „костяной" культуры, живущий рыбой, с простой социальной организацией и чувствнневым представлением о божестве.

Если палеазиаты, действительно, являются древнейшими насельниками северной Азии, тем более они должны быть таковыми на Камчатке, куда они прошли сухопутьем через Охотское побережье, хотя их южная ветвь (курилы) могла проникнуть сюда также морем через Курильскую гряду. Их связь с „алтайскими" народностями географически совершенно понятна; более тесное соприкосновение их между собой относится к историческому времени, к XIII-XV в., когда начался усиленный напор алтайцев на север и восток, а соответственно, отход палеазиатов на острова и полуострова северо-восточной Азии. С этого времени, возможно, и начался упадок палеазиатских племен.

Менее как будто понятно, где и когда они могли повстречаться с американскими индейцами. *) Этот вопрос, вводящий в круг сложных проблем о происхождении американской расы, о миграции ее из Азии, разрешается применительно к палеазиатам так: соединение Азии с Америкой на месте нынешнего Берингова прол. было мостом, по

Дополнение к прим. на стр. 83.

На русском яз. вопрос о происхождении палеазиатов обсуждается в моей статье: *Этнологическая проблема Берингова пролива*, Вольная Сибирь, 6 - 7, Прага, 1929.

весь север Евразии, от чукчей до лапландцев, характеризуясь такими чертами, как оленеводство в хозяйственной сфере и или культ медведя в религиозном мировоззрении. *)

В отношении племенного родства этот круг разделяется линией, проходящей около Енисея, на две группы: западную, где господствует финнотюркский тип, и восточную, где распространен тип американоидный, установление которого на азиатском севере составляет дело современных исследователей, особенно Боаса, руководителя Джезуповской экспедиции и Иохельсона, ее участника.

II.

Основные народности северо-востока Азии, камчадалы, коряки, чукчи носят характерные черты палеазиатского происхождения. Палеазиатская культура характеризуется в области материальных отношений пользованием подземными жилищами, примитивным рыболовством, употреблением деревянных батов, морским промыслом, собаководством, костяными изделиями, применением одурманивающих веществ (мухомор); в социальной сфере простотой общественной организации (только семья и следы рода), в религиозной жизни верой в духов; наконец, сексуальным характером фольклора. Эти черты обнаруживают культуру, очень своеобразную, которую справедливо можно связывать с древнейшим населением северо-восточной Азии. Было бы желательно для полноты этой характеристики определить, какие элементы языка северо-восточных народностей можно считать исконно палеазиатскими: напр. в фонетике обращает внимание звонкое произношение согласных, обилие веларных звуков, присутствие спирантов и сибилантов, особые щелкающие звуки (в камчадальском яз.)

Чертами, которые обязаны своим происхождением соседству с азиатскими племенами, являются коническая юрта коряков и чукчей, оленеводство, господство отца в семье, кровавая месть, вера в злых духов, населяющих природу. Язык северо-восточных палеазиатов обнаруживает в общем такие черты, как агглютинирующий строй, пользование суф-

Наконец, связь с индейскими племенами, возникавшая возможно, не раз, нашла отражение в ряде черт, помимо этого объяснения непонятных; таковы татуировка, плетение разных изделий, ношение лямки на лбу (для поддержания ребенка или груза за спиной), возможно, охотничьи приемы, употребление легких байдарок из звериной шкуры, привычка к табаку. Все это мелкие черты быта. Зато в религии обнаруживается целая система мировоззрения, возникшая на индейской почве: группа мифов, связанных с предком племени, „Великим вороном". В языке, несомненно, присутствуют индейские элементы, не повторяющиеся больше нигде на севере Азии: употребление префиксов, инкорпорация, т. е. соединение дополнения с глаголом в одно понятие, полисинтез, т. е. сложное образование понятий из нескольких слов.

Отбрасывая азиатские и индейские элементы, северо-восточных палеазиатов можно определить, как народ „костяной" культуры, живущий рыбой, с простой социальной организацией и чувствннеым представлением о божестве.

Если палеазиаты, действительно, являются древнейшими насельниками северной Азии, тем более они должны быть таковыми на Камчатке, куда они прошли сухопутьем через Охотское побережье, хотя их южная ветвь (курилы) могла проникнуть сюда также морем через Курильскую гряду. Их связь с „алтайскими" народностями географически совершенно понятна; более тесное соприкосновение их между собой относится к историческому времени, к XIII-XV в., когда начался усиленный напор алтайцев на север и восток, а соответственно, отход палеазиатов на острова и полуострова северо-восточной Азии. С этого времени, возможно, и начался упадок палеазиатских племен.

Менее как будто понятно, где и когда они могли повстречаться с американскими индейцами. *) Этот вопрос, вводящий в круг сложных проблем о происхождении американской расы, о миграции ее из Азии, разрешается применительно к палеазиатам так: соединение Азии с Америкой на месте нынешнего Берингова прол. было мостом, по

---

*) W. Jochelson, *Archeological Investigations in the Aleutian Islands*, Washington, 1925, во введении характеризует состав палеазиатской культуры и выясняет ее распространение.

которому шло передвижение народов из Азии в Европу; этим путем перешли северо-индейские племена. Этим же путем могли переходить палеазиатские племена; по мнению Боаса, миграция этих племен из Азии в Америку и обратно происходила не раз, так что северное побережье Тихого океана на обеих сторонах, азиатской и американской, первоначально было заселено однородными племенами, лишь позже разделенными врезавшимся между ними клином эскимосов, надвинувшихся с крайнего северо-востока.

Заселение северного побережья Берингова моря относится к четвертичной эпохе, к ледниковому периоду; а так как ледниковый покров здесь то двигался на юг, то отходил к северу, то размещение палеазиатских племен не было постоянным: их миграция, как указывает Геддон, шла соответственно движению ледника, при чем основные черты их культуры, приспособившейся к условиям полярного существования, сохранялись неизменными; это была мадленская культура позднего палеолитического периода, в переживаниях сохраняющаяся среди палеазиатов и поныне. *)

III.

Уровень этой культуры был отмечен уже первым путешественником по северу-востоку Азии. Завоеватель Камчатки Атласов очень ярко охарактеризовал встреченные им народности. Ему бросилось в глаза отличие между оленеводами-коряками и соболятниками-камчадалами, богатство пушниной первых и относительная бедность вторых, приспособленные к перекочевкам юрты коряков и едва годные для человеческого жилья подземные жилища камчадалов. Туземцы показались ему жалкими: „летом те все иноземцы мужского пола ходят наги, а к бою плохи и торопливы.“ О последнем смелый казак, в три года покоривший всю Камчатку, мог судить очень хорошо; лишь для курилов он сделал исключение, признав, что они „всех иноземцев бойчее и к бою способней.“ Внутренние качества встреченных туземцев отвечали их внешнему виду: „ни какой учтивости нет, люди худые, никакой чистоты не имеют.“

Камчадалы жили рыболовством, приготовляя себе пищу самым неприхотливым способом. Заквасив рыбу в ямах,

*) Геддон, *Переселение народов*, 1923, стр. 90 (перевод с английского).

„когда та рыба изгноет, и ту рыбу вынимая, кладут в колоды и поливают водой, и разжегши каменья, кладут в те колоды и воду нагревают. И ту рыбу с водой размешивают и пьют, а от той рыбы исходит такой смрадный дух, что русскому человеку по нужде можно терпеть.“ *) Не лучше кормились коряки, которые, несмотря на богатство своих оленьих табунов, питались „звероядиной и падалью, чего в таком великом множестве случается со излишеством“ (Крашенинников).

В общественных отношениях, по Крашенинникову, коряки до русского завоевания не знали над собой никакой власти, несколько подчиняясь лишь тому „мужику, кто был оленями богаче“. Камчадалы, имевшие кое-какую оседлость, во времена Атласова настроили 160 острожков, и у них были племенные тойоны (старшины).

Атласов, конечно, не знал об анимизме, а потому ему показалось, что у камчатских туземцев „веры никакой нет:“ единственным проявлением религиозности он признал у них шаманство. Более наблюдательный Крашенинников заметил, что „коряки приносят жертвы горам и рекам, в которых, по их суеверию, живут дьяволы;“ но смысл этих обрядов остался скрытым и для него: „для чего творят, сами не ведают“.

Участники экспедиции Беринга описывают камчадалов в таком же непривлекательном виде, как Атласов; некоторые черты, ими отмеченные, заслуживают особого упоминания. Вот напр. что говорит Беринг: „по их зловерию пакость имеют, если жена или скот какой родит двоих, то одного из них тотчас задавят, который час родится.“ **) Крашенинников и Стеллер добавляют, что камчадалы считают смертным грехом избавить утопающего от погибели и наоборот ставят в себе заслугу, что облегчают смерть больному, выбрасывая его собакам.

Крашенинников рассказывает также об извращениях полового чувства, о действии одурманивающих веществ,—любопытных фактах, которые он наблюдал среди туземцев; он говорит о коряцких „кейев“, воздерживающих/сяот общения с женщинами, о камчадальских „коекчучи“,удовлетворяющих

*) Берг, *Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга*, Петроград, 1924, стl. 11.

**) Берг, цит. соч. стр. 70 и 74.

пользую похоть только с лицами своего пола (мужского), о „каменных бабах“. которые одеваются камчадалами в платье и ласкаются ими, как женщины. „Не знаю только, бывают ли тем довольны,“ с сомнением добавляет он.

Что касается мухомора, досих про сохраняющего власть на северо-востоке, то Крашенинников видел, как туземцы, наевшись мухоморов и находясь в состоянии отравления,совершали какие угодно действия, до самоубийства включительно, будто бы по приказу мухомора.

О массовых самоубийствах, происходивших в середине XVIII ст. и вызывавшихся теперь не действием мухоморов, а деяниями камчатской администрации, в своем месте уже сказано.

От палеазиатов более или менее древних, обратимся к современным.

IV.

Численность, расселение и состав северо-восточных туземцев определяется так.

Племена	Численность	Расселение
Чукчи	13000	Чукотский и Анадырский у.
Коряки	7900	Гижигинский и Петропавлов. у.
Камчадалы	2200	Петропавловск. у.
Тунгусы	2000	Охотский у.
Якуты	1000	Охотский у.
Эскимосы	1400	Берингов прол.
Алеуты	600	Командорские о-ва.
Ламуты	300	Петропавловск. у.
Чуванцы	500	Анадырский у.
Юкагиры	100	Анадырский у. *)

*) Статистика северо-восточных туземцев до последнего времени основывалась на старых данных С. О. Патканова, приведенных в официальном издании „*Главнейшие данные по статистике населения крайнего востока Сибири*“, Петербург, 1913. Выше использованы цифры официального издания „*Материалы по районированию Дальнего Востока*“, т. II, Хабаровск, 1925, эти данные имеют ориентировочный характер.

Их этих народностей тунгусы с ламутами, якуты, эскимосы входят в состав более обширных групп, обитающих на азиатском материке и северном побережьи американского; все остальные—палеазиаты, среди которых наиболее многочисленными и наиболее стойкими племенами являются чукчи и коряки, а чуванцы и юкагиры представляют собой жалкие остатки когда-то многочисленных племен. Из палеазиатской группы исчезли, сохранившись только на Курильских о-вах, курилы, которые еще при Атласове занимали весь юг Камчатского пол.

Среди более многочисленных племен существуют внутренние отличия, преимущественно в языке, напр. коряки разделяются на западных, пенжинских, олюторских и кэрэков; чукчи составляют более однородную массу, исключая носовых чукчей, т. е. обитателей крайней северо-восточной части Чукотки. С другой стороны, среди коряков и чукчей сильно различаются оседлые и кочующие, или безоленные и оленные, так что оленный чукча более похож на оленного же коряка, чем на своего оседлого соплеменника.

Между отдельными племенами вкраплены контактные этнические образования: напр. палланские коряки есть метизированные с камчадалами коряки, а укинские камчадалы, наоборот, метизировались с коряками. Сами камчадалы распадаются на ряд переходных образований, начиная от чисто камчадальского, сохранившего свой язык, Западно-бережного населения (ительмены) и кончая сильно метизированным с русскими населением ближнего к Петропавловску района. Эти пестроты и оттенки в туземном населении, вероятно, были разультатом смены миграционных волн, прокатывавшихся по Камчатке.

Половой и возрастной состав палеазиатского населения не поддается точному определению, так как данные, его характеризующие, либо относятся ко временам Патканова, след. имеют тридцатилетнюю давность, либо весьма отрывочны, когда касаются времени более близкого. В общем можно заметить, что число женщин у палеазиатов значительно и приближается к числу мужчин; старики редко выживают до 60-70 лет, а более старый возраст—совершенно исключительное явление; семьи довольно многочисленны, но

из родившихся детей сохраняется в живых очень мало, что заметно у камчадалов.

Внешний быт камчатских туземцев, особенно палеазиатов, и ныне отличается чертами, которые в свое время дали Крашенинникову повод назвать их жизнь „гнусной". Юрта кочующего туземца, лишенная света, пропитанная копотью костра, сама по себе достаточно негигиеничное жилье. Но она все же вентилируется свежим воздухом через дымовое отверстие над очагом, она разделяется на два общирных „полога", где с некоторой свободой размещается не только семья хозяина, но и гости, которые всегда бывают у богатого оленевода; по сравнению с жилищами восточно-камчатских коряков, такая юрта оказывается весьма совершенным жилищем.

В самом деле, только здесь сохранились подземные жилища, свойственные всему северному побережью в доисторические времена; отсутствие леса и сейчас заставляет не-оленеводное население пользоваться таким жильем, где темно, тесно, грязно, куда надо спускаться по лестнице через дыру, служащую и дверью и окном. Остроумное устройство этого отверстия, окруженного изгородью, в виде поставленного вершиной конуса, избавляет обитателей этой ямы от проникновения снега, отражающегося от стенок конуса.

Промежуточными между этими двумя типами жилищ являются разные юрты оседлого населения, построенные более или менее непрочно, с большим или меньшим использованием дерева или земли.

На юге Камчатского пол., и вообще в местах, где есть русское население, камчадалы строят себе кое-как сколоченные дома.

Эти дома, не говоря уже об юртах, почти пусты; оседлое население более отдаленных районов привыкло спать и есть на полу, и делает это, даже имея возможность расположиться более удобно.

Одежда здесь шьется из подручного материала, и стало быть, кочующий оленевод оказывается в лучшем положении, чем оседлый житель: первый одевается оленьей шкурой с головы до ног, мужчины и женщины безразлично, второй довольствуется комбинацией из обрывков кожи и лоскутьев ткани; это сообщает своеобразную красоту платью

коряка и делает жалко комичной фигуру камчадала. Белье, конечно, отсутствует, а платье из шкур надевается прямо на голое тело, чем, конечно, не увеличивается удобство такой одежды.

Северо-восточные туземцы, принужденные проводить много времени в воде и под дождем, изощрились в изготовлении непромокаемой одежды из оленьей и моржовой кожи (камлейки), и обуви из брезентированной оленьей „ровдуги“ (бродни) и даже из рыбьей кожи (те же камлейки).

Питание и его обилие тоже определяются родом занятий: коряки кормятся оленьим мясом, чукчи моржевым, камчадалы рыбой; в лучших условиях находятся первые, богатства которых не скудеют, тогда как чукчи и камчадалы недоедают и порой голодают. Пищевые продукты заготовляются так, что добрая часть питательности пропадает; независимо от сего, какая-то вкусовая аберрация привлекает палеазиатов к пище, которая, по обычным представлениям, совершенно несъедобна: камчадалы едят сырую рыбу, коряки—остатки из желудка убитого оленя.

Следует отметить широкое, независимо от пола и возраста, потребление наркотиков: кирпичный чай поглощается в неимоверном количестве, табак ожесточенно жуется даже женщинами и детьми, потребление мухомора есть не только пережиток старины, но и широко распространенное явление современности: мухомор либо жуют в сухом виде, либо делают из него настойку. Вызванное этим опьянение предпочитается местными знатоками алкогольному, впрочем, больше из-за отсутствия спирта. Вообще же пристрастие к спирту, как метко сказал Фирсов, первому пришлому богу, перед которым преклонился сибирский туземец, на Камчатке необычайно сильно, а распространителей этой культуры здесь оказывается достаточно.

Туземное хозяйство, со стороны его объектов и приемов хозяйствования, будет охарактеризовано в соответственных местах ниже. Здесь же пока достаточно отметить основные типы хозяйственной деятельности, свойственные тем или другим племенам. Уже упоминалось об оленеводном хозяйстве кочующих чукчей, коряков, тунгусов, занимающихся, как подсобным промыслом, охотой (у тунгусов она постепенно приобретает основное значение). Все палеазиаты—

мастера собаководства; однако у северных палеазиатов оно распространено преимущественно среди оседло живущих туземцев, из которых в свою очередь, как лучшие собаководы, известны камчадалы. Наконец, сельское хозяйство привилось только на Охотском побережьи и Камчатском пол., где им занимаются в форме скотоводства камчадалы (и якуты) и в форме небогатого огородничества коряки. Торговля, как активная деятельность, туземцам свойственна мало; из туземцев вырабатываются торговцы только там, где есть стороннее влияние, русское или американское; торговцы поэтому появились на противоположных концах: на юге среди камчадалов, и на севере среди чукчей (носовых). Наоборот, никакое влияние, ни заразительность успеха не вызвали у северо-восточных туземцев какой-либо охоты к горному промыслу, в частности к добыванию золота. Самый словарь туземцев, относящийся к металлам, весьма скуден.

V.

В основе общественной организации палеазиатов лежит семейная связь, но самая семья является, как очень широкое соединение, включающее в свой состав не только кровных родственников, но домочадцев, как это видно на примере бедных работников, служащих у богатых коряков. *)

Семья зиждется на отцовской власти: старший в роде может и не быть главой семьи; главное лицо здесь муж и отец. Женщина занимает подчиненное положение постоянной работницы, что особенно заметно у камчадалов, где женщина совершенно обезличена; наоборот, чукчанка проявляет больше самостоятельности, даже попав в чужую семью. Приниженность или самостоятельность женщины не зависят от полигамности или моногамности семьи: камчадалы, как православные, естественно, довольствуются одной женой (что, впрочем не мешает им развратничать с чужими женами), тогда как количество жен у коряка или чукчи (две-три) определяется его материальной обезпеченностью, и в противоположность камчадальской распущенности ко-

*) Иохельсон говорит, что „агнатическая семья есть единственная социальная организация коряков;“ см. W. Jochelson, *The Koriaks*, Leiden, 1908, p. 761. Коряцкая семья включает, однако, не одних кровных родственников, несколько напоминая древнюю организацию восточных славян (двор) и южных (задруга), замешавшую у них роды.

ряки весьма воздержны в половом отношении, и измена среди них редкое явление.

Коряк вообще хороший семьянин, относящийся с любовью к своим детям: если дети смотрят грязными и плохо одеты, дичатся русских, лишены школьного образования, то, конечно, родители мало виноваты, что не могут им дать лучшей обстановки, чем та, в которой они живут сами. При всей скудности своего обихода, коряк уделяет лакомый кусок ребенку; что же касается оседлых коряков, то они, наверное, больше стремились бы сделать детей грамотными, если бы местная школа могла это сделать.

Камчадалы, в бедном быту которых каждый лишний рот в тягость, относятся к детям с безразличием. Маленький ребенок одет в своеобразную комбинацию из оленьей шкуры, которая дает ему возможность только лежать и не меняется месяцами. Младенец лежит на полу, привлекая не больше внимания, чем щенок, и бывают случаи, что его неосторожно увечат или давят,

Отношение к старикам проникнуто эгоизмом людей, которым приходится бороться за жизнь среди суровой природы; в таком обществе старик, если он неожиданно доживает до преклонного возраста, ненужен. Поэтому среди коряков и особенно чукчей сохранился обычай убивать стариков, при чем, по мнению соплеменников, сын, удавливающий отца, оказывает ему лучшую услугу. В прошлом столетии, в самом конце его, русские власти пытались привлекать виновных в этом к суду, но неизбежно отступали перед психологией, которой столь чуждо обычное понятие вины.

Палеазиатская семья не отличается племенной замкнутостью: это совершенно справедливо относительно южных камчадалов, которые в результате частых браков совершенно смешались с русскими; кочующие коряки больше сохраняют племенную исключительность. В общем палеазиатская семья экзогамна и позволяет искать невесту в чужом роде, но в семейных отношениях сохранились пережитки, говорящие о прошлых обычаях иного свойства. У коряков напр. действует начало левирата, согласно которому жена умершего брата становится женой живого брата и, наоборот, муж, потерявший жену, берет в качестве таковой ее сестру. Религиозно-психологическая сторона этого обычая тако-

ва: сближение двух родов при помощи брака сопровождается соединением их духов-покровителей; две семьи, имеющие теперь общих духов, не могут впредь разорвать этой связи; единство, возможно, и сохраняется благодаря упомянутому обычаю, думает Иохельсон.

Иной пережиток обнаруживается при заключении брака: жених, наметивший себе невесту, поступает в услужение к ее отцу и не получает жены, пока не покажет себя хорошим работником. Такой искус длится порой несколько лет, обязателен даже для богатого оленевода, хозяйственность которого находится вне сомнения, и видимо, имеет под собой социальную основу, связанную с иной эпохой, являясь отголоском покупки мужа женой. Самый брак заключается в распространенной среди сибирских туземцев форме „хватания" невесты.

Есть обычаи, говорящие о женщине, как объединяющем центре семьи. Приданное, принесенное женщиной (олений табун), не поглощается в общей имущественной массе, принадлежащей мужу, но составляет как бы идеальную долю жены. Муж управляет этим имуществом, но не распоряжается им: после смерти жены, если нет наследников, ее олени возвращаются в хозяйство отца. Следует также отметить, что и наследование в этих случаях идет по женской линии: олени переходят к детям, если они есть, но не к мужу, который сохраняет прежнее отнощение к этому имуществу.

У коряков и чукчей чувствуются следы также других обычаев, напоминающих о безпорядочном половом общении. Считается наибольшей честью предложить гостю после всех угощений поспать с женой хозяина, и отказ признается очень невежливым. При такой чистоте семейных отношений, которой отличаются эти туземцы, в таком обычае нельзя видеть никакой распущенности, а лишь очень древний пережиток.

Туземное общество весьма индивидуалистично: оно состоит из очень мелких единиц, основанных на кровной связи и существующих весьма обособленно. Было время, когда убийство одного из членов семьи вызывало непримиримую вражду к семье убийцы, подвергавшегося кровавой мести. Если виновный хотел избежать этой кары, он должен был перекочевывать в другое место. Постепенно мотив мести сме-

нился мотивом ущерба, и в этом случае уже было возможно примирение, коль скоро виновный вознаграждал семью своей жертвы выкупом, обычно оленьим табуном. Тем не менее русским властям приходилось сталкиваться со случаями кровавой мести еще в конце прошлого века.

Наряду с такой индивидуалистической тенденцией, в туземном обществе наблюдается и действие иного начала, коллективистического. Оно находит выражение в групповой охоте на морского зверя, когда добыча делится не только между прямыми участниками охоты, но всеми жителями селения, что для безпомощных дает порой изрядное подспорье. Этот же дух общественности заставляет корякских оленеводов широко приходить на помощь их оседлым собратьям и даже иноплеменникам, как камчадалам, когда они впадают в нужду вследствие рыбных голодовок; помощь оказывается щедро, широко и совершенно безвозмездно. *)

Независимо от таких чрезвычайных случаев, чужой человек в этой среде вообще находится под покровительством обычая гостеприимства. В самом диком месте проезжий, ночуя в юрте, может быть уверен в безопасности личной и имущественной; его накормят и напоят, не спросив ничего за услугу. При более близком знакомстве, между хозяином и гостем завязываются „приятельские“ отношения, продолжающиеся постоянно и выражающиеся в обмене услуг; страдательной стороной всегда остается приятель-туземец, которому приходится расплачиваться за дружбу оленями.

В социальной сфере этот коллективистический принцип есть, может быть, единственное, в чем проявляется сознание племенной общности. Иные виды человеческого объединения тут неизвестны, и так наз. туземные роды на Камчатке были искусственным плодом административных мероприятий, осуществлявших фискальную цель.

VI.

Религиозное мировоззрение палеазиатских туземцев не слишком просто, в нем можно различить несколько элементов разнородного происхождения.

Основой их религиозного сознания является вера в

*) Д. Шерстенников, *Путевые очерки*, Петропавловск и К. 1914, рассказывает о коряке Холли, два года кормившем пострадавших камчадалов.

населяющих природу духов, вызывающих резнообразные ее действия, то полезные, то вредные для человека. *) Эти духи, „камака“, невидимые, но человекоподобные существа в мифический период человечества, т. е. тогда, когда палеазиатские народности жили под непосредственным покровительством своего племенного предка, находились в живом общении с людьми. Предметы природы могли действовать, как люди, а последние могли становится предметами природы; это понятно, раз все одухотворено и нет приципиального противоположения между человеком и природой. Сущность вещей остается неизменной и сейчас, только из действенного факта она стала предметом веры, так как после смерти племенного предка мир духов стал невидим.

Среди населяющих природу духов есть одна группа, особо враждебная к человеку: это коряцкие „калау“, происхождение которых в туземной мифологии неясно; но можно догадываться, откуда проникла в религию палеазиатов мысль о дуализме добра и зла, наполняющих своей борьбой мир: эта идея, свойственная чисто азиатской психологии, привнесена сюда племенами оленезодов, ежечасно и реально видящих действие злых сил на свое достояние.

Из всех духов выделился один: это предок племени, известный у разных камчатских народностей под именем Кутки или под сходными названиями, он же „Великий Ворон“ коряцкой мифологии. О похождениях этого героя существует множество рассказов то забавного, то циничного свойства: камчадалы особенные мастера устнащать приключения Кутки разными чувственными подробностями. Он постоянно меняет свою наружность, часто обращается в разных зверей и иногда появляется в образе ворона; коряки представляют его в виде седобородого старика, женатого на Мити (дочери Создателя мира), окруженного детьми и живущего, как оленевод.

У оленеводных племен, коряков и чукчей, функция Ворона, как племенного покровителя, борющегося с „калау“ при своей жизни и защищающего от их козней своих детей сейчас, выступает очень ярко. Таким образом, в анимистиче-

*) Jochelson op. cit. p. 115 находит жизненный прицип природы в антропо морфической идее божества, свойственнойкорякам. Эта идея однако лишь отчасти достигнута мировоззрением северных туземцев.

ском мире палеазиатов выступает более отчетливый момент: тотемистическое мировоззрение. Кутка есть предок племени, ворон его символ, оба становятся предметом культа.

Религиозному сознанию палеазиатов, в частности коряков, не чужда, правда, в очень смутной форме идея о Творце мира (Tenantomwan коряков); он создал мир и предоставил его на попечение Ворона, наделив последнего женой. Эта идея, возможно, есть результат позднейшего, христианского воздействия.

Палеазиатская религия, недоразвившаяся до антропоморфного представления о силах природы, естественно, не знает ни жрецов, ни храмов, ни обрядов, словом, совокупности того, что называется культом. Она знает лишь одного посредника между людьми и духами, шамана, и единственный обряд им, совершаемый: камлание.

Шаман, по коряцки enenalan, одержимый духом человек: коряцкий термин хорошо передает сущность шаманства. Возбудимость психики, внешние проявления „одержимости" способствуют успеху шамана; поэтому эпилептическое заболевание—весьма подходящее условие для шамана. Шаманская способность усиливается путем упражнения: шаман соблюдает несколько пищевых запретов, воздержание от половых сношений также повышает его чудесную силу. Одежда здешнего шамана—шляпа с перьями, кафтан с подвесками, наколенники, принадлежности: бубен и колотушка, —обычного для сибирских шаманов вида. Соединение всех свойств, создающию хорошего шамана, встречается не часто, почему профессиональное шаманство мало развито на Камчатке.

Тем чаще шаманство замечается, как психическое состояние целых групп туземцев, поддающихся этому возбуждению; православные камчадалы не составляют исключения, шаманя потихоньку. Анимизм туземцев, по мнению проф. Широкогорова, вообще составляет необходимую предпосылку для зарождения шаманства. *) Разные психические заболевания, распространенные среди северо-восточных туземцев, еще более благоприятствуют его развитию.

*) В печатаемой работе С. М. Широкогорова *Psychomental Complex of the Northern Tungus*" выяспены сущность и история шаманства (гл. XXII и XXIII.) „Теория духов" признается основой шаманства (гл. IV). Сверх духов, населяющих природу, существуют еще особые, подчиненные шаману (гл. XIУ).

Психически угнетенное состояние туземцев, мрачный вид их темных жилищ, страшная фигура и дикие движения шамана действуют заразительно во время камлания не только на прямых участников обряда, но и на очевидцев, принадлежащих к другой среде; европейские путешественники рассказывают о том сильном впечатлении, какое производила на них эта сцена: что же можно сказать о туземцах, живо чувствующих присутствие злых духов и реально переживающих борьбу шамана с ними?

Религия палеазиатов не знает храмов: духи населяют всю природу, окружающую северного жителя; есть однако места в горах или около рек, где особенно чувствуется их присутствие; это места, где разыгрывалось действие стихии, где ум зрителя невольно поражается грандиозностью развернутой перед ним картины, своеобразие которой объясняется сознанием туземца, как результат борьбы духов природы; таково напр. Курильское оз. Есть, кроме того, менее заметные места, которые издревле окружены почтением, и религиозная традиция, с ними связанная, сохраняется даже среди православных камчадалов.

Изображения божеств у палеазиатов не распространены; но символические предметы (напр. пучок травы), которые свидетельствуют о присутствии духов, покровительствующих данное селение или семью, им известны: иногда попадаются грубо сделанные, имеющие некоторые сходство с человеком, деревянные изображения „камака“ (у коряков). У камчатских народностей распространен обычай носить маски при некоторых празднествах, при чем православные камчадалы практикуют это во время христианского Рождества и Пасхи.

Туземные праздники на северо-востоке связаны с важными моментами в хозяйственной деятельности населения, верней говоря, с тем, от чего зависит его существование, с добыванием пищи. Отсюда возникли справляемые оседлым населением праздники кита и других морских животных; сопровождающий их обряд имеет целью принести благодарность убитому зверю и обезпечить успех охоты на будущее; над добычей приносится жертва, голова зверя бросается в море. Праздники кочующих связаны с оленеводством, в особенности с двумя его моментами: возвращением стада с осенних

пастбищ и появлением весеннего приплода; отсюда главные торжества осенью и весной, заключающиеся в жертвоприношении покровителями оленеводства, угощении съехавшихся приятелей плодами того же оленеводного хозяйства, наконец в состязаниях на быстроту оленьей езды, при чем призом бывает, понятно, отборный олень. Эти праздники, типичные для пастушеского народа, свойственные более высокой ступени жизни, чем уровень морских охотников, видимо, представляют собой позднейшее наслоение в простом палеазиатском культе, для которого более характерны упомянутые праздники кита и байдары.

Однообразно текущая личная жизнь северо-восточного туземца знает только два важных события, вводящих его в трансцендентный мир: рождение и смерть, которые и обставляются некоторой обрядностью.

Рождение ребенка происходит в обычно тяжелой обстановке, т. е. без всякого ухода за роженицей и с удалением ее от человеческого обществв. При помощи гадательного камня определяется, какое имя дать родившемуся: так сказать, туземное крещение.

Заботы о мертвом у оседлых жителей прежде, видимо, были невелики: мертвые, должно быть, просто выбрасывались из юрты, следом чего является и нынешнее безразличное отношение камчадалов к покойникам. У кочующих труп, одетый в траурное платье, белую кухлянку, кладется на нарту, запряженную парой оленей и сжигается на костре, олени зарезываются и приносятся в жертву, на месте погребения ставится символический знак (трава).

VII.

Нравственность есть та сторона душевной жизни первобытного народа, которая особенно поддается воздействию, большей частью отрицательному, со стороны народа-победителя. Трудно судить о нравственном уровне северо-восточных народностей до русско завоевания: сейчас, во всяком случае, их моральный облик далек от тех прекрасных свойств, которыми принято характеризовать душу туземца. Нравственное разложение в особенности коснулось камчадалов, видимо, потому что они больше и дольше других соприкасались с чужой культурой.

Столетия угнетения и разорения, под страхом которых жили камчадалы, лишили их чувства собственного достоинства. Приниженность отличает позу камчадала при сношениях его с русскими, нравственная подавленность отмечает его во всех случаях жизни. Уже в период завоевания у камчадалов выработалось коварство, из-за которого казаки так и окрестили Воровским одно поселение, бывшее постоянным центром измены. Современные камчадалы отличаются жуликоватостью, как в сношениях с русскими, так и при торговле со своей же братией-туземцами, трусливо жмутся перед всяким признаком начальства, будь то хоть форменная пуговица, и недоверчиво относятся к русским; без сопротивления переносят обиды, но долго их помнят и, когда представится случай, мстят за них. В особенности неискренне их поведение относительно русских в одном отношении: в душе презирая русских, они, как сказано, внешне покорны и уступчивы.

Прямая противоположность этому забитому народу—чукчи, сохранившие до нашего времени независимость, смелость, честность и искренность. Пбозначение их, как „несовершенно подданных", достаточно характеризует их свободное поведение перед русским начальством.

Среднее состояние между камчадалами и чукчами представляют коряки, подчинившиеся русскому владычеству, но не утратившие своей самобытности. Они веселы, любопытны, приветливы, добродушны, честны, наивны, одновременно смелы и свободны в обращении с русскими, настоящие дети природы.

Каким бы чертами ни отличался характер северо-восточных туземцев, все-таки никакие моральные изъяны не доводят их до преступления. Намеренное и злостное убийство среди них—небывалый случай; кража тоже не частое явление, почему камчатские дома, как правило, не имеют замков. Северные туземцы, не нуждавшись в судебной расправе в эпоху своей самостоятельности, не имеют потребности в органах суда и при русском владычестве.

Какие-нибудь проявления преступности тем более немыслимы по отношению к чужестранцам, и не только потому что туземцы сдерживаются страхом, но и по другой причине; русский сталкивается с туземцем, как его гость,

т. е. как человек, наиболее благоприятствуемый в тундре, которая для него безопасна в самых глухих углах. К сожалению, чужестранцы сами иногда совершают преступные деяния по отношению к туземцам: так японские рыбаки делают кражи у местного населения. Еще худший пример показали туземцам деятели гражданской войны, втянув местное население в насилия и убийства.

Культурный тип палеазиата воспроизводится в большей или меньшей мере на всем северо-востоке; но некоторые туземцы не-палеазиаиского корня представляют в своей жизни особенности, зависящие от их происхождения или расселения. Таковы якуты, тунгусы, эскимосы, алеуты.

VIII.

Охотские якуты принадлежат к многочисленному народа тюркского происхождения, народу здоровому, предприимчивому, живущему скотоводством, не чуждому торговли, овладевшему русской культурой. Все эти черты свойственны якутам, живущим рядом с тунгусами на Охотском побережьи. Часть их постоянно держится около Охотска, часть прикочевывает на время хода рыбы. *)

Это —люди живущие большими семьями, имеющие много детей, доживающие до преклонного возраста. Мастера скотоводства, они еще недавно обладали большим количеством домашнего скота, лошадей и коров той породы, которая так и называется на Камчатке якутской. Лошадями пользовались для ямской гоньбы на тракте Охотск—Якутск, и хозяева лошадей зарабатывали на обслуживании транспорта и содержании почтовых „станков.“ Рогатый скот давал разнообразную пищу, не только мясо, но и молочные продукты, которые изготовлялись якутами, в отличие от других туземцев, обильно и хорошо. Крепкие и здоровые люди, хорошо знающие тайгу, якуты могли также заниматься, не уступая другим туземцам, охотой; но природная сметливость больше склоняла их к пушной торговле, чем к пушному промыслу, и они становились посредниками между русски-

*) Наиболее полной работой об якутах все еще остается В. Л. Серошевский, *Якуты: опыт этнографического исследования*, т. I, Петербург, 1896. В связи с усилением национального движения, якутами высказываются претензии на включение Охотска в территорию Якутии, нуждающейся в выходе к морю. Об этом см. Н. Козьмин, *Какие права имеют якуты на Охотском побережьи*, Северная Азия, II, Москва, 1926, стр. 83-85.

ми и тунгусами; как торговцы, правда, в небольших размерах, вряд ли они кем-либо превзойдены в этих краях: овладев приемами северной торговли не хуже русского купца, они остаются в то же время близкими по духу к туземцам, к большой невыгоде для последних.

Скотоводство и торговля были основой благополучия якутов; а привычка жить большими семьями еще более укрепляла их хозяйство. Гражданская война и оскудение пушного промысла разорила якутов и лишила заработков, поставив их на один уровень с прочими туземцами: им пришлось больше налечь на охоту и обратиться к рыболовству, в обоих направлениях без заметной удачи; возможности пушного промысла стали очень ограничены, а охотское рыболовство находится в руках капиталистических предприятий, где якуты могут найти себе применение только, как рабочие, и не могут соперничать ни с русскими ни с японцами. Между тем заинтересованность их в здешнем рыболовстве, при общем падении хозяйства, несомненна, что и повело к ряду попыток организовать в Охотске более широкий промысел, субсидируемый иностранным капиталом, обслуживаемый якутским населением и эксплоатируемый в его интересах. Это предприятие.обратилось на практике в подставную организацию японского капитала и послужило к выгоде дельца из якутов, ставшего во главе дела; в 1923 г. это „туземное“ рыболовство уничтожено.

Якуты, как известно, усвоили от русских не только материальную, но и духовную культуру: они—православные, хорошо грамотные, имеют свою интелигенцию—священников, учителей и др. Охотские якуты, являясь только маленькой частью своего народа, живя к тому же в условиях, близких к обычному типу туземцев, не могут блеснуть просвещением. Все же и среди них есть люди, получившие школьное образование, и могущие работать в правительственных и торговых учреждениях, школах и т. под.; в такой роли часто и можно встретить якута среди тунгусского населения, где он является скромным, но полезным носителем культуры. Жаль только, якуты отличаются неуживчивостью, склонны к спорам, любят доносы: писание всяко-

го рода кляуз, где правду невозможно отличить от лжи,— их национальный порок.

Сходное с якутами положение занимают эскимосы на другой окраине, на Чукотке, где они служат передатчиками американской культуры чукчам. Они посредничают между теми и другими в торговле предметами морского промысла, переплывая за американскими товарами Берингов прол. Это посредничество не только обогащает их, но и способствует их сближению с американцами, от которых они усваивают язык, платье, привычки, даже имена. Эскимоса, побывавшего на Аляске, можно встретить часто; но порой они предпринимают и более далекие путешествия за границу, посещая Сиаттль или Сан-Франциско. Природные моряки, они охотно принимаются на службу американскими китобоями, охотящимися в Беринговом море; некоторые из них настолько разжились, что завели себе моторные шкуны и заделались „капитанами".

На Охотском побережьи живут тунгусы; постепенно они проникают сквозь среду корякского населения и расселяются в хребтах Камчатского пол., где они известны под именем ламутов. *) Там, где тунгусы встречаются бок о бок с коряками, напр. около Гижиги, они сразу бросаются в глаза своими стройными фигурами и тонкими чертами лица, резко отличающимися от малоподвижных плотных коряков. Тунгусы, пожалуй, еще большие мастера оленеводства, чем коряки, и доказывают свое превосходство при неблагоприятных условиях не менее, чем при благоприятных:бедные, не имеющие кормов оленные табуны южно-охотских тунгусов внимательно и заботливо содержатся своими хозяевами, а прекрасные пастбища северо-охотского побережья дали возможность здешним тунгусам развить оленьи табуны до колоссальных размеров: именно здесь сосредоточено богатейшее оленеводство, уступающее только соседнему корякскому, и еще в начале нынешнего столетия тут были хозяева, обладавшие табунами в 15-20.000 голов. Лишь на Камчатском пол., где тунгусы занялись более прибыльной соболиной охо-

*) Книга С. М. Широкогорова *Social Organization of the Northern Tungus*, Shanghai, 1929 есть наиболее полная и научная работа о тунгусах, рассматривающая, кроме ее непосредственной темы, также расселение тунгусов и основы их хозяйственного быта.

той, они стали пренебрегать оленеводством и порастеряли свои табуны.

Тунгусы не чуждаются русских, охотно принимают крещение и при случае учатся грамоте. Они помнят традиции своих родов, гордятся полученными от русских отличиями, в среде смешанного населения являются признанными судьями и снисходительно посматривают на своих „диких“ соседей-коряков. Тунгусы отличаются беззаботностью и веселостью, любят общество и разговоры, при всяком удобном случае предаются пляскам и играм. Они честны, искренни, добродушны и на Камчатке оправдывают тот же лестный отзыв, который сделал Кастрен об их соплеменниках на материке, назвав их „дворянами тайги“.

IX.

Теперь остается заглянуть в будущее северо-восточного населения, в особенности палеазиатов, как его главной массы. Мнение о вымирании Д. В. туземцев весьма распространено, но оно от этого не становится достоверней. Между тем правильное суждение по этому предмету, а в зависимости от сего и разумное разрешение туземного вопроса очень важны именно с точки зрения колониальной проблемы: от свойств туземного населения зависит привлечение его на службу делу колонизации и отчасти даже определение характера самой колонизации.

В жизни палеазиатов действуют факторы противоположного свойства, одни способствующие их вымиранию, другие пока что предохраняющие их от такой участи. Факторы первого рода—психофизиологические и социально-экономические условия их жизни. *) Чужеземное завоевание, столетия административного гнета, технический прогресс (поскольку он достиг севера) подействовали неблагоприятно на психику туземца, ввергнув его в состояние удручения, чередующееся с приступами возбуждения. Проявлением первого были бунты, второе выражалось в самоубийствах. Состояние подавленности сейчас является нормальным душевным переживанием туземца. Такая окраска психики создает

---

*) О подробностях см. мою статью: *Камчатское туземное население, как культурно-экономический фактор*. Северная Азия, Москва, 1925, V-VI, стр. 40-52,

подходящую почву для душевных заболеваний, из которых, действительно, среди палеазиатов наблюдаются маниакально-депрессивный психоз, истерия, эпилепсия, параноическое слабоумие и страшный спутник сифилиса, прогрессивный паралич.

Неблагоприятный физиологический фактор—разные болезни, эндемические и эпидемические: сифилис, туберкулез, оспа, инфлюэнца, кожные и глазные заболевания. Добрая их часть занесены и заносятся к палеазиатам русскими, вырывая множество жертв, порой совершенно истребляя племя, и некоторые свили прочное гнездо на Камчатке: сифилис и оспа. Местной болезнью, происхождение которой не поддается объяснению, является проказа, имеющая своими очагами районы Петропавловска, Тигиля и Охотска.

В связи со сказанным можно отметить широкое потребление палеазиатами наркотиков: чаю, табаку, алкоголя. Он обращается к ним, особенно к спирту, в поисках выхода из мрака своей душевной жизни, но лишь создает почву для развития новых недугов, духовных и физических. Привычка к одурманиванию, возможно, имеет и более глубокие корни в натуре палеазиата, который издавна пользовался для этой цели самобытным средством, мухомором.

Социально-экономические условия действуют не менее разрушительно на жизнь туземцев. Чуждые им русские порядки подорвали начавшуюся слагаться племенную организацию палеазиатов, внесли разложение в семейную жизнь, не дав в замен никакого объединяющего начала. Туземцы остались разъединенными и заброшенными.

Расширившиеся потребности туземцев, конкурренция русских промышленников вызвали более энергичную эксплоатацию природных богатств северо-востока, что повело к их истощению. Соболь, олень, морж, лосось—основа палеазиатского благополучия, и она поколеблена. Туземец не только не сводит концов с концами, но иногда голодает. Государство ему не помогает, да и не может помочь, не изменяя общих условий северного хозяйства.

Перечисленными условиями в других районах Д. В. создана для туземцев такая обстановка, что они, действительно, вымирают кое-где; но на северо-востоке они все же

выживают, там есть некоторые факторы, действующие в их пользу.

Палеазиатские племена довольно велики, и самая численность предохраняет их от конечного истребления, и не видно, чтобы за последнее время она уменьшалась (особенно у чукчей и коряков). Территория северо-востока настолько необъятна, что туземцы не могут быть тут значительно утеснены русскими, и расселение племен в последнее время, видимо, тоже установилось прочно. Если палеазииаты с трудом усваивают новую культуру, то к своей среде они приспособились настолько прочно, что как бы вросли в окружаюшую природу: в их быту нет такой вещи, какой они не могли бы получить оттуда, а там, в природе, кажется, нет такой вещи, какой они не использовали бы. Новые идеи, религиозные и политические, с трудом проникают в глухую тайгу, и мирозоззрение ее обитателей, особенно тех из них, которым свойствен весьма целостный характер, как коряки и чукчи, остается замкнутым для чужестранного влияния.

Итак, среди палеазиатских народностей в большей или меньшей степени не заметно сокращения численности, уменьшения территории и, наоборот, заметно приспособление к среде и единство сознания,-признаки, по определению проф. Широкогорова, характеризующие „стационарное состояние этноса", т. е. свидетельствующие о выживании, а не вымирании этой группы туземцев.

Конечно, не всем палеазиатским племенам свойственно состояние такого относительного благополучия; оно напр. очень заметно среди чукчей и очень мало среди камчадалов. Здесь перевешивают неблагоприятные факторы.

IV. Русские.

I.

Из 35.000 ч. населения азиатского северо-востока 8-9.000 приходится на долю т. наз. русского населения, цыфра, которая при общей малочисленности местного населения была бы не так незначительна, будь это население, действительно, русским, способным осуществлять известное колонизующее влияние на туземную среду. Но, во-первых, в его составе имеется много нерусских элементов, являющихся только русскими подданными разных национальностей прежней России. Тут, кажется, есть представители всей Восточной Европы, начиная от северянина-финна и кончая южанином-осетином, превосходно приспособившимися к существованию в приполярной тундре. С другой стороны, русскими здесь считаются все, кто говорят по-русски: таковыми оказываются метизированные камчадалы южной части Камчатского полуострова, усвоившие чужой язык, но сохранившие свой физический тип.

Впрочем, русского языка, хотя бы в виде сибирского диалекта, на Камчатке нет: это справедливо не только относительно упомянутой группы камчадалов, но и для населения, тяготеющего к Петропавловску, где русский элемент сохранился наиболее сильно. Камчадальская фонетика оказала сильнейшее влияние на русскую речь, придав ей шепелявое произношение, смешение звонких и глухих звуков и другие особенности, вследствие которых приезжему русскому в начале бывает даже затруднительно разбирать местную речь. *)

Таким образом, весьма характерный признак, могущий отличать колонистов, хотя бы старых, от коренных жителей, здесь отсутствует.

Тем скорей можно ожидать поглощения типа пришельцев окружающей средой Действительно, в этих маленьких, скуластых, чернявых людях, которые живут на Камчатском пол., трудно признать пришельцев, хотя бы давних, из

*) Эту тему разработал А. П. Георгиевский. *Русские на Дальнем Востоке: Заселение востока. Говоры. Творчество.* Вып. 1, Владивосток, 1926, стр. 45-52. Приведены архивные данные и указана разнообразная литература.

России. Любопытно отметить черный жесткий волос местного населения (светловолосых нет совсем), карие глаза, монгольское веко и сильно пигментированную кожу. Эти черты показывают степень смешения населения, русского с туземным, и наоборот; только историческая справка порой обнаруживает, какое население данного района было первоначальным.

В свое время это было ценно для колонизации, уничтожая пропасть между завоевателями и побежденными. Но столь сильное смешение тех и других, поставив их на общий культурный уровень, в наше время утратило прежнее значение. Застыв в хозяйственных формах XVIII и даже XVII ст., современное русское население Камчатки не может быть фактором ее колониального развития.

Сверх того, из состава этого населения, по соображениям приведенным выше, надо исключить метизированных камчадалов, жителей Западного берега от Облуковинской до Большерецкой вол. и Восточного берега от Караги до Усть-Камчатска, что уменьшает его почти вдвое. Таким образом, русское население Камчатки сводится к количественно и потенциально ничтожной группе.

II.

Русское население северо-востока не может способствовать делу колонизации и путем естественного размножения. Здешняя семья немногочисленна, детей рождается много, 4-6 на семью, но выживают 1-2. Стариков немного, и возраст около 60 л. считается большой редкостью. Русские семьи насчитывают здесь по 100 лет жизни, но размножение русского населения было невелико, далеко отстав от увеличения населения в самой России. *) Возможно, что браки между родственниками, по необходимости тут распространенные, способствуют медленности прироста населения.

Еще более вредным фактором в этом отношении являются разные болезни, как местные, происходящие от антисанитарной обстановки, так и занесенные извне. Чего

*) Ориентировочные статистические сведения о русском населении Камчатки приведены в статье Физика в „*Бюллетене Д. В. краевого статист. управления*, вып. I, Хабаровск, 1926.

здесь нет: сифилис, целые гнезда которого имеются под Петропавловском (больные селения Малка, Ганалы), туберкулез, оспа, уносящая при своих вспышках сотни жертв, инфлюэнца и др.

Район русского населения—преимущественно Камчатский пол., и на нем район Петропавловска и долины р. Камчатки. Отдельные, вкрапленные в туземную массу центры русского населения—Охотск, Гижига, Анадырь, Тигиль, небольшие поселки с сотней-другой жителей, претендующие тут на роль городов.

Происхождение этого населения различно: крестьяне (по здешнему, общественники) и казаки, составляющие его основную группу—действительно, выходцы из разных мест России. *) Казаки—потомки тех завоевателей, которые пришли в XVIII в. на Камчатку из Якутска и осели в разных острогах, следом чего является их современное размещение в названных пунктах. По виду и привычкам они мало отличаются от камчадалов, и то молодчество, которое соединяется с представлением о казаке, им ничуть не свойственно. Их воинское звание обнаруживалось только фуражкой с красным околышем да шашкой, а сейчас и этого нет. Растворившись в массе туземного населения, они составляют сейчас весьма небольшую русскую группу. О былом их значении напоминают только их фамильные имена, порой весьма известные в истории севера.

Основной русский элемент тут—крестьянский, невольные переселенцы из Сибири, преимущественно иркутяне, завезенные при неудачных опытах земледелия в разное время с середины XVIII ст. Этнографически они совершенно слились с камчадалами, именуют себя „коренными жителями", противопоставляя это название не только туземцам, к которым они относятся свысока, но и пришлым русским нынешнего времени. О происхождении их от тех же русских свидетельствует только их своеобразный язык, о котором уже сказано.

Приток крестьянского населения прекратился в начале XIX в.; попытка Завойко заселить северо-восток en grand,

---

*) В. Комаров *О русском населении Камчатки*. Русск. Антрополог. Журнал. Петербург, 1912, I-II.

как известно, не осуществилась, и новый приток последовал только в начале нашего века, что дало Западно-бережной Камчатке группу украинского населения в Голыгинской вол. Наладив хозяйство по обычному на севере типу, но с гораздо большим успехом, чем сами коренные жители, они стойко сохранили свои этнографические признаки и представляют во всех отношениях желательный колонизационный элемент. Расселение в пустынном углу страны предохраняет их от безполезного смешения с чуждой этнической средой; относительно численности, пока—это сравнительно небольшая группа крестьянского населения.

Кроме казаков и крестьян, на северо-востоке есть еще туетий элемент, правда, немногочисленный, но живой, пробрждающий страну от ее ленивого покоя. Его деятельность не всегда носит положительный характер, порой эти приезжие—чистые авантюристы, Появление этого слоя населения относится к только что прошедшему двадцатипятилетию, времени, когда Камчатка открылась для промышленной колонизации. Такому времени бывает свойствен хозяйственный подъем, погоня за прибылью и беззастенчивость в приемах со стороны новых колонистов: такими они оказались и здесь, где бы они ни работали: в областном управлении, в хозяйстве страны, в рядах местной интелигенции.

Не следует преуменьшать значения этих колонизаторов из-за их малочисленности: во-первых, по северному масштабу их было не так мало (вспомним хотя бы тысячную армию камчатских чиновников для 30.000 населения), во-вторых, они проникли в самые глухие районы, охватили пространственно весь северо-восток. При инертности туземной среды, понятно, какое формирующее значение может оказать на нее такой одинокий, казалось бы, безпомощный пришелец.

С начала XX ст. на северо-восток направился поток приезжих в виде губернских чиновников разных рангов, рыбопромышленников и их рабочих, мелких добытчиков вроде охотников и золотоискателей, разнообразных представителей служилой интелигенции, как-то: врачей, учителей, почтовых служащих, наконец, священников и давно забытых здесь миссионеров. Здесь бывали также люди, ехавшие или бежавшие от счетов с уголовным законом и примыкавшие к той

или другой из упомянутых групп: на севере находилось место всякому.

III.

Камчатский чиновник до последнего времени стойко сохранил отрицательные черты соответственного сибирского типа, относящегося к далекому прошлому. *) Хищничество тут процветало, как нигде; пушная торговля, как основной доход чиновника, считалась самым безгрешным делом. Взятка, полученная той же пушниной, как во времена Сперанского, не рассматривалась, как преступление и не была позорной даже для высших чинов. Смелые администраторы порой прямо присваивали пушнину, принадлежащую казне.

Революция несколько смутила эту простоту отношений, но плохая традиция была сильней, чем самые хорошие декларации. Старые деятели, поныне работающие на севере, порой весьма скомпрометированные в прошлом, вряд ли переродились и дают пример вновь прибывающим.

Зато другая черта этих людей сохранилась в неприкосновенности: совершенное невежество в смысле общей подготовки, полное незнание страны, в которой они живут. Если прежде образование было необходимо хоть для старших агентов (впрочем, и тогда люди с высшим образованием насчитывались в камчатских губернских учреждениях единицами), то теперь и этого не требуется. Здешний чиновник не желает пополнить своей подготовки и на месте: он сидит в Петропавловске, изнывает об безделья, наполняет свою жизнь картами и водкой, но никогда не поинтересуется ни окружающими нравами ни душой туземца; а если соберется это сделать, то, не имея достаточной подготовки, или открывает Америку или сообщает, иногда даже печатно, самый удивительный вздор.

Невежество идет рука об руку с самоуверенностью: он считает, что знает страну, и создает для нее совершенно отвлеченные от жизни проекты; нынешняя камчатская администрация результат такого бумажного творчества.

Чтобы не говорить много, камчатский чиновник—совер-

---

*) Новых описаний этого типа нет; но в виду отмеченной его особенности старое описание Дитмара еще поныне может дать материал для суждения о нем.

шенно несовременный, а прямо гоголевский тип дореформенной эпохи. Живой музей, почему-то здесь поддерживаемый, может быть, в этом смысле интересен, но обходится слишком дорого для страны.

Другая заметная на севере фигура, тоже восходящая к прошлому, но не умирающая поныне,—местный купец. Здешний торгующий—обыкновенно self made man, только с отрицательными чертами. Он является сюда без всяких средств, иногда спасаясь от последствий какого-нибудь темного дела. Страны он, конечно, не знает вовсе, да часто она бывает для него, какого-нибудь финна или осетина, совершенно чужда.

С энергией, достойной лучшего применения, он покрывает сотни и тысячи километров, не считаясь ни со снегом ни с бурей; он прекрасно узнает потребности, нравы, психику туземца и становится незаменимым торговым агентом. Малый масштаб деятельности, желание скорей заработать капитал, заставляют его пускаться на тысячу хитростей, лишь бы обмануть туземца—обсчитать, обмерить, обвесить. Хорошо зная психологию своего клиента, такой купец умеет заинтересовать его каким-нибудь пустяком и получить в обмен ценную шкурку. Обычай „приятельства“ служит хорошую службу торгующему: при небольших жертвах со своей стороны, он постоянно держит в руках злополучного приятеля и не остается в накладе.

Разного рода проделки со спиртом, в конец разоряющие охотника, обязаны своим успехом ловкости таких торгующих, и распространение алкоголизма среди туземцев—дело преимущественно их рук. В виду категорического запрета спирта на Камчатке, местные чиновники, при всей своей стяжательности, не могли пользоваться такими средствами обогащения и потому подвергали гонению своих счастливых конкуррентов: уже до 1917 г. это зло стало не так ощутительно, по крайней мере, зимой, во время промысла.

Торгующий орудует в самой гуще туземцев: он встречает его с развозным торгом в пустой тундре, он живет один-одинешенек в каком-нибудь стойбище. Действия его безконтрольны, влияние на туземцев велико: в результате создается одна из самых темных фигур северного

быта. Чиновник здесь принужден худо ли, хорошо ли заботиться о благе населения; но не было, наверное, случая, чтобы торгующий являлся к туземцу иначе, чем с целью его безпощадной эксплоатации. Кроме того, как человек совершенно некультурный, он никак не может оказывать сколько-нибудь благотворнаго воздействия на туземцев.

Надо, впрочем, сказать, что торгующий на севере в конце концов извлекает немного прибыли из своих беззастенчивых операций. Он—мелкий хищник, находящийся в руках более крупного предпринимателя, большей частью иностранца, забирающего львиную долю прибыли. За небольшим исключением, ни один из торгующих здесь не достиг своей главной цели, не заработал сколько-нибудь солидного капитала. Прибавим к этому полную неудобств жизнь в глуши, опасные поездки по тундре без дороги в пургу и увидим человека, который обирает север, но в то же время сроднился с ним и, возможно, любит его, предпочитая свою жизнь другой, более приятной.

В революционный период некоторые из них, как люди способные и знающие, выдвинулись на общественные должности, но удержались в новом положении недолго: старые привычки привели к разным злоупотреблениям по отношению к казне и населению, и людей коммерческих пришлось отстранить от дел управления.

Позже, в советский период, бывшие торговцы вновь были привлечены на службу в роли им более свойственной, агентов Внешторга по скупке пушнины; но и тут деятельность их, вследствие привычки не забывать себя, оказалась не совсем приличной для их нового положения.

Можно подумать, что самые условия северной торговли способствуют сохранению этого типа; но, видимо, здесь больше виноват русский национальный характер, так как те же торгующие, но из иностранцев, действуют более пристойными приемами, пользуются уважением туземцев.*)

Не забудем, кроме того, что среди русских торговцев на севере, много „восточных людей“, вообще отличающихся ловкостью и плутоватостью.

---

*) Зензинов, *Торговля на севере*, хорошо обрисовал этот тип в аналогичных условиях Колымского края. О том же на Камчатке см. статью И. Д. Добровольского в сборнике Дальрыбохоты „*Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока*“, Владивосток, 1923, стр. 384—394.

Ухудшенным повторением торгующего, продуктом современных условий, является камчатский рыбопромышленник. Господству первого нанесла удар революция: наоборот, именно в это время укрепились отрицательные черты второго.

Среда, поставляющая здешних рыбопромышленников, весьма разнообразна: видимо, рыбопромышленником может быть всякий. Если это было справедливо в прежнее время, когда такой карьере иногда предшествовал стаж в лучшем случае мелочного торговца, в худшем—содержателя кабака, то сейчас нет кажется, той социальной или профессиональной группы, представителей которой нельзя было бы найти среди камчатских рыбаков.

Во-первых, здесь оказывается много интелигентных людей, утративших свое положение: можно встретить среди них офицеров, инженеров, врачей, адвокатов, учителей, правительственных служащих. Все они ищут заработка и уверены, что рыба его даст. Нечего говорить, что еще охотней устремляются сюда люди, уже работающие в торгово-промышленной сфере, но ищущие более выгодного применения капитала—это вторая группа рыбопромышленников, тоже довольно пестрая, имеющая в своей среде и торговца, и скупщика пушнины, и золотопромышленника, и мясника и др. Третья—наименее малочисленная группа состоит из старых рыбопромышленников, посматривающих свысока на своих новых коллег, перед которыми они имеют, впрочем, только одно преимущество: некоторое знание дела и местный опыт. Любопытно, что среди всех этих людей не оказывается ни одного, кто работал бы на промыслах Европ. России, т. е. был бы настоящим рыбаком.

Здесь весьма нужны иные качества, не профессионального характера. Прежде всего нужны деньги, если не на оборудование рыбалки, то хоть на уплату за ее аренду, а между тем порой их нет даже на оплату заявления о предоставлении рыбалки. Начинается беготня в поисках японца, который является альфой и омегой всего предприятия. Более предусмотрительные запасаются поддержкой заранее, что однако не меняет дела: такой рыбопромышленник получает немного больше, чем его не столь опытный кол-

лега, но по прежнему остается подставным лицом японского предпринимателя.

Но вот он попадает, заарендовав рыбалку, в Хакодате; тут он пользуется заслуженным отдыхом, японец его кормит и поит; теперь он не прежнее ничтожество, у него есть ценная для японца „бумага“; японец подбирает рабочих, закупает снаряжение, отправляет пароход и посылает все, в том числе и русского рыбопромышленника, на Камчатку. Нельзя, впрочем, не признать, что поездка сюда требует предприимчивости, а поиск денег, особенно от японцев,—энергии. Инициатива и настойчивость, несомненно, свойственны описываемому типу.

После краткого перерыва, набравшись сил, рыбопромышленник лихорадочно принимается за работу; ест кое-как, живет в соломенной постройке, все время занят, то с рабочими, то с жителями. Ему нет отдыха, и немудрено. Ему надо возможно выгодней свести свои расчеты с японцем, надо, стало быть, чтобы рабочие работали побольше, а жители сдавали рыбу подешевле. Прибыль часто получается за счет нарушения правил рыболовства, и приходится быть на чеку, как бы ни нагрянул рыболовный надзор. Но что тут нарушение правил, когда вся организация рыбалки—обход закона и ряд сделок, падающих своей тяжестью на туземное население?

Рыбопромышленник торгует с ним, покупает пушнину, в которой он заинтересован больше, чем в рыбе, и изобильно снабжает туземца единственным, но ценным для того товаром, отвратительным японским спиртом. В этом отношении он куда беззастенчивей настоящего торговца: тот все же связан привычками с населением, среди которого он живет, над ним есть угроза административной кары. Рыбопромышленник же сорвал—и уехал; а пока он на рыбалке, он совершенно безконтролен.

Наконец, рыбалка отошла, расчеты с японцем закончены, все оказалось благополучно и можно отдохнуть во Владивостоке. Правда, бывает и другой финол: рыбы не было, японец обманул, и бедного русского компаниона высылают из Японии через полицию. Но что ж—предприятие кончилось тем же, чем началось, т. е. ничем.

В прежнее время эта деятельность имела еще один

акт; рыбопромышленник, будь он вполне состоятелен, старался остаться недоимщиком казны, не уплатив ей попудного сбора. Нынешняя власть перегибает палку в другую сторону, так что рыбопромышленнику порой нечем, действительно, уплатить требуемый с него налог: в результате—опись имущества.

Рыбопромышленник описанного типа жил и умирал в зависимости от получения волшебной бумаги, делающей его обладателем ценности. Камчатскому „бумагопромышленнику" весьма свойственны интелигентность, инициатива, энергия, ловкость; однако все с избытком уравновешивается хищничеством и безпринципностью.

Сейчас это—тип вымирающий: одни разорились, другие работают на службе в советских предприятиях, и лишь часть имеют видимость независимого существования.

В эксплоатации северного сырья принимает еще участие мелкий добытчик: охотник, рыбак (промышляющий собственным трудом),приисковый старатель. *) Охотник и рыбак мало чем отличаются от занятого тем же туземца: разница лишь в том, что приезжий промышленник проявляет больше риска и жадности, чем туземный; оно и понятно; один гонится за долгими рублями, другой оправдывает свое существование; для первого далекая окраина—только источник заработка, для второго—родина, которую он любит. С совершенно иными и своеобразными чертами является на северо-востоке золотоискатель, двойник американского проспектора,

Это человек, созданный для тайги и тундры. Он ищет в этих местах свободы и простора; в городе ему тесно, а порой он покидает его из—за каких-либо счетов с законом. Он свыкается с тундрой и может прожить в ней не годы, а десятки лет. Однако он любознателен и не любит засиживаться на одном месте; он странствует по тундре и за долгие годы жизни в ней успевает исходить ее, как никто другой, с необыкновенной легкостью перебрасываясь с русского берега Тихого океана на американский, с Чукотки на Аляску; это удается ему тем легче, что у него нет

---

*) Значение мелкого добытчика отмечено Суховием, *Советский Дальний Восток*, Чита, 1923.

ничего, что привязывало бы его к месту, ни семьи, ни имущества, ни родины; его связь с Россией скорей формальная, его язык, не говоря уже о привычках, английский с американским произношением. Пожалуй, он больше тяготеет к американцам, чем к русским: первые не мешают ему работать в поисках счастья, вторые (власти) подвергают его всяческим преследованиям, за нарушение правил о „запретной стоверстной полосе".

Чего же он здесь ищет, невзирая ни на запреты, ни на лишения, которых, конечно, нимало приходится переносить в безлюдной тундре, куда можно добраться только пешком, с запасом продовольствия на плечах? *)

Золотоискатель твердо убежден, что знает месторождения золота и еще тверже уверен, что его поиски в конце концов принесут ему громадное богатство. Он, по собственному мнению, „держит в руках миллионы", как бы ни говорила о противном жалкая обстановка его жизни.

Не надо думать, что такой человек одержим dementia paranoides (бредовая идея) или что он легковерный фантазер, оторвавшийся от действительности. Предположения золотоискателя о горных богатствах северо-востока обоснованы не менее, чем соображения ученых геологов, т. е. на аналогии Чукотки и Аляски, с подкреплением ее данными прежней разведки. Местный опыт, произведенные северными старателями поиски показывают, что их надежды не напрасны, так как они, действительно, находят золото; но по условиям своей жизни, они лишены возможности найти капитал для использования своих открытий, которые и остаются часто втуне. Известны ценнейшие открытия, произведенные таким проспекторами на русском севере, напр. обнаружение платинового месторождения в Анадырском районе.

Дело затрудняется еще самым характером золотоискателей, недоверчиво относящихся к людям: сколько можно, они скрывают свои сведения, а потому проверка их оказывается затруднительной.

Опасности, которым подвергается золотоискатель, при-

*) О трудных условиях жизни золотоискателя можно получить представление по статье П. И. Полевого, *Жизнь на крайнем северо-востоке Сибири*, Землеведение, IV, Петербург, 1913.

учили его не дорожить жизнью и не бояться насилия, по отношению к себе так же, как и другим. Он может рискнуть на многое, но никогда не пойдет на воровство, он достаточно горд и честен, напоминая в этом отношении туземцев, среди которых он живет.

Такой законченный облик встречается не часто, но вообще каждому золотоискателю на северо-востоке свойственны те или другие черты этого типа; а золото здесь ищут почти все.

Важным элементом общества на северо-востоке являются правительственные служащие, находящиеся на местах: учителя, фельдшера (врачей здесь 1-2), продовольственные агенты, почтово-телеграфные служащие, священники (сейчас содержатся обществом). Продовольственные и почтовые служащие тесно привязаны к своим профессиональным обязанностям и сравнительно мало входят в быт местного населения, которое, со своей стороны, считает их несколько чуждым элементом, что и дает почувствовать, при разных спорах о квартире, отоплении и т. под. (натуральные повинности населения).

Зато роль остальных. при всей скромности их служебного положения, необыкновенно велика: это местная интелигенция, к которой относятся с уважением и руководства которой ищут.

Значение этих лиц было бы еще больше, если бы они обладали необходимой подготовкой и стояли на известной моральной высоте; ни того ни другого сейчас нет. Сюда, как и на другую окраинную службу, шли неудачники или люди, искавшие тут обогащения, люди слишком вялые либо черезчур энергичные. Слабость профессиональной подготовки порой переходила прямо в невежество. Что мог дать населению учитель или священник из местных жителей севера, сам едва выучившийся и даже не умеющий правильно говорить по русски? Или ротный фельдшер, наполовину забывший свое искусство и сидящий где-нибудь на Чукотке, один-одиношенек несколько лет?

Прибыль, за которой гнались многие поступавшие на эти места, рисовалась, понятно, в виде камчатской пушнины, и все эти люди больше или меньше поторговывали, покупая кто „барахло“, кто лисиц. Бывали и такие люди,

что клали скупку пушнины во главу своей деятельности и, как люди среди туземцев влиятельные, имевшие в своих руках иногда даже небесный гром, успешно конкуррировали с профессиональными торговцами.

Революционный период вызвал настоящее разложение этой и так неустойчивой среды: сюда проникло множество авантюристов, видевших в какой-нибудь местной должности простое прикрытие для неблаговидной деятельности. Всякие стеснения были отброшены; если были священники, пользовавшиеся церковными вещами для личных нужд, то были также учителя, считавшие себя в праве продать школьный дом.

Конечно, не всякий камчатский учитель, фельдшер, священник носил такие черты полностью; законченный тип был свойствен вновь приезжему, тогда как старожил добросовестно и терпеливо нес свои обязанности, жил в плохоньком помещении, не отказывал в культурной помощи туземцам и не слишком обижался, когда правительство, особенно в революционный период, по полгода не платило ему, жалованья. Не приходится удивляться, что он должен был подрабатывать на пушнине, скорей удивительно, что он не бросал своей должности совершенно.

Рядовой учитель на севере охранял общество от разложения и распространял культуру, как мог, конечно. Туземное население, видимо, чувствовало это, и на Камчатке население всегда стремилось иметь учителя и никогда не отказывало школе в помещении, отоплении, прислуге,—тяжелые, по местному, повинности.

Основные типы северо-восточных колонизаторов: чиновник, торговец, рыбопромышленник, золотоискатель, учитель, отличаются такими свойствами, что полезная сторона их деятельности с избытком компенсируется приносимым вредом. Незначит, конечно, что среди них не было людей, действительно, работавших, чтобы поднять заброшенную окрайну: но невежество и стяжательность, две привычки, принесенные русскими, задерживали, а порой уничтожали культурную работу.

Сопоставляя этот вывод с предыдущими замечаниями о слабой колонизаторской потенции преобладающей русской

группы (крестьянской) на Камчатке, может показаться, что на ней совершенно нет колонизующего элемента. Совершенно верно: новая, промышленная колонизация страны нуждается в нерутинных и культурных силах. Для национального развития страны это очень важно: может случиться, что недостающий элемент придет с другой стороны, от иностранных соседей.

Пока же, делая сравнительную оценку тех колонизаторов, которые имеются на северо-востоке, можно обратить внимание на золотоискателя и учителя, в типах которых заключено ядро успешного развития севера: оно будет основано на разработке горных богатств и воспитании туземцев. Чиновник и торговец—типы, свойственные уже пройденному периоду местной истории, имевшие значение в свое время.

IV.

В колонизуемой стране важную роль играет город: в Сибири в новейший период переселенческого движения с успехом строили совершенно новые города, как Славгород; Петропавловск на Камчатке мог бы сделаться таким же колонизационным центром при небольших затратах на его развитие. Однако он остался по существу поселком, меньшим даже некоторых российских селений; на него расходовалось много, но безтолково: с начала XIX ст. здесь старались создать военный порт для Тихого океана, предвосхищая ту задачу, которую много позже осуществил Владивосток; с начала нашего века здесь создают губернский центр российского масштаба, с преизбыточным количеством канцелярий. Вместо колонизационной базы явился чиновничий город, жалкий и хилый, не оказывающий никакого влияния на остальную страну.

Полторы тысячи русских людей живут в деревянных домишках, местами лачужках, среди которых выделяются также деревянные, но просторные казенные здания. Город имеет несколько улиц типа грунтовой дороги, из них одна переходит в дорогу, построенную еще при Завойке и ведущую на сельско-хозяйственную ферму. Соседняя с городом Никольская сопка, вдающаяся мысом в море, порос-

шая лесом, служит излюбленным местом прогулок городского населения. В городе нет простейшего благоустройства: ни водопровода, ни электричества, хотя для того и другого имеется полная возможность в виде быстрых и чистых потоков и даровая энергия, та же водяная сила. Городская больница располагает менее, чем десятком коек; в городе до последнего времени не было средней школы, а только высшее начальное училище. Вообще, в Петропавловске нет никаких удобств, свойственных и необходимых городу. Невольно напрашивается сравнение с аналогичным местом на Аляске, Номом, центром тамошней золотопромышленности; в нем лишь несколько больше жителей, чем в Петропавловске, но их жизнь совершенно иная.

Петропавловское убожество скрашивается прелестью окружающего ландшафта и удобством расположения города; он лежит у подножия покрытых зеленью сопок, на берегу тихой окруженной горами Авачинской бухты; перед ним синеет море, позади белеют снеговые вершины потуших вулканов. Петропавловск находится в вулканическом кольце, не всегда безмолвствующем; легкие землетрясения здесь постоянны, порой они бывают очень сильны и, соединяясь с извержением окрестных сопок, представляют грозное проявление сил природы, не без страха наблюдаемое местным населением. *)

Жизнь здесь однообразна и томительна, особенно зимой, когда город отрезывается от материка. Чтобы почувствовать психологическую силу этой связи, надо посмотреть, как весело тут встречают первый и печально провожают последний пароход. Каждый приход парохода летом приносит не меньше оживления, чем это сделал бы приезд хорошей оперной труппы в провинцию. Парохода ожидают, ходят „на пароход,“ когда он стоит у пристани, как на зрелище.

В городе нет ни театра ни библиотеки, верней, есть некоторое подобие того и другого; театр—чисто любитель-

---

*) О дореволюционной жизни Петропавловска и камчатской провинции дают любопытный бытовой материал: Сильницкий. *Поездка на Камчатку и в Анадырь в 90 - х годах.* Тюшев. *По Западному берегу Камчатки.* Петербург, 1906. Картина мало переменилась и сейчас.

ский, доставляющий все же порядочно удовольствия своим посетителям.

С губернаторских времен в городе издавалась газета, небольшой листок официального содержания, с безпорядочной перепечаткой случайного материала. Значение этого листка выходит за пределы Петропавловска; при всей бедности содержания, это было единственное чтение в глухой тундре, снабжавшее заброшенного сюда русского челевека кое - какими сведениями о том, что творится на белом свете.

Теперь камчатская газета под новым именем „Полярной Звезды" выходит в расширенном виде.

Общественная жизнь проявлялась в Петропавловске крайне слабо, не было ни кружков ни клубов, да не было и духовных запросов, которые могли бы вызвать объединение городских жителей. Местное общество—семья и знакомые, небольшой круг лиц, проводящих время в сплетнях, карточной игре и пьянстве.

Революция, занеся сюда множество новых (особенно, в здешней глуши) идей, создала и новые формы общественности, здесь вовсе отсутствовавшей. Об искаженно курьезных формах, в каких был воспринят новый быт, еще будет речь впереди. Пока достаточно отметить, что косность и отсталость петропавловского захолустья оказались необыкновенно сильны, пережили революционное время и благополучно сохраняются поныне за фасадом партийных, профессиональных, культурных учреждений советского периода. Мало найдется в России углов, где старый, слишком старый, напоминающий о гоголевских временах, быт сохранился бы так устойчиво, как в Петропавловске.

V.

Можно представить себе общий фон русской жизни в камчатской провинции, если такова жизнь в областном центре. Здешние поселки и селения совершенно лишены связи с внешним миром, исключая два рейса парохода летом, если в селении есть рыбалка, и приход петропавловской почты раз - два зимой; а на крайнем севере нет и

этого. Такая изолированность от окружающего мира тяжело действует на местное русское население, порождая узость интересов, взаимную грызню, монотонность жизни. Здесь не о чем говорить друг с другом, как о собаках (неисчерпаемая тема) и не чем развлекаться, как выпивкой (впрочем не частой, за отсутствием спирта). Человек из чуждого мира, попав сюда, может жить настоящим Робинзоном.

Но и в камчатской глуши люди чувствуют тяготение друг к другу и потребность рассеяться от повседневной жизни. Праздники, которые тут соблюдаются очень строго (их не забывают и без календаря) ознаменовываются „вечерками,“ где собираются взрослые и молодежь, поют, играют, танцуют. Любимый местный танец,—„восьмерка,“ а в более далеких местах можно видеть какой-то странный танец, несомненно, заимствованный от туземцев и весьма напоминающий пляску на гиляцком медвежьем празднике. Исполнители, конечно, не подозревают, что у них нашлись конкурренты в виде танцоров нынешнего чарльстона.

Тоже старый, но другого происхождения обычай, занесенный сюда казаками, связывается с рождественскими праздниками: хождение „с лодкой.“ Группа молодежи, с каким-нибудь стариком во главе, одевшись в старинные костюмы, вооружившись, чем можно, ходят по домам с песнями, изображающими поход разбойников с атаманом в лодке по какой-нибудь реке,—копия казацких плаваний во время завоевания Сибири. В этом примитивном народном театре имеются сцены также с другим сюжетом.

Но есть маскарады и другого рода, тоже справляемые на Рождестве, когда маскированные надевают личины и принадлежности разных зверей, танцуют или играют: этот обычай, очевидно, туземного происхождения.

Светлое явление провинциальной жизни на севере—гостеприимство, оказываемое любому проезжему, безвозмездно и безкорыстно: новый человек сам по себе достаточно ценен. Тем более здесь любят гостить у своих: в гости не только ходят, но порой ездят за сотни верст. Праздники для этого наиболее удобны.

V. Иностранцы.

I.

Русский северо-восток, по условиям своего географического положения в Азии по соседству с Японией и Америкой, не мог не вызвать интереса в этих странах, может быть, больше, чем в самой России. В результате он подпал под сильнейшее влияние этих соседей, явившихся сюда со своими капиталами для эксплоатации богатств, которыми пренебрегал настоящий хозяин. Камчатка оказалась в сфере влияния иностранного капитала более любого другого района Д. В. Иностранцы принесли сюда не только капитал, но и свойственный им дух; работая в податливой среде, они подвергли ее некоторому формирующему воздействию. Сейчас и предстоит ознакомиться с иностранными нравами на северо-востоке и влиянием их на местную среду; иностранцев по справедливости здесь можно считать третьим (после туземцев и русских) этническим элементом.

Главная группа иностранцев, подавляющая капиталом и численностью, конечно, японцы; американцев немного, но значение их деятельности может оказаться для этой окраины не менее, чем работа японцев. Остальные иностранцы, китайцы и корейцы, большей частью торговцы, по своей малочисленности, никакого длительного, тем паче организованного влияния на страну и ее население оказать не в состоянии. Они не проявляют тут даже тех черт, которые им свойственны по всему русскому Д. В: привычка к объединению мелких капиталов, уменье приспособливаться к туземной среде, торговая ловкость и порой жульничество. В виду своеобразия северных условий, все эти качества оказываются принадлежащими китайцам не в достаточной мере; с другой стороны, они встречаются с непревзойденными конкуррентами, тонкими психологами и ловкими торговцами из числа местных русских и самих туземцев.

Когда открылась добыча золота в Охотске, здесь появились корейцы, работавшие в числе около 400 до самого последнего времени. Таким образом, и север в отношении

к желтой иммиграции не представляет исключения сравнительно с Д. В.: китайцам и корейцам и возможно и интересно работать на приисках Охотского или Анадырского севера, и несомненно, они появятся здесь с развитием золотопромышленности.

II.

Но вернемся к японцам. По Портсмутскому миру Япония получила исключительные права в водах русского Д. В. В согласии с этим в 1907 г. между двумя странами была заключена рыболовная конвенция на 10 лет, открывшая японцам доступ на Камчатку. Камчатский японец—рыбопромышленник, предприниматель, служащий, рабочий; последние мало соприкасаются с населением, которому приходится иметь дело или с хозяевами или с их агентами, в зависимости от размера предприятия. *) Камчатский рыбопромышленник в подавляющем большинстве принадлежит к средним предпринимателям, работающим при поддержке либо крупных рыбопромышленных компаний (их имеется 5 - 6), либо, еще чаще, разных финансистов, ищущих приложения для своего капитала. Итак, японский рыбопромышленник по необходимости оказывается больше купцом, чем предпринимателем; у него нет средств на крупное и долгое предприятие; он должен нажить возможно больше и скорей, а этих целей он добьется, чем больше ему удастся выторговать.

Мы еще увидим ниже техническую слабость японской рыбопромышленности. Пока достаточно отметить хищнический дух, который проявляется в ней значительно: это относится и к приемам лова, расчитанным на то, чтобы захватить побольше, и к обработке продуктов, которые могут быть похуже, но подешевле, и к оборудованию рыбалки, после которой на промысле должно остаться только пустое место.

---

*) Характеристику японского рыбопромышленника в экономическом отношении можно найти во многих сочинениях, говорящих о рыбопромышленности на Д. В. Но как культурный тип, он не обрисован. Отчасти это сделано в книге Приморского губ. бюро проф. союзов, *Охотско - Камчатский край (труд и быт)*, Владивосток, 1925.

Купеческая функция японского рабопромышленника особенно выступает при сношениях его с населением, от которого он покупает рыбу, на что он имеет право, и с которым он торгует, вопреки всякому праву.

Это торговля носит характер прямого злоупотребления, поскольку население при этом спаивается спиртом. Но японец, как упоминалось, покупает не только пушнину, но и русского рыбопромышленника, сидящего рядом с его участком.

Крупные рыбопромышленные компании не прибегают к таким приемам и не возлагают своих надежд на торговлю с жителями. Их выгодные морские участки дают достаточно рыбы, а консервные заводы выработывают достаточно ценный продукт, им нет надобности заниматься операциями побочного характера. При покупке рыбы от жителей, они отнюдь не прижимают последних, но даже дают им наивысшую цену, что напр. было за весь революционный период на р. Камчатке. Крупные предприниматели охотно связываются с рыболовецкими артелями из местных жителей, оказывая им материальное содействие и помимо хорошей платы за рыбу, как это было в тот же период на р. Охоте.

По их примеру, и средние рыбопромышленники становятся осторожней с жителями, стараясь поддерживать добрососедские отношения, оказывая некоторые услуги и порой играя на племенном самолюбии местного населения.

Что касается рядовых японцев - рабочих, то несмотря на свою численность (летом их прибывает около 20.000 ч. т. е. больше, чем все население Охотского берега и Камчатского пол., где сосредоточено рыболовство), они не оказывают какого - нибудь влияния на местных жителей, мало с ним соприкасаясь. Селение обычно расположено далеко от рыбалки, и японцы приходят туда только купить какую - либо мелочь, а порой и украсть, что плохо лежит. Жители относятся к ним не очень доброжелательно: еще не изгладилась память о русско - японской войне, когда всякий японец считался на Камчатке врагом, и между ними и жителями происходили военные столкновения небольшего размера. Зимой на рыбалке остаются только сторожа,

и таким образом встреча жителей с иностранцами ограничивается несколькими месяцами в году.

В этот период иногда между ними все же происходят столкновения. Убийство—очень редкое явление среди местных жителей; но на рыбалках это случается, потому что японцы при ссорах между собой и с хозяевами охотно пускают в ход ножи. От поножевщины страдают, конечно, больше русские промышленники, потому что свои всегда могут расплатиться за это в Японии, русскому же найти управу затруднительно.

Известен случай, когда в 1923 г. на северо-восточном берегу Камчатки группа японцев, оставшихся зимовать, напала на пушную факторию русского коммерсанта, разграбила товары, изнасиловала женщин и перебила население фактории. Виновные спокойно уехали в Японию, и пострадавшим стоило большого труда добиться удовлетворения.

III.

Японский рыбопромышленник действует на Камчатке не за свой страх и риск; он является членом организации захватывающей здешнюю рыбопромышленность планомерно и систематически. Ввиду многих привилегий, какими пользуется эта организация, ее можно сравнить с прежними крупными компаниями, эксплоатирововшими колонии на монопольных правах, со всеми отрицательными последствиями такого положения. Русский закон игнорировал эту организацию, японский придает ей характер публично-правового учреждения.

Речь идет об обществе японских рыбопромышленников в конвенционых водах Тихого океана „Кумиай.“ По закону все рыбопромышленники должны состоять членами этого общества, секретно распределяющего между собой рыболовные участки и назначающего за них арендную плату, что сводит на нет значение рыболовных торгов, устраиваемых русским правительством.*)

*) Историю „Кумиай“ и очерк японской аггрессии в водах русского Д. В. см. в статье М. А. Алексина, напечатанной в *Докладах Приморской окружной торгово-промышленной палаты*, представленных на Вашингтонскую конференцию, Владивосток, 1922.

Здесь интересна однако не эта сторона дела: надо знать, какое положение создалось благодаря этому на русском северо-востоке. Общество Кумиай есть определенно руссофобская организация, созданная и руководимая враждебными русским лицами: это не простое средство защиты экономических интересов. Участие в Кумиай придает особые черты японскому промышленнику: он свободен от конкурренции, что уменьшает доход северного народного хозяйства от рыболовства, он заинтересован в умалении русского авторитета (будь то власти или промышленники), он является проводником японской аггрессивности на Камчатке, он может быть превосходным агентом своего правительства.

С японской точки зрения этот тип промышленника носит целый ряд положительных черт, Нельзя не пожалеть, что их русские коллеги не создали ничего подобного названной организации, хотя бы с целью защиты от японских притязаний; вследствие своей раздробленности, они несут на себе весь odium своей деятельности, не получая за это даже сносного вознаграждения.

Японский промышленник проявил в полной мере свою организованность в период наибольшого русского бессилия на Д. В. (1920 - 1922). Была выдвинута целая программа рассширения прав японских рыбопромышленников, а отсутствие общероссийского правительства позволило приступить к фактическому ее исполнению. От этих требований, относящихся к 1921 г., впоследствии пришлось отказаться, но программное значение они сохраняют поныне, что и сказывалось при безконечных переговорах советских властей с японскими рыбопромышленниками об урегулировании их взаимоотношений при новом порядке.

Эта программа предполагала уничтожение торгов и сдачу рыболовных участков en bloc, понижение арендной платы, отмену навигационных свидетельств, которые японцы обязаны выбирать у русского консула в Хакодате, право на аренду речных участков наравне с русскими промышленниками, право на торговлю на рыбалке, т. е. более широкое право, чем предоставленное русским, разрешение оставаться на Камчатке зимой. С местной точки зрения особенно важны три последних пункта, исполнение которых

дало бы возможность японцам войти в глубь русского севера и осесть на нем более прочно.

Впредь до удовлетворения этих требований японцы считали себя вправе задержать арендную плату и вести лов рыбы в российских водах без каких бы ни было разрешений в 1921 - 1922 г.; но и в это время японские промышленники не рискнули осуществить своих домогательств полностью и самовольно: они оставались на почве конвенции, которую они, очевидио, хотели сохранить на будущее.

В японском натиске была одна сторона, вину за которую приходится возложить на известные элементы среди русских; это события весны 1920 г. в Охотске, в свою очередь явившиеся отголоском Николаевского н/А „действа." Как известно, отряд Тряпицына перебил здесь японский гарнизон, разрушил окрестные прииска и рыбалки, истребил множество людей из состоятельных классов и простого крестьянства и в конце концов до тла разорил Николаевск поджогом и взрывом. Вряд ли где-либо во время революции разрушение было произведено так широко и бессмысленно. Группа русских состоявшая из старателей, бродяг и просто темных субъектов, захватив власть в Охотске и действуя по николаевским приказам, независимо от Камчатки и Д. В., начала осуществлять тут тряпицынскую программу „уничтожения гадов." Кроме правительственных служащих и местной буржуазии, под эту категорию были подведены японские промышленники, владеющие в Охотске большим числом хорошо оборудованных рыбалок; наряду с прочим казенным и частным имуществом, эти рыбалки были сожжены.

Не зная истинного характера этих событий, японские рыбаки в 1920 г. могли добросовестно сомневаться в своей безопасности и принимали, действуя на правительство, предупредительные меры, как финансового, так и военного характера. Применительно к Камчатке переполох оказался напрасным, противник воображаемым. Отсутствие какого-либо сопротивления ободрило японцев и побудило их рискнуть на дальнейшее (упомянутая программа). С 1924 г. японские рыбаки изменили тактику. По причинам общего характера на военную поддержку расчитывать больше было нельзя, и вопрос об уступках был перенесен в плоскость переговоров.

Переговоры сначала во Владивостоке, потом в Москве, имели целью пересмотр конвенции с большим или меньшим приближением к программе 1921 г. и тянулись безуспешно несколько лет. За это время японцы фактически добились права, не участвуя в торгах, арендовать рыбалки общей массой, за что они исправно вносят арендную плату на солидную сумму около 2.000.000 руб.; урегулирован также вопрос о плате за те годы, когда японцы не вносили денег в русское казначейство. Об этих переговорах, выходящих за пределы местных интересов, связанных с русским северо-востоком, здесь можно не распространяться. Переговоры продолжались до 1928 г., когда, наконец, в результате „дружеской интервенции" известного пропагандиста русско-японского сближения, посетившего Москву, виконта Гото, пришли к завершению, и была заключена советско-японская рыболовная конвенция.*)

IV.

В других, кроме рыбопромышленности, отраслях северного хозяйства японцы себя не проявили и особого типа предпринимателя не создали. Но интерес к более широкому проникновению сюда у них, безусловно, имеется: это сказалось в торговом договоре Японии с Советской Россией, где предусматривался ряд прав для японцев на Д. В., включая и Камчатку; они домогались горных концессий, льготной торговли и каботажного плаванья.

Если они до сих пор не стремились к получению этих прав на севере, то лишь, потому что они пользуются ими фактически: они безпошлинно торгуют на Камчатке и вытеснили русский флаг из здешнего мореплавания: никакой торговый договор не даст им больше, чем они имеют. Что касается золотопромышленности, то японцы, не имея в ней достаточного опыта, не слишком к ней тяготеют; тем не менее, и северные горные богатства, именно на Чукотке, вошли в орбиту их внимания.

Перечисленные отрасли северного хозяйства вызывали

---

*) Текст старой конвенции, легшей и в основу новой, приведен в издании Мин. Иностран. Дел „*Рыболовная конвенция, заключенная между Россией и Японией 15 июня 1907 г.*" Петербург, 1907.

и более специальный интерес среди японских предпринимателей. Так, японцы пробовали заняться тут пушной торговлей, и богатая пушная фирма Нихон - Моохи, имеющая связи с крупным японским капиталом, открыла контору в Петропавловске и отделения в Гижигинском у.; она претендовала также на аренду Командорских о - вов, но безуспешно. Несомненно, при своих средствах и опыте, фирма могла бы охватить Камчатку полностью и создать крупное дело.

Пользуясь слабостью русской власти в 1921 - 1922 г., японцы пытались установить свой каботаж на Камчатке: большой пароход (в несколько тыс. тон.) „Кайо-Мару" поддерживал пассажирское и грузовое движение между Петропавловском и Хакодате. Очевидно, этот рейс считался полезным для японских интересов, раз правительство сочло нужным субсидировать компанию, которой принадлежал пароход.

Несколько раньше горнопромышленная компания Фукуда предприняла разведку на Чукотском пол., результатом чего было открытие нескольких новых месторождений золота и серебро-свинцово-цинковой руды. Компания отправила на Чукотку собственный пароход и вела разведку под руководством известного русского специалиста по горному делу.

Все эти предприятия были кратковременны, и начатые в революционный период, должны были скоро кончить существование. Кроме того, некоторые предприятия, как иностранный, да еще субсидированный каботаж, действительно, формально были нарушением старых русских законов. В этих отраслях хозяйственной жизни японцы не могли, след. оказать колонизующего влияния на страну.

V.

Кроме промышленника и коммерсанта, русский северо - восток познакомился, хотя и не надолго, еще с одним типом японской активности, военной интервенцией. В 1920 г. японцы имели некоторое основание опасаться за судьбу своих подданных на Камчатке, со своей точки зрения. Летом около Петропавловска появился японский крейсер, а по побережьям ходило несколько миноносцев, для охраны рыбалок, как заявлялось в правительственном сообщении.

Хотя последовавшие два года были здесь, действительно, смутным временем, для японских подданных оно ни в какой мере не было опасным. Несмотря на очевидность этого положения, японское правительство сочло нужным еще больше усилить свои предосторожности; в камчатских водах плавали несколько крейсеров и целая флотилия миноносцев, а в Петропавловской бухте, для вящшей безопасности десятка японцев зимовал линейный корабль, имевший на своем борту больше вооруженных людей, чем все мирное население города.

Это было время, когда японцы распоряжались в Приморьи и не выпускали из Владивостока ни одного русского военного корабля. На далекой северной окрайне ничто не напоминало о русском суверенитете, и даже простая связь с Россией, рейсы Добровольного Флота, почти прекратились. Какой бы характер ни имела камчатская администрация того времени и кто бы ни претендовал на обладание северо-востоком, красное правительство, сидевшее в Чите или белое во Владивостоке, фактически Камчатка подчинялась японцам, имевшим под собой такую внушительную опору. Недаром японцы предупредительно напечатали и любезно распространяли на Камчатке карты, где эта страна была обозначена, как часть Японии.

Правда, здесь не было такого положения, как на Сахалине, где было введено японское военное управление и воздвигнуто настоящее гонение на русских промышленников; но скрытая оккупация Камчатки имела место. Были, конечно, причины (возможно, американская конкурренция) для более мягкого поведения японцев здесь, сравнительно с другими местами Д. В. Это было тем легче, что и русская опасность, как понимали, конечно, японцы, была мнимой.

В отношении к местному населению японское командование держалось благожелательно. Оно не препятствовало общению воинских чинов с жителями, подходящими предлогами для чего была страсть камчадалов к спирту, а его у японцев оказывалось достаточно. Старшие чины охотно входили в сношения с окрестным населением, интересуясь его повседневным бытом и бедственным в то время положением, отмечая бессилие русского правительства помочь

им и подчеркивая близость камчатских азиатов к японцам. Для ознакомления населения с величием Японской империи, предлагалось желающим посетить японские острова, за счет японского правительства; в Иокогаме как раз в это время была устроена грандиозная выставка (1922 - 1923 г.).

Что русский север в это время представлял для Японии более широкий интерес, чем поле деятельности рыбопромышленников, отмечается еще тем, что правительство имело на этой окрайне своего консула, назначив на эту должность одного из лучших дипломатов, знающих Россию и Д. В., Ямагучи.

VI.

Сравнительно с деятельностью японцев, проявившейся на северо-востоке в завоевательном, организационном и торговом направлениях, каковые три качества, (по мнению Вернера Зомбарта) и составляют сущность капиталистической предприимчивости, здешняя работа американцев представляется на первый взгляд очень скромной. Несколько американских судов, приходящих сюда с торгом, несколько англо-американцев, сидящих с той же целью в разных углах русского севера, преимущественно в Чукотско-Анадырском крае, вот и все американское влияние.

Американцы дали этой стране два типа деятелей: торговца-промышленника и авантюриста, с легко переходимой границей между обоими. Местные американцы следовали своей вековой традиции: на суровом и пустынном севере (Канада) англо-американский предприниматель являлся по необходимости „adventurer", т. е. рисковым человеком, а риск мог вести и к богатству и к тюрьме.*)

Американцы давно и с успехом торговали на русском севере: не говоря уже о временах Завойко, когда Петропавловский порт видел флаги всех наций, и позже, когда американские компании арендовали Командорские о-ва, Камчатка знала американского купца и проявляла вкус к его товарам. Лишь последние двадцать - тридцать лет камчатского упадка американцы, у которых в это время стала расцветать Аляска, перестали интересоваться русским севером и забыли его настолько основательно, что их предприни-

*) О деятельности американцев на севере см. Н. В. Кириллов. *Чукотка вее отношениях к Аляске.* Петербург, 1911.

матели должны были открыть вновь Чукотку и Анадырь в нашем веке. Естественно, это могли сделать только adventurers.

Пионерами американской торговли на азиатском севере не были чистокровные американцы, это были выходцы с европейского севера, шведы, норвежцы, финны, натурализовавшиеся в Америке. Местные условия для них не были совершенно чуждыми, и вот с небольшими деньгами, а то и без таковых, они пустились в тундру, кто в поисках золота, кто скупать моржевый клык. Они продолжали то же, что делали на Аляске, где в это время обнаружился некоторый кризис золотого промысла и совершенно истощился моржевый промысел. Чтобы иметь успех в тундре, приходилось быть энергичным и неразборчивым в средствах, ибо, по выражению Киплинга, закон Бога и человека не заходит северней 40°. Но, очевидно, известная национальная осторожность сдерживала их в некоторых границах при сношениях с туземцами: их торговля никогда не была синонимом обмана, как это практиковалось их русскими и иными коллегами; и не была основана исключительно на спаивании жителей, как это позже делали рыбопромышленники. Население это чувствовало, относилось к американцам благожелательно, во время революционных вспышек эти одинокие иностранцы чувствали себя совершенно спокойно среди туземной массы.

Собрав некоторые средства или сумев привлечь внимание людей с деньгами, такой искатель счастья ставит свое дело более широко. Он не сидит на одном месте, а является сюда на шхуне, груженой всяким товаром, плавает по берегам, торгует с населением, из года в год ожидающим его прихода, и снабжает мелких торговцев. Размеры операций таких шхун разнообразны: и десятки и сотни тысяч долларов. А эти шхуны, в общем небольшие, но превосходно приспособленные к северному плаванью, не боятся ходить среди движущегося льда около Чукотского побережья. Из посещающих север предпринимателей такого типа, особенную популярность приобрел американец Свенсон, большой знаток русского севера и пушной торговли, составивший тут порядочный капитал.

Другие американцы интересовались здесь не пушным,

а морскими богатствами. Моржевый промысел привлекал всех, но им занимались между другим делом; настоящим же морским промыслом было китобойство. Расцвет американско китобойства в российских водах падает на конец прошлого и начало нынешнего века, а сейчас, после постепенного угасания, этот промысел почти прекратился. Тип американского китобоя весьма любопытен, как будто прямо сошел со страниц Джека Лондона. Он должен быть настоящим морским волком, испытанным в трудностях северного плаванья: капризный и неверный промысел, которым он занимается, будит в нем чувство азарта; но он рискует не только имуществом, а и своей личностью, поскольку он охотится в чужой береговой полосе, а за ним в свою очередь охотятся русские дозорные суда: определение ширины береговой полосы постоянно вызывало споры между Россией, Америкой и Англией, соседи считали ее трехмильной, а русские претендовали на двенадцатимильную.*)

Если китобойный промысел был связан с материальным и личным риском, то котиковый лов был обдуманно авантюристическим, даже преступным делом. Три государства заключили конвенцию об охране этого промысла, а какой - нибудь промышленник считал возможныи не обращать на это никакого внимания: единственно, о чем он заботился—не попасться в руки охранному судну, последствием чего были бы конфискация имущества и тюремное заключение. Риск возмещался хищничеством, и именно этим промышленникам, английским, американским, японским обязано катастрофическое сокращение котикового стада около Командорских о - вов.

Американский adventurer на русском севере шел по одному из двух путей: либо риск вознаграждался удачей, и тогда он становился солидным капиталистом, либо он проигрывал, подвергался преследованиям, но продолжал вести полную опасностей жизнь из любви к самому риску, т. е. становился настоящим авантюристом.

---

*) Об американских пушнинниках и китобоях на Камчатке см. Прозоров, *Охотско - Камчатский край*, 1909, а на Чукотке—Калинников, *Наш крайний северо - восток, 1912.*

Он настолько забывал свою родину и привыкал к новой, что, казалось, он родился в тундре или на море. Никакие опасности его не пугали: он мог проходить сотни миль по движущемуся льду пешком и уж тем более уверенно чувствовал себя на своей шхуне, на которой он смело пускался в Ледовитый океан. Он, конечно, занимался пушной торговлей, моржевым промыслом, но никогда не смущался, по его взгляду, пустяками, в роде необходимости иметь разрешение от каких-нибудь властей или расчитываться с жителями за пушнину. При случае, где-нибудь на пустынном берегу ему ничего не стоило напасть на жителей, пригрозить им оружием и отобрать их имущество; бывали случаи, когда такой молодец умудрялся похитить целую шхуну и угнать ее за много сотен миль.

Такой авантюрист, порой становившийся настоящим пиратом, конечно, не склонен был различать государственные границы: не все ли равно, где искать добычу, на русском или американском берегу, для него равно негостеприимном, ибо такой человек находился в постоянной ссоре с властями обоих соседних государств, временами попадая то в русскую, то в американскую тюрьму. Фантастическое увлечение свойственно такому человеку, как нельзя больше. Поэтому пушной или морской промысел, как довольно обычное дело, его интересует сравнительно мало, хотя именно то и другое дает ему верную прибыль. Более привлекателен золотой промысел, вызывающий такую оживленную игру фантазии; все-таки здесь adventuer еще не покидает реальной почвы, и этого ему мало. Он ищет новых ценностей и путей к ним: не находя их на освоенном людьми севере, он стремится дальше и дальше, выполняя задачу полярного путешественника, но оказывается все тем же преступником перед человеческим законом. В самом деле, что это, подвиг или преступление: с кучкой людей забраться на затертый льдами Северного океана о. Врангеля, заняться там хищничеством и зазимовать, не будучи уверенным, что на другой год удастся отсюда выбраться? Это предприятие вызвало спор о принадлежности о. Врангеля и отправку туда русской экспедиции в 1923 г. для подтверждения прав на этот остров. А до этого времени не удосужились ни проверить рассказы о

богатствах этого острова, ни тем более использовать их толком.

VII.

Все американцы, работающие на русском севере, стараются поддерживать с местным населением добрые отношения, не исключая и чистых авантюристов, поскольку это для последних возможно. Торгующие охотно оказывают кредит сельским обществам и отдельным туземцам, не опасаясь, что расчет будет только через год, когда вновь придет шхуна; китобои дарят чукчам китовое мясо, им ненужное, но очень необходимое голодающим жителям: американские шхуны оказывают житейские услуги местному населению, принимая жителей на борт и безплатно перевозя их, когда они в том нуждаются. Поддерживая добрососедские отношения с местным населением, американцы избегают вмешиваться во внутренние раздоры существующих тут группировок, и в период наибольшей слабости русского авторитета на Д. В. были в общем лойяльны по отношению к местным властям.

Но американец—такой же прирожденный колонизатор, как русский человек; при том он привык к воздействию на туземцев и понимает значение такого влияния. Независимо от того, какие виды имеют американцы на русский север вообще, там, где русским ничего не делается в интересах колонизации, как в Чукотско - Анадырском крае, американцы естественно выполняют, конечно, к своей пользе, роль колонизаторов. Культура белого человека становится известна чукчам и эскимосам только от американцев: они ее и усвоивают. Речь идет не о зле, приносимом иностранцами, как табак и спирт, даже не о материальном улучшении, которое создается ввозом предметов питания, хозяйственного инструмента, морского снаряжения и целых шхун, дело в том, что у туземного населения появляются потребности именно американского типа, интерес именно к американской жизни и в результате американизация русского севера.

Чукчи знают очень мало о России, но довольно много об Америке, и сравнение оказывается не в пользу русских. Они убеждены, что Россия бедная страна, не желающая

о них заботиться, и они серьезно верят, что чукотская земля продана американцам. Удивительно ли, что русский администратор затрудняется здесь, на каком языке ему сноситься с жителями. Чукотского языка он не знает, а говорить по английски, т. е. на языке, достаточно известном жителям, ему совестно: недостает, чтобы еще он брал на себя распространение американского влияния, что с успехом делают торговцы, китобои, проспекторы этой нации.

Все эти люди однако работают за свой ктрах и риск: в организованном виде ни американский капитал, ни такой же труд сюда не являлся. Но это не значит, что они и не являтся. Когда старинная канадская организация, Hudson Bay Company, пожелала вести тут пушную торговлю, она не ограничилась открытием конторы и нескольких складов, но постаралась получить монополию торговли на Камчатке, и такая организация местной торговли является ближайшим стремлением работающих тут американцев. С другой стороны, заинтересован в Чукотке американский рабочий, именно аляскинский золотоискатель, с нетерпением ожидающий, когда ему будет можно переправиться на русский берег, где он надеется найти золото в таком же изобилии, как это было недавно около Нома на Аляске. Такая попытка однажды была сделана, когда в Анадырь прибыла партия канадских золотоискателей, на собственном пароходе, с запасом приискового имущества. Она работала в известной системе р. Волчьей.

Итак, пока американцы мало проявили себя на русском севере, как организаторы: тем более они не являлись тут завоевателями. Во время камчатской смуты они ограничились посылкой охранного судна „Polar Bear“, плававшего преимущественно на крайнем севере, где сосредоточена американская торговля, и старавшегося держаться совершенно благожелательно к местным жителям.

VI. Япония и Америка на севере.

I.

Тихий океан стоит в центре международных интересов, являясь ареной соревнования крупнейших мировых сил - Америки и Японии. Уже президент Рузевельт, при котором Америка впервые проявила себя, как важный международный фактор, провозгласил, что Соед. Штаты должны господствовать над Тихим океаном; и ступив на Филиппинские о - ва, она сделала первый шаг в этом направлении; что касается Японии, то результаты ее войны с Россией фактически предоставили ей такое господство над северной частью Тихого океана, так как русский флот был уничтожен, а стратегические ключи на Д. В. попали в японские руки.

Положение Японии укрепилось еще более с получением, после Мировой войны, мандатных территорий на юге.

Тихоокеанская проблема порождена стремлением этих двух мировых держав на азиатский материк: ближайшим объектом японо - американских вожделений является Китай, где Япония опять - таки опередила конкуррента: Маньчжурия политически и экономически находится в сфере японского влияния, Америке же приходится пробивать дорогу в Китай торговлей, миссионерской пропагандой, просветительной деятельностью.

Америка формулировала свои желания относительно Китая, как „принцип открытых дверей,“ т. е. как свободу международной конкурренции, сулящей ей, при ее возможности пускать в международный оборот капитал 3-4 миллиарда дол., несомненный успех. Япония, лишенная таких возможностей, выбросила клич азиатского единства: „Азия для азиатов,“ подразумевая, что гегемония в Азии будет принадлежать Японии. Ее отношения к Китаю показывают, как понимается японцами „Азия для азиатов.“

Америка настолько развила свою промышленность, что рамки американского материка для нее стали тесны: между тем Европа обеднела после мировой войны и не может быть емким рынком для американских товаров. Будущее американской торговли—в Азии и особенно в Китае: эта

страна со слабейше развитой промышленностью, никак не могущей обслуживать свое население 400 (или более) миллионов, представляет колоссальный потребительский рынок, и Америка решительно взялась за его овладение: американский ввоз в Китай выразился в 125.000.000 дол. в1913 г., а тотчас после войны, когда у других государств руки здесь были связаны, он возрос до 547.000.000. дол.

Не меньше, хотя иного рода, японские интересы в Китае. „Как растение в горшке, Япония будет расти до тех пор, пока ее корни имеют возможность распространяться по азиатскому континенту,“ говорит пропагандист японского империализма ген. Кайро Сато.*) Действительно, в Японии нет сырья, являющегсся основой современной промышленности: мало угля и нет железа, тогда как то и другое имеется в изобилии в Китае, в частности в Маньчжурии и в Шаньдуне. Проникнув в южную Маньчжурию только после русско - японской войны, Япония успела создать здесь богатейшие угле - и железопромышленные предприятия (Фушун и Аньшан); та же промышленность в самом Китае развивается при сильнейшем участии японского капитала.

Но японцы имеют еще особый интерес к Китаю, связанный с эмиграционными нуждами. Недостаток риса на островах заставляет японское население устремляться на материк: после колонизации Кореи наступает очередь южной Маньчжурии.

Наконец, северная Маньчжурия важна для Японии, как плацдарм на случай войны на Д. В.

II.

Интересы Америки и Японии сталкиваются преимущественно в Китае; однако, хотя японский государственный деятель гр. Окума и заявил, что ни замороженный север, ни сожженный солнцем юг не привлекают японского колониста, привыкшего к мягкому морскому климату, русский Дальний Восток не безразличен для Японии.

Здесь, как и в Китае, ее могут интересовать железо (Приморье) и уголь (Сахалин). Сахалинские угли, с их

---

*) Кайро Сато, *Япония и Америка в их взаимных отношениях*, Москва, 1923, стр. 16 (перевод с английского).

громадными запасами и превосходными качествами представляют для Японии живейший насущный интерес. Нефтяные концессии на Сахалине имеют для нее первостепенное значение: сахалинские месторождения, на случай войны с Америкой, остаются для воздушного флота единственным источником питания. Наконец, и Камчатка, снабжающая Японию рыбой, является, при недостатке в последней риса, весьма важным элементом японской экономики,

Выше было приведено мнение, что русский Дальний Восток не может быть территорией японской колонизации; это не верно, и стремление японцев на север замечается не меньше, чем на юг. Неприспособленность японцев к жизни на севере—мнимая. Вспомним японский Сахалин, где в 1910 г., вскоре после его приобретения от русских было 31.107 японских поселенцев, а в 1920 г. уже 105.705, явление особенно поразительное, если его сопоставить с тем фактом, что русское население острова так и застыло на цефре 7000 - 8000 ч. На Камчатке, т. е. на довольно далеком севере, ежегодно проводят несколько месяцев 30.000 японцев без всякого вреда для себя. Тем более доступны для японцев средний Амур и все Приморье. В последнее время сюда хлынул поток корейской эмиграции: не без основания можно предполагать, что она только авангард японской колонизации. В самой Японии есть сторонники направления японской эмиграции на русский Д. В., напр. популярный виконт Гото (ныне покойный), сторониик русско - японского сближения на основе мирного разрешения японской эмиграционной проблемы поддерживал эту идею.

Заинтересованность Японии в русском Д. В. несомненна, а факт японской интервенции в 1919 - 1920 г., перекинувшейся до Байкала, показывает, как далеко идут японские намерения. „Япония ушла из Приморья, но России оснюдь не приходится обольщаться одержанной победой, говорил Виленский - Сибиряков еще десять лет тому назад.*)

Сравнительно с Японией, интересы Америки здесь не так велики, но они, несомненно, имеются. Богатые есте-

---

*) В. Виленский—Сибиряков, *Японский империализм,* Ленинград, 1925, стр. 131.

ственные рессурсы Д. В. представляют широкое поле деятельности для американского капитала: правда, Америка и сама, подобно Д. В., богата золотом, лесом, рыбой, но усиленная эксплоатация этих запасов успела их достаточно истощить и уже поставила на очередь вопрос об их сохранении; добыча золота, если поддерживается на большой высоте, то лишь благодаря небывалой технике добычи. На Д. В. же все эти богатства почти не тронуты, и в частности золото с выгодой добывается примитивным способом. Золотопромышленность, видимо, будет первый точкой приложения сил американского капитала на Д. В. вообще, на северо-востоке в частности.

Не даром существующие сейчас на Д. В. американские концессии—только горнопромышленные. Размах, который может принять американская деятельность, можно видеть по одному проекту, касающемуся русского севера. Компания американских финансистов с Гарриманом во главе добивались 99 летней концессии на постр́йкоу железной дороги от Берингова пролива через северную полосу Сибири до Красноярска, общим протяжением около 5000 верст. Эту дорогу, которая должна была прорезать сибирскую тундру, предполагалось связать с Америкой туннелем под Беринговым проливом. Концессионеры выговаривали себе право эксплоатации 12-верстной полосы вдоль железной дороги, имея в виду, очевидно, горные богатства. Хлопоты велись при правительстве Керенского и адм. Колчака и кончились неудачей из-за революционных событий.*)

Может быть отмечен еще другой проект, относящийся к 1920 г.: сдача в концессию всей Камчатки на 50 лет, что было предложено американцем Вандерлипом, предприятие хотя и сомнительное, но подтверждающее американский интерес к русскому северу.

Как бы ни было, экономическая конкурренция Японии с Америкой на Д. В. хотя и возможна, но не есть факт современности. Русский фактор в будущем американо-японском столкновении имеет больше значения в стратегическом, чем экономическом отношении: здесь роль Д. В—дело наших дней.

---

*) Сато, цит. соч. стр. 84.

III.

Япония, которая, возможно, явится стороной обороняющейся и, возможно, блокируемой, по примеру Германии, будет особенно страдать от перерыва сообщений; удержать за собой азиатский тыл—для нее все. По словам того же ген. Сато, если Япония будет обладать источниками пищевых продуктов и военных материалов в Китае и в русских владениях на Д. В., то не будет оснований бояться, что возникнут какие-нибудь затруднения в деле снабжения в военное время. *) Итак, для Японии в случае войны весьма важно опираться на Китай и русский Д. В., в частности на Маньчжурию и Приморье, как на угольные и металлургические базы. Первое она уже имеет, второе еще нет.

Несомненно, что противная сторона будет препятствовать этому, действуя на Китай со стороны Гонконга; русский Д. В., стратегически слабый, может быть поддержан, по мнению военных авторитетов, только с суши, со стороны Забайкалья. В этом и состоит значение русского фактора в тихоокеанском столкновении. „Соед. Штаты могут победить Японию, „говорит ген. Головин,“ только с помощью сильной России, для Японии существование сильной России невыгодно—союз со слабой Россией для нее очень желателен.“**)

Но возможно, что Америка будет действовать здесь и непосредственно; это будет возможно только на русском севере и обусловлено морским характером грядущей войны.

Враждебные действия Америки и Японии друг против друга невозможны на суше, так как оба противника отделены океаном, а его расстояния создают препятствия и для борьбы на море. Уже Наполеон сказал, что сухопутная война—вопрос позиций; а в наше время и морская война стала вопросом баз, на которые может опираться действующий флот.

По словам Добровольского, следующие условия необходимы для морской войны: 1) боевые флоты тесно связываются базами, 2) базы располагаются возможно ближе к театру

---

*) Сато, цит. соч. стр. 125.

**) Головин и Бубнов, *Стратегия американско - японской войны*, Москва, 1925, стр. 74 - 75.

военных действий, 3) для боевого флота невыгодно принимать бой вдали от баз, 4) базы должны быть защищены, снабжены и иметь тылом страну.*)

Стратегия Тихого океана разработана морскими и военными специалистами Байвотером, Ноксом, Головиным, Андогским. Здесь, в этом изложении, нет надобности входить в подробности, поскольку они касаются южного театра, конечно, наиболее важного на Тихом океане. Сущность положения такова: американский флот не может форсировать Цусимского прол. и с трудом блокирует Желтое море из-за отдаленности своих баз (до 5000 м.) от Японских островов; в Азии имеется американский объект для японского нападения, Филиппины, на которые Япония может высадить дессант в первую же неделю войны. Не будучи в состоянии одолеть Японию вооруженной силой, Америка, вероятно, прибегнет к длительной блокаде, в серьезности которой японцы отдают себе отчет.

На северный театр в приведенных рассуждениях обращается мало внимания, между тем здесь есть некоторые обстоятельства, увеличивающие шансы Америки. Во всяком случае северный театр сыграет значительную роль в будущей войне.

Япония обратила внимание и на него. Татарский прол. находится под контролем Японии, русский север не слишком отдален от главных японских баз, а на Сахалине и Курильских о-вах имеются японские опорные пункты.

Зато на севере имеется японский объект для американского нападения, Камчатка, питающая японское население рыбой. При недостатке в Японии риса, ее значение велико и сейчас; при блокаде же оно будет неоценимо, и сомнительно, чтобы захват Филиппин вознаградил Японию за потерю Камчатки. Конечно, и тут встанет вопрос о снабжении нападающего флота: чтобы понять силу этого затруднения, можно сослаться на расчет Байвотера, согласно которому американский флот при 6 месяцах операции около Филиппин должен иметь запас 1.000.000 т. угля и 200.000 т. нефти. Но, во-первых, форсирование русского северного пебережья не потребует такого большого флота,

---

*) Б. И. Доливо-Добровольский, *Тихоокеанская проблема*, Москва, 1924, стр. 206.

как охрана Филиппин. Камчатка представляет объект для нападения на всем протяжении, исключая разве Петропавловск, и дессантная операция тут не труднее, чем любая выгрузка. Во-вторых, русский северо-восток имеет залежи каменного угля, расположенные прямо на поверхности: устройство угольных станций для военного флота тут не трудней, чем для торгового.

При операции около Камчатки тихоокеанские расстояния теряют свою силу; от Японии она отстоит всего на 1100 м., от Америки, правда, дальше, но не настолько, чтобы преимущества японцев были непреодолимы. Никакой флот не в состоянии наблюдать за всем северным побережьем, тогда как небольшой американский дессант, высаженный в нескольких пунктах, может спутать все японское рыболовство. Американская база на Камчатке, сверх всего сказанного, давала бы возможность угрожать японским сообщениям с Сахалином, т. е. затруднила бы снабжение японского флота нефтью.

Возможно, однако, что Америка и здесь ограничится блокадой; но и в этом случае задача японского флота охранять от перерыва камчатский транспорт будет весьма хлопотливой.

Стратегическое значение русского севера нельзя преуменьшать. Какие же удобства он представляет в тактическом отношении?.

IV.

Для ответа на этот вопрос будет полезно заглянуть в камчатское прошлое, в котором есть страница ее славы. Речь идет о нападении англо-французского флота на Петропавловск в 1853 г., когда в связи с крымской кампанией противники решили поразить Россию также на Тихом океане. Петропавловск был здесь тогда русским опорным пунктом: он являлся губернским центром, здесь стояли русские „морские силы", несколько судов береговой службы, и были „батареи", наскоро построенные земляные укрепления. Связь с Россией осуществлялась через Приамурье, которое само находилось в состоянии только что начавшейся колонизации, и Петропавловск был совершенно отре-

зан от России. Казалось, при таких обстоятельствах падение его было предрешено.

Батареи, установленные на высотах, окружающих Авачинскую бухту, могли наносить судам противника чувствительный урон, тогда как те, не зная как следует бухты, были затруднены в маневрировании и не могли использовать артиллерийского огня: какой вред мог он принести городку вроде Петропавловска? Форсирование Авачинской бухты оказалось более трудно, чем расчитывал командир эскадры. Когда, наконец, корабли подошли к Петропавловску и попробовали высадить дессант, он был встречен губительным ружейным огнем. Адм. Завойко, укрепивший, сколько успел, Петропавловск, восполнил недостаток войск организацией дружины из камчадалов; превосходные стрелки, они не отражали нападение, а били неприятеля, наступавшего на Никольскую гору, наверняка, заботясь только „спаривать,“ т. е. укладывать сразу двух противников. Высадка не удалась, англо - французы понесли большие потери и ушли ни с чем.*)

Не желая подвергать Петропавловск риску вторично, правительство перенесло порт в Николаевск н/А. Петропавловск, как опорный пункт на Тихом океане, был признан ненадежным.

Обратимся теперь к нашим дням, когда северу вновь пришлось увидеть войну. В 1921 - 1922 г. он формально подчинялся Приамурскому правительству, представтель которого находился со штатом областного управления в Петропавловске. Авторитет правительства поддерживался вооруженной силой, значительным по численности отрядом, разбросанным в главных пунктах Охотско - Камчатского края и располагавшим средствами передвижения (два корабля). Все это не помешало красным организовать походное управление областью, сформировать партизанские отряды, успешно бороться с противником, прервать сообщение страны с Петропавловском и держать город в страхе перед набегом. Такое положение длилось до самого падения правительства во Владивостоке.

---

*) Оборона Петропавловска описана современником событий Дитмаром, цит. соч. о поездке на Камчатку. Также см. Холодняк. *История крейсера „Аврора.“* Ленинград, 1925.

Пересеченная местность делает Камчатку незаменимым театром партизанской войны: затруднительное передвижение связывает регулярные войска по рукам и ногам.

Сейчас, конечно, военное дело далеко шагнуло за уровень 1854 г., а война на русском севере, разумеется, не будет партизанской. Однако и старый и новый опыт дает возможность установить одно: Камчатка не может быть сухопутным театром войны; занятие главных пунктов на ней не решает вопроса о господстве над всей страной. Но территориальный захват Камчатки американцам и не нужен; достаточно дезорганизовать японское рыболовство.

Небольшой, но подвижный американский флот, блокирующий Охотско - Камчатское побережье, с успехом осуществит эту задачу: он может либо нападать на главные японские рыбалки, особенно в районах Охотска, Большерецка, Усть - Камчатска, и уничтожать их, или захватывать японские пароходы, идущие с рыбой и также уничтожать их. Для успеха операции американский флот должен располагать базой на Алеутской гряде и угольными станциями на русском северо - востоке (Анадырский лиман и бухта Корфа).

Охрана рыбалок потребует гораздо больших японских сил. Ее опорой могут быть крейсера, которые, пользуясь более удобными северными стоянками и разбросанными в разных местах радио - станциями, должны образовать мощную разведывательную систему.*)

Возможно, что японский флот, не ограничиваясь охраной камчатского рыболовства, нападет на американский, чтобы уничтожит угрозу источникам японского питания в корне. Тогда северные воды сделаются местом столкновения двух флотов, вступивших между собой в бой, исход которого окажет величайшее влияние на судьбу русского севера: дело может окончиться не потерей рыбалок, а потерей самой Камчатки—для России.

Произойдет в северных водах большой морской бой, или морская война ограничится крейсерскими операциями, японский флот должен обладать опорным пунктом на самой Камчатке. Авачинская бухта окажется наиболее подходя-

*) Головин и Бубнов, цит, соч. стр. 38 и 41.

щим для такой цели местом. Она достаточно обширна, глубоководна, защищена горами, позволяет выгрузку прямо на берег, по мнению моряков, одна из лучших гаваней в мире. Сверх того, присутствие японского флота в областном центре будет оказывать сдерживающие влияние на население, если бы у него явился соблазн антияпонских выступлений.

Правда, здесь отсутствуют портовые удобства, которые пока еще собираются тут создать. Но японцы обойдутся и без них: сейчас существуют пловучие доки, позволяющие оборудовать верфь очень быстро. Что касается охраны установленных портовых сооружений от американского нападения, то японцы показали себя мастерами и другого рода: они быстро устанавливают самые тяжелые артиллерийские орудия; мирный Петропавловск легко может быть обращен ими в грозную крепость. Если Петропавловск мог сопротивляться с успехом во времена Завойко, то при нынешних условиях он будет неприступен.

V.

Может показаться, что, обсуждая шансы Японии и Америки при их столкновении на русском севере Д. В., мы ведем счет без хозяина. Каково будет при этом значение русской стороны? Советская Россия, как государство, при столкновении на севере, не будет играть никакой роли: не имея там ни войск ни флота, она не сможет ни помешать вовлечению русского Д. В. и Камчатки в сферу военных действий, ни поддержать ту или другую сторону. В ином положении окажется местное население, русское и туземное: волей - неволей оно будет втянуто в войну, хотя бы как страдательная сторона. Такое его положение может иметь важные последствия.

Колониальная история представляет любопытную особенность: большинство колоний рано или поздно отделяются от метрополии; это происходит, когда связь с метрополией налагает путы, задерживаюшие рост производительных сил колонии, а национальное чувство, пробуждающееся в местном населении, противится дальнейшей эксплоатации своей страны. По мнению Леруа - Болье, судьба русских колоний, под каковыми он разумеет Сибирь, будет такова

же, как заморских владений Испании.*) Камчатка представляет еще больше аналогий с этими владениями, чем остальная Сибирь (стоит только припомнить историю Камчатки), за исключением одного: в ней нет местного населения, близкого и к русским и к туземцам, достаточно развитого и самолюбивого, подобно американским креолам, нет класса, который мог бы сделать революцию с отпадением колонии в результате.

Америка усвоила, как отмечает историк колоний Шефер, ряд традиционных приемов захвата чужих территорий, в том виде как это было сделано с испанской Флоридой в 1810 г., мексиканским Техасом в 1845 г., испанскими Филиппинами в 1898 г.; так приобретены протекторат над Кубой и власть над Гавайскими о-вами.**) Так может быть сделано, если понадобится, и с Камчаткой.

Эти примеры относятся однако к территориям, лежащим поблизости от Америки; на севере Тихого океана, где силы ее невелики, она, возможно, не рискнет так действовать. Здесь более реальная опасность со стороны Японии, самой сильной державы на Тихом океане и достаточно близкой к русскому северу. Японская внешняя политика отличается „искренностью", т. е. захватывает чужие территории скорей и проще, чем Америка, и без каких-либо сдерживающих соображений, еще не вполне забытых в Европе. Пример Маньчжурии достаточно свеж, чтобы об этом нужно было говорить. То же может быть сделано на русском севере, только гораздо легче.

Соперничество Японии и Америки на русском севере несколько увеличивает русские шансы в этой стране, сами по себе слабые. Все же считать русское дело на крайнем северо-востоке Азии надежным было бы преждевременно.

Надо однако заметить, что во всех этих предположениях мало приняты во внимание последствия занятия Маньчжурии Японией. Этим существенно меняется положение на Д. В. вообще, на русском севере тоже: шансы

---

*) Paul Leroy-Beaulieu. *De la colonisation chez les peuples modernes*, Paris, 1902, t. II, p. 446—449.

**) Шефер, *История колоний*, Петербург, 1913, стр. 98 (перевод с немецкого).

Японии здесь увеличиваются, Америки—наоборот. Но стратегическое значение русского севера этим не уменьшается.

Сейчас, когда базы на азиатском материке находятся в руках (или под угрозой) Японии, противник будет принужден вести малую морскую войну (по крайности, вначале) при помощи истребителей, миноносцев, подводных лодок, для чего надо иметь сеть опорных пунктов, угольных станций, убежищ для подводных лодок. Северное побережье Тихого океана в этом отношении очень удобно, а с потерей Америкой Филиппин в начале войны—незаменимо для нее.

С другой стороны, если Америка в дальнейшем организует транспорт войск и снаряжения на азиатский материк, путь через русский север будет более безопасным, а может быть, и единственно возможным, при нынешнем положении противника на этом материке.*)

Наконец, если Камчатка, питающая Японию рыбой, является объектом американского нападения, то она же может быть плацдармом для захвата Аляски с ее рессурсами. Таким образом, русский север может быть использован и тем и другим из противников: все зависит, кто захватит здесь инициативу.

---

*) Etherton and Tiltman, *The Pacific: a forecast*, London, 1928, p. 161—174.

VII. Областное управление.

I.

Губернские учреждения, введенные на азиатском северо-востоке под именем Камчатского областного управления в 1909 г. не были тут простыми административными органами; своеобразие страны: преобладание туземного населения, экономическая близость к иностранным государством, Америке и Японии, придали здешней административной организации характер настоящего колониального управления. Его задачи оказались разнообразны, в частности в нем существенное место заняли вопросы торговой политики,—обстоятельство, совершенно понятное при советской системе внешней торговли; но такое же положение было тут и при старом режиме, когда губернаторам по необходимости приходилось брать регулирующие эту торговлю функции. Нынешняя система северного управления принципиально отличается от старой, но многие частности, при том осужденные уже прошлой практикой, совпадают в обоих порядках управления, а потому будет не лишне рассмотреть их сравнительно.

Особенности северного управления были подчеркнуты фактом издания для него особого положения, значительно расширявшего права камчатского губернатора в целом ряде отраслей управления.*)

Предполагалось, очевидно, что губернатор проявит широкую инициативу по культурному устроению вверенного ему края, для чего собственно и вводились тут губернские учреждения. На открывшееся место не нашлось второго Завойко, и после энергичной, но короткой деятельности первого губернатора Перфильева наступило обычное чиновничье управление его преемников.

Губернские учреждения были организованы по широкому типу, без внимания к тем местным особенностям, которые позволяли ввести их в более скромном масштабе. Здесь оказался окружный суд, тщетно искавший дел, кото-

---

*) Сведения об устройстве и состоянии камчатских губернских учреждений за этом период вместе со статистическими данными об этой стране можно найти в „*Отчетах Камчатских губернороват*,“ Петропавловск н/К, 1910 - 1914.

рые были ему подсудны: местное население было слишком мирно и не склонно к большим тяжбам. В Петропавловске, имевшем 1000 с небольшим жителей, существовала жандармская команда в 120 человек, в замен воинской части, которую Россия не имела права тут содержать, согласно Портсмутского договора. А названная тысяча жителей состояла в большинстве из семей чиновников, которых только и можно было встретить на улицах этого губернского города.

Точно также были построены уездные учреждения, полицейские управления с расширенными функциями. Какие-нибудь Командорские о-ва, где жило всего 400 душ, имели уездное управление со штатом, соответственным большому российскому уезду. На уездных начальников возлагались, кроме полицейских функций, здесь наименее нужных, разнообразные задачи хозяйственного и культурного свойства. Как уже сказано, уездным начальникам приходились обучать туземцев сельскому хозяйству; они же выступали в роли исследователей этого малоизвестного края. Подбор их поэтому оказался небычайным с российской точки зрения: тут были и научные работники и доктора. Многие из здешних начальников, действительно, оставили по себе память работой на пользу туземцев, а некоторые способствовали печатными трудами познанию края: таковы Калинников на Чукотке, Гондатти, начавший свою карьеру в Анадыре, в более раннее время Гребницкий на Командорах.

Конечно, дело не обходилось и без администраторов старо-сибирского типа, пользовавшихся своими широкими правами для столь же широких злоупотреблений.

Какие бы порой неразрешимые задачи ни возлагались на уездных начальников и какими бы порой невысокими качествами ни отличались они лично, все же они были принуждены стоять в непосредственной близости к населению, могли знать его свойства и нужды и вели практически полезную работу. Иным характером отличалось петропавловское чиновничество.

На наши окрайны вообще шли на службу не лучшие элементы, в такие же места, как на Камчатку, на которую смотрели, как на ссылку, попадали элементы, отсортированные из общества и исполненные горделивого невежества; не бу-

дучи в состоянии уберечь от духовного упадка самих себя, не более могли они оказать какое-либо благотворное воздействие на туземное население. Запертые в Петропавловске, они толком даже не знали страны, среди которой они жили. Им было, кроме того, нечего делать даже в сфере их чиновничьей деятельности; они подменяли ее кляузами друг на друга, а то просто слежкой за своими семейными отношениями (таковы, напр. были „дела“ местной жандармерии). Между тем содержание обширного губернского штата требовало больших расходов от государственного казначейства.

II.

Насколько справилась эта громоздкая организация с теми своеобразными элементами местной жизни, ради которых она была создана? Северо-восток был по преимуществу „инородческой“ страной, а управление менее всего принимало в внимание интересы этой главной группы населения. Отношение туземцев к государству было одно; они, как и встарь, платили ясак. Сейчас, правда, со стороны власти не было произвола, с которым взимался ясак прежде, не было и чрезмерных требований со стороны государства: ясак составлял 2-2р. 50 к. с души и мог сдаваться пушниной. В конце концов, даже принимая во внимание низкие цены, по которой принималась пушнина (в 5 раз меньше нынешней), все же нельзя сказать, чтобы Камчатка своим ясаком давала российской казне большую сумму.

Если правительство столь упорно держалось принципа ясачного обложения, то оно поступало так не столько из финансовых соображений, сколько из политических: ясак был знаком подданства туземцев; отбросив его, чем могло проявить над ними свою власть государство где-нибудь на Чукотке? Самый ясак не везде можно было взять; российская власть на севере местами была так призрачна, что уездные начальники, напр. Чукотский, должны были, подобно старым завоевателям, „объясачивать“ найденных ими туземцев, т. е. налагать на них обязанность этой подати. И они делали это весьма энергично, что и сообщило ясаку такой ненавистный характер в глазах туземцев.

Еще более тягостны были две повинности, связанные с туземными состоянием: подводная и почтовая.

Уплатив ясак и отбыв повинности, туземец был свободен от всякого вмешательства государства в его жизнь. Управление туземцев было организовано по родовым единицам, созданным все с той же целью исправного поступления ясака.

Во главе родов были поставлены старшины, потомки племенной знати, тойонов, где таковые были; в других случаях старшинами ставились более зажиточные и более надежные туземцы. Все дела, относившиеся к адмистративно-хозяйственному укладу, решались в пределах такой организации без всякого участия русских властей. Точно также на туземцев не распространялись русские уголовные законы и судебные порядки.

Независимость туземцев от русского права была настолько велика, что они не привлекались к ответственности за случаи кровавой мести и убийство престарелых родителей. Русским властям приходилось считаться с психологией туземцев, к которыми оказывалась совершенно неприложимой мерка русского человека со средними моральными качествами. Туземцы были также изъяты от действия гражданских законов, но в ином смысле: их гражданская правоспособность была значительно ограничена, чтобы предохранить их от невыгодных сделок. Словом, по отношению к кочующей группе северо-восточного населения в XX ст. проводился тот же принцип, что и в XVII ст: „инородцев своими расправой и судом не ведать".

Больше сказалось русское влияние на оседлой группе туземного населения (главным образом в Петропавловском у.), организованного в селькие общества, состоявшие из нескольких селений и управлявшиеся старшинами и старостами. Как и у кочующих, неустойчивые поселения оседлых камчадалов были сцементированы формой русской сельской общины с полицейской властью в лице старосты. Этими должностным лицам и приходилось выносить на себе всю тяжесть требований со стороны русской администрации, как в существенном, напр. при выполнении повинностей, так и в мелочах, напр. в благоустрой-

стве, которое насаждалось на севере по приказу и никак не осмысливалось туземцами.

Более прочную форму получила организация северо-восточных туземцев лишь в одной их группе, у охотских якутов, племени энергичного, ловкого и склонного к торговой деятельности. Для них рамки сельского общества, как они были установлены на Камчатке, были узки; для них, как и для других более развитых сибирских туземцев,. было учреждено выборное управление, инородные управы Эти управы близко стояли к населению и были бы хорошим органом управления, не будь они переобременены множеством дел, вытекавших из опеки, которую они чрезмерно широко осуществляли над подчиненным им населением.

Таким образом, проблема туземного управления на северо-востоке была решена просто: туземцы, исключая случай, где был затронут фискальный интерес правительства, были предоставлены самим себе, что, собственно, было не плохо, принимая во внимание качества местных администраторов.

III.

Другой проблемой, над которой билась северная администрация, была иностранная торговля. Камчатскому губернатору были предоставлены широкие права по надзору за торговлей, как внутренней, так и внешней. Первая носила обычные черты северной торговли, злостно эксплоатировала население и необходимо должна бмла подвергнуться регулированию уже в те времена, когда никто не думал о борьбе с частным капиталом. Издаются постановления, карающие покупку пушнины на спирт, ограничивающие длительность развозного торга, воспрещающие коммерсантам посещение туземных стойбищ. По инициативе властей устраиваются ярмарки, где торговля производится под наблюдением, открываются казенные склады, откуда туземцы могли получать по дешевой цене необходимейшие припасы, как порох, дробь, свинец.

Много ли, мало ли сделали обязательные постановления в деле регулирования северной торговли, во всяком случаи местные торговцы были принуждены считаться с

наличностью губернской власти, стремившейся обуздать их. Иное соотношению сил было между властью и иностранной, обычно морской торговлей. Азиатский северо-восток был страной безпошлинной торговли: Камчатка была областью порто-франко, и действительно, было бы странно говорить о таможенных барьерах в стране, имеющей более 10.000 миль морской границы; каких сил и средств стоила бы охрана последней?

Тем не менее, некоторые ограничения были неизбежны: не могло же государство отдать свою территорию на поток и разграбление иностранцам, хотя бы и не имея достаточно сил для охраны ее неприкосновенности.

Предоставив японцам право рыболовства на Камчатке, русское правительство однако не имело в виду обращать рыболовных участков в торговые предприятия, продающие спирт и скупающие пушнину; но этим занимались все рыбалки, и местные власти были физически не в состоянии за этим усмотреть, не только помешать.

Приходилось, след. мириться с незаконной торговлей по всему Охотско-Камчатскому побережью. Еще хуже было положение на Чукотско-Анадырском побережьи, где американские шхуны не считали нужным выбирать даже торговых документов, обязательных для русских граждан; американцы не только торговали с чукчами, энергично их эксплоатируя, но и лишали русскую казну тех выгод, которые она должна была получать от местной торговли. Если японская торговля велась под призрачным покровом законности, то американская была нелегальной совершенно, и местные власти не могли с ней не бороться: деятельность уездной администрации на крайнем севере изобиловала драматическими эпизодами столкновений с хищниками, преследования и захвата их. Но захватывались немногие, и в единичных случаях дело доходило до суда над виновным: судебное преследование иностранцев встречало целый ряд препятствий, и русским властям приходилось остерегаться, чтобы самим не попасть в положение виновных в дипломатическом конфликте. К тому же средства охраны, находившиеся в распоряжении северной администрации, ограничивались всего одной газолиновой шхуной, след. были ничтожны.

Некоторые промыслы на севере требовали особой охраны по государственным соображениям. Таков был промысел котика в определенной зоне русских вод, но никакая охрана не обезпечила его от совершенного уничтожения. Требовал охраны золотой промысел, занятия которым было воспрещено в стоверстной береговой полосе Тихого океана. Запрет имел в виду хищника - иностранца: иностранец сюда однако не пошел, так как для него была возможность успешно работать на американском берегу; зато русский рабочий, который мог бы принести пользу краю своими открытиями, преследовался, как „хищник" и выдворялся отсюда. Запрет не только предохранил горные богатства русского северо - востока от расхищения, но и затормозил надолго развитие тут золотопромышленности, т. е. пошел дальше своей цели.

К чему же свелась борьба с проникновением иностранцев в торгово-промышленную жизнь на российском северо-востоке? От нее осталось множество предписаний, никогда не выполнявшихся, воспоминания об ярких моментах схваток русских властей с иностранцами - хищниками и преследования порой очень полезных и предприимчивых людей. И в этом отношении управление было не в состоянии справиться с местными особенностями.

IV.

Ознакомившись с общей деятельностью камчатской администрации в сфере северных колониальных интересов, остановимся несколько на областных учреждениях, которые в особенности должны были отражать на себе своеобразие местной жизни. Такими учреждениями прежде всего были школа и хронологически ей предшествующая церковь, предназначенные к проведению в туземную среду новой культуры, христианской вообще и русской в частности. В рассматриваемый период православная пропаганда на северо - востоке вновь, после долгого перерыва, оживилась, направившись теперь в более глухую тундру, в Гижигинский и Анадырский уезды. Их обитатели, коряки, до сих пор не были затронуты православной миссией. Миссионерская деятельность среди коряков, связанная с именем иеромонаха Нестора, развивалась, имея центром б. Корфа, где, кроме до-

вольно обычной на севере, даже в таких отдаленных местах, церкви, были построены туземная школа, интернат для дальних учеников и больница. Обращение в православие имело для новокрещеных ряд последствий: обучение в школе грамоте и ремеслам, оказание благотворительной помощи в случае бедствий, предоставление защиты от произвола властей; число новообращенных оказалось значительно.

Количественный успех сам по себе таил опасность неудачи; ее шансы еще больше возрастали в виду того, что все дело держалось энергией одного человека, с уходом которого оно и заглохло. Быстро произошел рецидив язычества, а культурные учреждения, сгруппированные около миссии, пришли в упадок на столько, что и самые здания этих учреждений, одни из лучших на Камчатке, остались пустыми.

Другим важным в церковной жизни фактом было установление в Петропавловске епископской кафедры; этим вводилось единство в церковные учреждения северо-востока и открывался путь для более широкой религиозной пропаганды через местных священников, число которых при этом возрасло. Первым епископом был тот же Нестор; после его отъезда кафедра надолго опустела, и камчатское епископство осталось кратковременным эпизодом в жизни здешней церкви. Священники, среди которых было много людей невысокого морального уровня (как и вообще среди лиц, отваживавшихся служить на далекой окрайне), а также людей, совершенно невежественных (это были священники из числа местных жителей), не могли оказать на население никакого культурного влияния и даже были не состоянии распространять религиозного просвещения, к чему они были призваны по обязанности. Они быстро откинули стеснявшие их правила, и некоторые из них сравнялись в деле эксплоатации туземцев с худшими из местных торговцев.

Священники принадлежали однако к числу немногих грамотных людей, живших на севере вне городских поселений: на них и пала задача по поддержанию местной школы, которая осталась, как и прежде, церковной, по традиционным целям обучения и воспитания.*)

---

*) О прошлом и настоящем северной школы см. Н. Цинчик, *Просвещение на Камчатке в связи с главными историческими эпохами*, Владивосток, 1914 и Н. Автономов, *Камчатская школа*, Вестник Азии, 48, 1922, Харбин, стр. 93-105.

Министерство народного просвещения пыталось открыть тут и чисто светские школы, и действительно, создало их четыре, прекрасно их оборудовав; единственно, что было упущено из виду—школы были учреждены в таких местах, где население сначала нужно было приобщить к русской культуре (чукчи), а затем уже учить на русский лад; и в результате эти школы остались пустующими.

Независимо от того, чья была школа, церковная или министерская, она, конечно, могла бы сделаться проводником культурного воздействия на туземцев, будь она поставлена сколько-нибудь правильно. Между тем ее влияние оказалось совершенно ничтожно.

На всем северо-востоке Азии не было ни одной средней школы: только в Петропавловске было высшее начальное училище, крайний предел образования, которого мог достигнуть туземец, бывший, очевидно, не в состоянии отправляться для этой цели на материк. Число низших школ для такого населения, как камчатское, было, пожалуй, достаточно, более 40. Но надо представлять себе, чем был этот очаг просвещения, чтобы оценить значение этой цыфры.

Обыкновенно в жалкой лачуге, порой в юрте, северная школа сохранялась от естественного запустения, за ветхостью и холодом, только стараниями населения, которое, надо отдать ему справедливость, даже в революционный период, никем к тому не понуждаемое, заботилось о школах, видимо, инстинктивно чувствуя значение их, как источника света.

Свет этот был не высокого качества. Без учебных пособий, в лучшем случае с учебниками синодского издания, предназначенными для православных детей Европейской России, эта школа учила туземных детей далекого севера и достигла путем упорного труда учителей, нещадного битья учеников, по истине, потом и кровью, поразительных результатов: дети туземцев, не говорившие ни слова по русски, читали и запоминали длиннейшие тексты по славянски. Но увы: через пять лет обучения они знали по русски столько же, сколько при поступлении в школу, т. е. ни полслова. В зрелом возрасте они, разумеется, позабывали и то, что выучили, т. е. чтение и письмо. Можно только

спросить, зачем и кому такая школа была нужна. О нравственном воспитании, которое могла дать школа, хотя бы безнадежно хромавшая по учебной части, говорить тоже не приходится: о подборе педагогов только что сказано, а это здесь еще лучшие элементы.

Пожалуй, более надежными, чем школа, проводниками русской культуры были старшины и старосты из туземцев, которые, имея дело с русским начальством, усваивали русскую речь, порой сами научались грамоте и хотя в малой мере, но передавали кое-какие полезные навыки своим соплеменникам. На крайнем севере, где русская власть не вела никакой культурной работы, ей пришли на помощь с неожиданной стороны: американские торговцы, китобои, золотоискатели занялись обработкой береговых чукчей на свой лад, и скоро добились, что английский язык здесь оказался более распространенным, чем русский.

V.

Как ни мало получало духовной пищи туземное население от русской власти, однако еще меньше оно получило заботы телесной: помощи при болезнях и бедствиях. Медицинская помощь ограничивалась учреждением в Петропавлавске больницы на 5 коек, да должностей 2 врачей; в уездах врачей большей частью не было, хотя такие должности полагались по штату. Забота о здоровьи всего населения была вверена десятку фельдшеров, размещенных преимущественно в Петропавловском у. И тут сказалось бюрократическое отношение к делу: не было ни врачей ни фельдшеров, зато существовал областной медицинский инспектор, должность чисто чиновничья.

При такой санитарной организации не удивительно, что туземцы ценили лечебное искусство своих шаманов не только по религиозной привычке, но и по практическим потребностям. Не удивительно и то, что целый ряд болезней, более или менее успешно предотвращаемых в нормальных условиях, сделался почти эндемическим на северо-востоке: таковы дифтерит и оспа, постоянно тут находящие жертв, а

иногда причиняющие настоящие опустошения среди населения.*)

Болезни на Камчатке не переводятся и, несомненно, за их счет в значительной мере надо поставить слабость прироста населения. Временами же над ним разражаются настоящие бедствия, прямо угрожающие его существованию: это—„рыбные голодовки.“ Правительство пыталось прити на помощь пострадавшему населению двояким способом: I/снабжением его продовольственными припасами из казенных складов, обычно мукой и крупой, в размерах, далеко не соответствующих истинной потребности; 2) образованием инородческого капитала, полученного путем отчислений из общественных средств и заключавшегося в сумме около 60.000 руб.

Правительственная помощь не разрешила бы продовольственных затруднений, если бы население не могло пользоваться благотворительностью, исходящей из его собственной среды. Пострадавшее население снабжалось оленьим мясом со стороны богатых оленеводов; эта помощь принимала необыкновенно широкие размеры, охватывая целые волости и продолжаясь месяцами; она была возможна только при колоссальных размерах туземного оленеводства.

VI.

Северное управление должно было встретиться еще с одной местной особенностью, которую оно разрешило не лучше, чем предыдущие затруднения. Камчатка не составляла естественного продолжения российских владений на материке Азии: это заморская страна, географически более близкая к Америке или Японии, чем к Сибири. Приходилось подумать об охране этой отрезанной от России территории от иностранных посягательств, которые могли быть произведены не в виде мирного завоевания, но вооруженной рукой, примеры чего случались: более ранний, в кампанию 1854—1855 г., когда Петропавловск подвергся нападению англо-французов, и более поздний, во время русско-японской войны, когда в нескольких местах камчат-

---

*) Кириллов, Н. В. *Санитарная обстановка и болезни полярных стран, преимущественно северо-востока Азии.* Вестник общества гигиены, судебной и практической медицины, 1908.

ского побережья были сделаны попытки высадки японцев с торговых пароходов.

Конечно, защита от военного нападения была делом, не входившим в компетенцию областной администрации; но отрезанность от материка имела последствием, что именно местной власти в обоих случаях пришлось думать об обороне страны. Это должно было еще больше сказаться в дальнейшем (в случае войны, понятно), так как по Портсмутскому миру Россия потеряла права содержать на Камчатке воинскую часть. Способ разрешения вопроса был подсказан тем участием, которое было проявлено оба раза местным населением в обороне родины: создали особую, подобную воинской, организацию, камчатское казачество.

Оно ведет свое начало частью из Якутска, частью от расквартированного когда - то на Камчатке батальона. Служба местных казаков—обычного типа для этого рода войск, т. е. бессрочная и потомственная. Казаков и их семей на Камчатском пол. считалось около 700 д. обоего пола, на Охотском побережьи около 400. Расквартированы они в Петропавловске, Тигиле—Усть - Камчатске, Охотске и Гижиге. Правовое их положение таково: они несут военную службу в соответственном случае, а в мирное время исполняют полицейские обязанности, за что получают довольствие от казны натурой $1\frac{1}{2}$ п. муки и 10 ф. крупы и деньгами 12 р. 40 к. жалованья, 5р. 50к. квартирных, 6 р.58 к. аммуничных и 40 р. приварочных в год.

Служба местного казачества не удовлетворяла ни их самих ни властей. Казаки тяготились множеством обязанностей, которые они должны были нести, как - то: караульную службу, обязанности сторожей при уездных управлениях, разъездную службу с пакетами от начальства и разные мелкие полицейские обязанности. Они были такими же хозяевами, как и прочие жители, и необходимость отрывать рвемя для полицейской службы наносила ущерб их хозяйству, мало вознаграждавшийся получаемым пайком.

Если с грехом пополам они справлялись с этими обязанностями, то как военная сила, не имели никакого значения: ленивые, несмелые, мало подвижные, без всякой воинской выправки, они ничем, кроме фуражки с красным околы-

шем, не, напоминали образа, который соединяется со словом „казак.“

Таким образом, правительство по традиции поддерживало организацию, для него не нужную, а для ней самой обременительную. При такой охране, создавалась только ее вредная видимость.

VII.

Революционный период 1917—1922 г. связан на азиатском северо-востоке с разнообразными попытками перестроить Камчатское областное управление в большем соответствии с местными особенностями, на основе иных, чем прежде, принципов: от губернаторского всевластия был сделан шаг к широчайшему самоуправлению.*) Эти попытки исходили, как из самого местного общества, выявлявшего свои желания на областных съездах, так и от прежних органов управления, пришедших в совершенный упадок и принужденных ради самосохранения заботиться об упорядочении состояния страны. Отражались, конечно, и те веяния, которые доносились с материка, обычно с запозданием и искажением. Революционный период не создал здесь ничего устойчивого; помимо причин общего характера, как смена правительств на Д. В., развитие новых организационных форм тормозилось трудностью поставленной перед страной задачи: создать областное самоуправление на почве, совершенно не знавшей выборных учреждений, хотя бы земских. Тем не менее тут стала проявляться тенденция к созданию некоторого, хотя и несовершенного типа самоуправления и начала слагаться некоторая идеология в духе партикуляризма.

Органами самоуправления тут сделались сельские и волостные комитеты, заменившие прежних старост и старшин, по привычке, впрочем, выбиравшихся и в новые учреждения. Эти учреждения толково справились со своими задачами и подошли к удовлетворительному разрешению вопроса

---

*) Конструкция областной власти и план административно-хозяйственного устройства севера изложены в „*Протоколах первого Камчатского областного съезда*“, Петропавловск н/К, 1917. Отдельные мероприятия в связи с историей этого периода изложены у А. А. Пурина, *В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае*, Вольная Сибирь, II и III, Прага, 1927 - 1928.

о волостном бюджете. Хуже было дело с уездными учреждениями, по форме организованными в те же комитеты, но фактически сохранившими порядок уездных управлений с выборными членами вместо прежних исправников. Выборные лица, большей частью из младших служащих старой администрации, смотрели на себя, как на чиновников и были преимущественно озабочены получением жалованья из казны, поскольку в их распоряжении оказывались эти деньги; поскольку же этого не было, уездные комитеты теряли всякое влияние на свою территорию и ограничивались ролью органов самоуправления в поселковых пунктах, где они были, т. е. являлись фактически волостными комитетами.

Отсутствие авторитетных органов самоуправления в особенности чувствовалось в областном центре северо-востока. Всем распоряжались прежние бюрократические учреждения Петропавловска, даже со старым составом исполнителей: исчез только губернатор, заменившийся областным комитетом, председатель котораго и пытался принять на себя функции этого чиновника; члены комитета, особенно из нечиновной среды, были простыми фигурантами.

Формально областной комитет считал себя связанным решениями областного съезда, где он и выбирался; фактически постановления съездов оставались мертвыми пожеланиями, от которых порой буквально не оставалось следов. Съезды собирались ежегодно (за все время камчатского самоуправления четыре раза), в промежутке между ними областной комитет был предоставлен самому себе. Не имея никакой опоры в населении, этот комитет бесславно сходил со сцены, как скоро краевое правительство утверждало его председателя в должности своего комиссара, уполномоченного и т. под. Управление севером в революционное время, след., почти целиком покоилось на бюрократических началах с внешним соблюдением форм выборности. Понятно, почему подобное учреждение за все это время не позаботилось об изыскании средств на существование: оно смело требовало дотации из государственного казначейства, под каковым здесь понималось владивостокское, и попадало в самое безвыходное положение, когда Владивосток в этой помощи отказывал.

Фактическое бессилие наладить местное самоуправле-

ние не мешало некоторым группам общества, в частности якутской в Охотске и камчадальской в Петропавловске, проявлять порядочную заносчивость. Это было время возрождения ненависти к русским, всяческих разговоров, правда, безплодных о выселении русских из Камчатки, беготни в японское консульство и заигрыванья с японцами. Перевороты, которые тут осуществлялись с помощью местного населения, шли под знаменем не только борьбы с левыми элементами, но и защиты севера вообще.

Оппозиционное настроение по отношению к русской национальности не мешало камчатским патриотам пока что требовать от русской казны и снабжения страны товарами, без чего ей грозил голод, и содержания административных и культурных учреждений, без чего им предстояло закрытие. В такой наивной форме: требование прав чуть не на отделение от России без принятия каких - либо обязанностей, понималось многими камчадалами движение, ставшее тут известным под именем „камчатской автономии".

Подобные настроения наносили ущерб русскому имени, и революционный период проявился здесь в упадке русского авторитета. Особенно это сказалось на Чукотско-Анадырской окрайне, где американские доброхоты распространяли слух, что этот край уступлен американцам; оголение его от русской администрации, дошедшее до того, что на всем Чукотском пол. одно время остались из русских только один учитель и один фельдшер, способствовало укреплению среди туземцев мнения, что русские, действительно, отказались от этого края.

VIII.

Еще более неудачна была деятельность нового областного управления в сфере торговой политики на северо - востоке. Признавалось нужным выступать на защиту туземцев против злоупотреблений северной торговли, и в зависимости от радикализма стоявшей у кормила управления группы этот вопрос решался более или менее широко: от воспрещения торговцам въезда в стойбища кочующих до закрытия развозного торга, иначе говоря, прекращения частной торговли вовсе. Эти меры либо не выполнялись

слишком строго, либо от них приходилось отказываться самой власти. Коммерсанты были очень влиятельной группой в местном населении, многие делегаты областных съездов были причастны к торговле, и торгующие могли прямо или косвенно нажимать на властей, чтобы добиться отмены этих мер, непопулярных и среди самого населения.

Тем более безпомощной была власть по отношению к иностранцам, прямо нахлынувшим на север: в это время в таком малом городе, как Петропавловск, кроме старой китайской фирмы, появились японская и американская, торговавшие пушниной, при чем это не были мелкие торгаши, но предприятия, раскинувшие свои отделения по отдаленным районам края и субсидировавшиеся порой миллионными капиталами. Расширили вновь свою работу американские китобои, начавшие смело охотиться в русских территориальных водах Берингова моря и Ледовитого океана; но особенно велик был наплыв на Чукотку мелких американских шхун, не боявшихся пускаться в опасное плаванье до самой Колымы. Опасности, с которыми им надо было считаться, могли исходить от природы, но не от русских властей, к которым они относились с полнейшим пренебрежением. В это время Чукотка не только посещалась десятками торговых шхун, но иногда тут появлялись суда настоящих авантюристов, не останавливавшихся перед прямым грабежом жителей. Власти были бессильны что-либо предпринять и довольствовались уже тем, что заключали договоры, не предусмотренные никаким законом, с более крупными из иностранных предприятий, чтобы извлечь для страны хоть некоторую толику из их барышей. Нельзя сказать, чтобы власть не заботилась о насаждении торговли на севере в новых формах; по замыслу, должна была создаться русская торговля, в противовес иноземной, основанная на кооперации населения, в противность хищничеству торговцев; фактически получилась благотворительность за счет центра и новые бюрократические организации.

„Снабжение" области в течение 1918—1919 г. состояло в том, что после долгих выпрашиваний владивостокские продовольственные учреждения отправляли летом на Камчатку запасы товаров на зиму. Так как деньги падали в

цене, а казенные цены на пушнину оставались неизменными, то население устроилось с удобством, продавая пушнину частным торговцам и покупая товар в казенных складах за бесценок, в результате чего продовольственные органы оставались к концу операции ни с чем.

Торговля запутывалась еще больше из-за вмешательства в нее областной власти, То, что раз попало на север, считалось если не прямо областной собственностью, то во всяком случае безвозвратной ссудой, которой местная власть могла распорядиться по усмотрению. И вот во мгновение ока край, где даже не слышали слова „кооперация“, покрывался сетью волостных и сельских кооперативов, которым передавались уцелевшие еще казенные товары. Кооперативы быстро поразбросали отпущенные им товары, не смущаясь ни малой кредитоспособностью своих клиентов, когда товар отпускался в долг, ни обесценением денег, когда за товар платились номинально за него причитающиеся деньги, фактически гроши.

Вся эта деятельность направлялась „Союзом камчатских кооперативов“, организацией совершенно призрачной, не имевшей ни товаров для продажи ни средств для их распространения. Сидя в областном центре, эта организация могла однако накладывать свою руку на производившееся через Петропавловск снабжение и отрывать от него некоторую долю, исключительно для собственного содержания.

В таком виде существовала камчатская кооперация в течение 2 лет (1920—1921); она была уничтожена простым фактом: израсходованием остатка ценностей, у нее находившихся. Когда, наконец, попробовали свести отчетность этой кооперации, то не нашлось ни одного кооператива, у которого оказалось бы что-либо, кроме долгов. Это дело в целом не имело опоры ни в кооперативной идее ни даже в потребностях населения, и было неприкрытым расхищением государственного достояния.

IX.

После короткого промежутка (1922 г.), когда управление на северо-востоке совершенно расстроилось из-за гражданской войны, поделившей край на область, в которой сидели красные, и центры, занятые белыми, местное

управление вновь начинает принимать устойчивую форму губернских учреждений в том виде, как они существовали на всей территории Д. В. в первое время после советизации края. Назначенные сверху революционные комитеты (губернский, уездные, волостные) удержались тут вплоть до устроения Д. В. на началах окружного районирования. Камчатский губернский комитет был низведен при этом до степени окружного, а взамен уездов и волостей было введено 8 районов с соответственными органами.*)

Новое управление края, сравнительно с прошлым, внесло существенную перемену в местные учреждения первичного характера: сельские и волостные.

Еще в революционный период собственно стало слагаться это местное управление, и его новая организация закрепила возникшую традицию. Наоборот, губернское управление, хотя и в новом платье, осталось старым и по устройству учреждений и по бюрократическому духу. Познакомимся сначала однако с разделением подчиненной новому управлению территории.

Прежняя территория губернии уменьшена до 869. 981 кв. в. за счет Охотского побережья, которое под именем Охотского и Ольского районов отошло к Николаевскому н/А округу. Таким образом Камчатский округ граничит теперь с Николаевским н/А о. и с Якутской республикой по р. р. Вилиге и Чауну, а между ними по Колымскому хребту. За выделением Охотского побережья, количество населения округа уменьшилось до 30. 600 ч.

Отделение Охотска порывает столетнюю традицию, по которой Охотск был неизменно связан с Камчаткой, даже господствовал над ней. История Охотска обнаружила непригодность его и для устройства порта и для управления краем; когда же управление было перенесено в Петропавловск, оказалось невозможным поддерживать с Охотском связь. Экономическое тяготение Охотска к материку несомненно: ближайшее будущее Охотска в золотопромышленности, что связывает его золотоносными районами Восточ-

*) Новое административное деление, положение об управлении Камчатским округом, положение об управлении туземцев Д. В. и основные статистические данные о населении и промыслах северо-востока приведены в цит. издании „*Материалы по районированию Д. В.*" т. II, Хабаровск, 1925, стр. 55, 63, 67.

ной Сибири, да и по составу населения (якуты и тунгусы) он отличается от палеазиатской Камчатки. Что же касается удобств управления, то оно неменее затруднительно из Николаевска, чем из Петропавловска.

Другое территориальное изменение на северо-востоке была замена прежних волостей более крупными районными соединениями. Оно в сущности не тронуло прежних уездов, сохранив три северные, и коснулось лишь Петропавловского у.; новых районов 8: Чукотский, Анадырский, Пенжинский, Карагинский, Усть-Камчатский, Тигильский, Большерецкий, Петропавловский.

Северные районы по прежнему остались целыми странами, до 260.000 кв. в площадью; Петропавловские районы приобрели более компактные размеры: наименьший имеет площадь в 44.000 кв. в. Население районов колеблется между 2000 (юг) и 6000 (север). На севере преобладают кочующие, и число населенных пунктов там ничтожно (наименьшее 14); в Петропавловских районах оно больше, доходя до 96. Общее число населенных пунктов по округу—239, из них 108 представляют собой селения оседлых жителей. Из 30.000 ч. населения, 25.000 приходится на туземное, остальное на русское; 1200 ч. последнего составляют городское население Петропавловска.

„Положение об управлении Д. В. краем" оказалось невозможным распространить на Камчатку, как и на Сахалин полностью; основанием для этого были признаны здешние громадные расстояния, затрудняющие созыв съездов, особенно окружного, и неподготовленность населения к самоуправлению. Камчатский окр. управляется на основании особого положения, согласно которому выборные органы, исполнительные комитеты, заменены назначенными сверху; там же, где по упомянутым причинам затруднительно и образование последних, районная власть сосредоточивается в руках уполномоченного.

Выборное начало осуществлено только в сельских органая, советах, и то с большими отступлениями от принятой для Д. В. края нормы представительства. Совет образуется при числе жителей не менее 50; селения, имеющие жителей меньше, выбирают обший совет; норма выборов—1 делегат на 15 жителей. Права и обязанности советов опре-

деляются общероссийским положением об этих органах управления (1925 г.)

Недоверчивое отношение к общественной подготовке северного населения пошло весьма далеко; если опыт губернского самоуправления тут оказался неудачным, то близкие к населении органы, волостные комитеты, стали тут привычными и удовлетворительно справляются с административно - хозяйственными делами волости; у них даже сложилась практика межволостных совещаний и съездов одного района, так что и работа районных органов, по существу компетенции тех же волостных, не будет непосильной для выборных от населения.

Техническая сторона новых органов вызывает гораздо больше сомнений, чем принципиальная. В штатах камчатского управления полностью, и даже в расширенном виде, воспроизведены образцы прежней бюрократической организации. Создан аппарат громоздкий, дорогой (служба на этой окраине оплачивается по высшей ставке) и главное ненужный при преобладающем туземном населении, для которого вводится самостоятельное управление. Видимо, сказалось традиционное творчество петропавловского чиновничества, заинтересованного в сохранении своего положения; этот бюрократический рассадник, к тому же укомплектованный невысокого сорта элементом, старым и новым, несомненно, безполезен.

Поясним сказанное некоторыми цыфрами, определяющими состав отделов окружного комитета.

Президиум, Секретариат	26 ч.
Администр. отд.	38
Финансов. отд.	36
Местн. хозяйство	?

Эти органы преимущественно обслуживают 5000 ч. русского населения в Камчатском округе, а зимой фактически 1200 ч. петропавловских жителей, т. е. самих себя. Есть здесь и настоящие нонсенсы, как земельное управление с 10 лицами при полном отсутствии земледелия, и отдел местного хозяйства, перед которым стал втупик сам

составитель штатов, ибо местное хозяйство Петропавловска близко к нулю.

Так же тяжеловесно построены районные комитеты, штат которых определен в 16 ч. Прежние уездные управления, ведавшие территорией, много большей нынешних районов, состояли из 6 ч., и это оказывалось превышающим действительные потребности. Любопытно, что среди многочисленных чиновников районного управления не нашлось места специальному лицу, заведывающему культурно-просветительной работой.

X.

Сравнительно с общим управлением, вопрос о туземном управлении разрешен на северо-востоке несравненно лучше. Правительство принципиально признало отличие быта туземцев от русской жизни; туземное управление определяется „Временным положением об управлении туземцев Д. В.“

Положение сохраняет традиционное родовое деление, вверяя власть в родах выборным родовым комитетам, роды данного района объединяются также выборным районным комитетом, действующии под наблюдением районного уполномоченного. Введение районных комитетов для управления туземцами—несомненный шаг вперед в этом деле: туземное управление, до сих пор разрозненное и стоявшее вне общей системы, объединяется и получает руководство. Положением предусмотрено даже участие туземцев в краевом съезде этого населения, и лишь отсутствие сообщения с Камчаткой помешало местным жителям принять участие в первом туземном съезде Д. В. в 1925 г.

Права, которыми наделены туземцы, естественно предполагают по меньшей мере равноправие русских, тогда как выборность в районных комитетах, объединяющих русское население, отсутствует. Впервые, наконец, за все время русского управления на северо-востоке поднят во всем объеме вопрос об отношении к туземцам; правительство озабочено не только их управлением, но и задалось мыслью, что же с ними делать: успокоиться ли на признании их самобытности, охраняя их жизнь от болезненной

ломки, или попытаться поднять их культуру, опять таки учитывая, что и как может быть ими воспринято извне. „Комитет содействия народностям северных окраин“ в Москве, при центральном правительстве, не ограничиваясь пассивной ролью защитника, вошел в связь с туземцами, в том числе и обитающими на Д. В., для чего учрежден соответственный комитет в Хабаровске, при краевом управлении.

Важнейшее мероприятие, им запроектированноеор—ганизация „культурных баз“ в центрах туземного обитания.*) Их задачи очени широки: на культурные базы возлагается снабжение туземцев товарами, насаждение среди них охотничьей кооперации и развитие простых ремесленных навыков; через них проводятся комбинированные мероприятия Северного комитета и Ведомства земледелия по охране и развитию туземного оленеводства; при культурных базах учреждаются школы, где, кроме обучения туземных детей, некоторому их числу дается воспитание в интернате; и в этих же школах могут заниматься взрослые, усваивая, как общие знания, так и ремесленные навыки; со школой соединяется медицинский пункт, располагающий небольшой больницей или амбулаторией; культурные базы должны, наконец, оказывать защиту туземцам против умышленных или неумышленных притеснений администрации, предусмотрительность в советских условиях нелишняя.

Культурные базы по своей идее напоминают нынешнюю туземную организацию в Канаде, где подобные учреждения работают с большим успехом. Они ни в какой мере не должны быть новыми чиновничьими учреждениями, предполагается даже некоторый антагонизм между теми и другими. Но не в этом дело: в такой для севера новой и разнообразной работе полный успех возможен лишь тогда, когда она найдет самоотверженных исполнителей, с хорошей подготовкой.

На северо - востоке предположены две базы для чукчей и коряков, главных здесь туземных народностей; первая устроена в Уэллене, около м. Дежнева, а вторая в Тиличиках, близ б. Корфа. Сфера и центр действия обеих баз выбраны совершенно правильно; они будут работать среди

---

*) Об организации „культурных баз“ см. протоколы расширенного пленумо Северного Комитета 11—12 мая 1925 г., Северная Азия, кн. I—II, Москва, 1925, стр. 104—107. — А. К. Львов, *Культурные базы на севере*. Там же, кн. III, Москва, 1926, стр. 28 - 37.

туземцев многочисленных, целостных и здоровых, а пункты баз —места прежних наилучше оборудованных школ; Корфовская база прямо будет работать на почве аналогичного учреждения, созданного коряцкой православной миссией.

XI.

Весьма любопытно посмотреть, как справился новый порядок на севере с тем, что составляло камень преткновения для камчатского самоуправления в революционный период: с финансовым вопросом. Он разрешен созданием камчатского бюджета, который, согласно проекта Д. В. краевой власти, оказался таков.*)

Доходы.

Сельское хозяйство	1.6254 р.
Коммунальн. имущество	35.000
Разные предприятия	10.500
Отчисление от государств. доходов	532.514
Отчисление от государств. налогов	116.204
Надбавки к государств. налогам	190.887
Местные налоги	22 908
Пособие из фонда регулирования	40.000
Пособие из общегосуд. средств	60.000
Всего	1.022.628

Расходы.

Администрация	338.296
Охрана порядка	102.297
Юстиция	24.664
Народное образование	231.885
Здравоохранение	154.447
Социальн. обезпечение	2.790
Коммунальн. предприятия	50.000
Коммунальн. хозяйство	21.244
Казармы	7.000
Сельское хозяйство	41.135
Отчисление в фонд регулиров	40.000
Задолженность	8.880
Всего	1.022.628

---

*) *„Материалы по районированию Д. В.,“ т. II.*

Этот стройный с внешней стороны бюджет отличается тем достоинством, что он разрешил, наконец, вопрос о праве северо-восточной окрайны на использование в ее интересах доли доходов, поступающих в государственную казну от эксплоатации местных угодий, преимущественно рыболовных; он ассигновал далее достаточную сумму на медицинские нужды края и значительную сумму на школьное дело.

Недостатком бюджета является большая сумма непроизводительных расходов (свыше 400.000 руб), вызываемых содержаниемне непомерной администрации, и включение в бюджет нескольких фикций, как сельское хозяйство, местные налоги и т. под.

Но основное зло бюджета—то, что он является преимущественно государственным, а не местным, покоясь на отчислениях, дотациях и т. под: даяниях казны. В надежде на них камчатские власти вряд ли станут заботиться об эксплоатации местных рессурсов, а тем паче об изыскании новых. Так и случилось: в первый же год своего действия (1926 - 1927) проектированная смета оказалась невыполненной, и содержание нового округа было целиком принято на государственный бюджет.

XII.

При новом порядке организация хозяйства на севере должна была вызвать больше внимания, чем дела управления. Эта организация построена на принципе монополии внешней торговли с той особенностью, что страна, где ведется хозяйство, граничит с чужими государствами, Америкой и Японией, а потому внешняя торговля по существу здесь включает всю торговлю. Частная торговля должна была прекратиться вовсе, в особенности торговля иностранных фирм, американских и японских.*)

С другой стороны, монополия торговли не могла захватить всех ее отраслей, так как торговля, которая связана с японской рыбопромышленностью, не может быть регламентирована советским правительством в его интересах.

---

*) А. Д. Гачечиладзе, *Внешняя торговля*, в издании Госплана, Экономика Дальнего Востока, Москва, 1926.

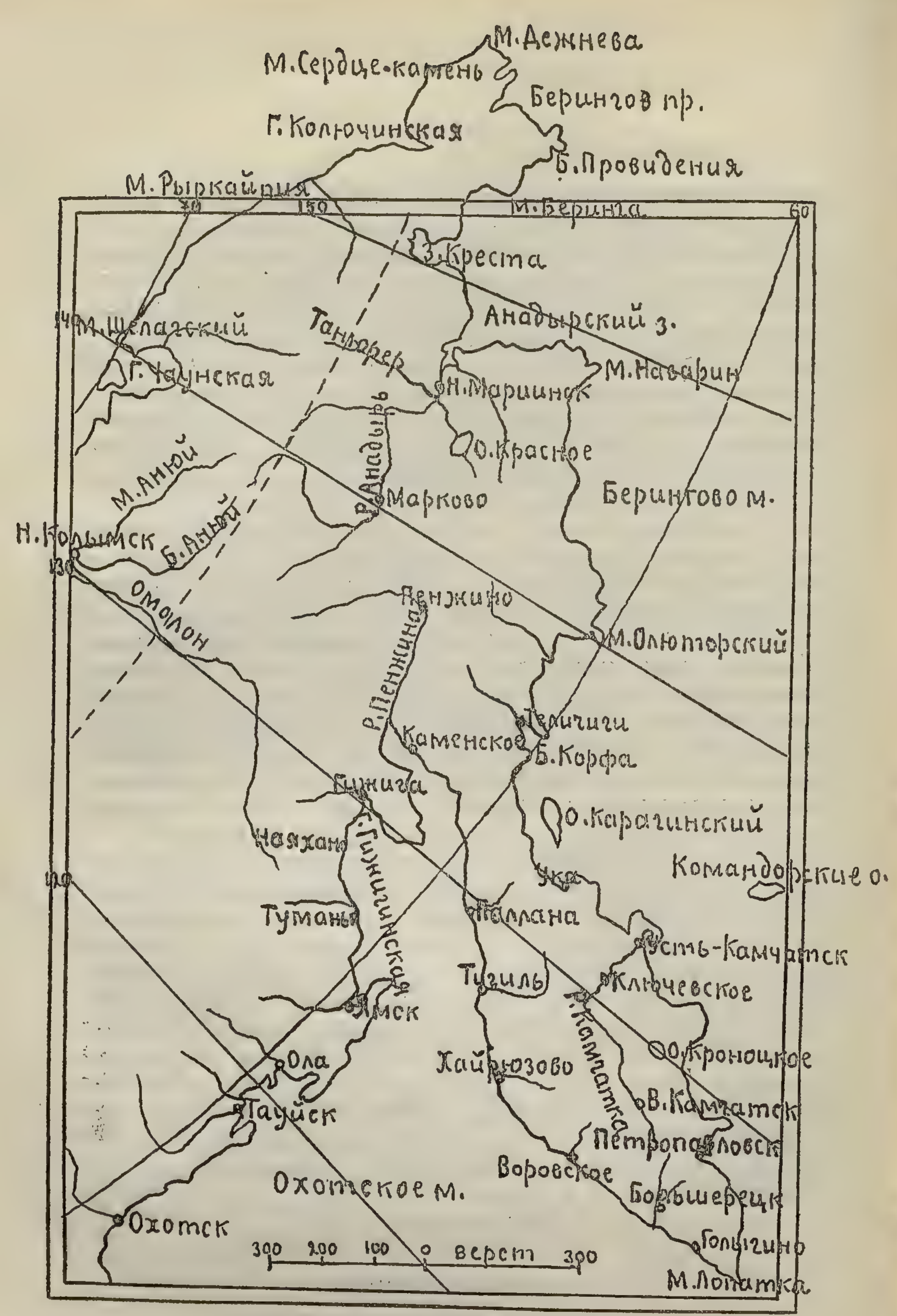
Поэтому монополия внешней торговли на севере свелась к государственной организации пушного промысла.

Эта организация прошла несколько этапов: от капиталистической концессии до государственного предприятия: В 1923—1924 г. работавшая здесь фирма Hudson Bay Co (канадская) договорилась с правительством о предоставлении ей концессии на снабжение края товарами и скупку там пушнины, на началах разделения прибыли от этой операции. В последующие годы здешнюю торговлю взяло в руки само государство, сначала при помощи Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного о-ва (Окаро), а затем непосредственно, в лице Дальгосторга.

Несмотря на свой богатый канадский опыт в северной торговле, Гудзонова компания не сумела поставить торговли на русском севере. Ее товары были слишком дороги, а цены на пушнину слишком низки, что вызвало неудовольствие населения, привыкшего к щедрости американцев. Правительство также считало, что компания выполнила свой договор неудовлетворительно, и отказало в дальнейшей концессии. Государственная торговля однако тоже споткнулась на отсутствии кадра торговых агентов, которых пришлось вербовать из бывших здешних купцов, и еще более на затруднительности снабжения северной окраины товарами, которые в конце концов пришлось закупать в Америке.

В последнее время в качестве контрагента по торговле на северо-востоке был привлечен американец Свенсон, основатель крупнейшей фирмы, здесь торговавший многие годы.

С другой стороны, охотничий союз Д. В. стремится организовать северную внутреннюю торговлю на кооперативных началах. Такая форма кооперации доступна сознанию местного населения, и в некоторых охотничьих центрах (Петропавловск, Усть-Камчатск) были в прошлом ее удачные опыты. Скупка пушнины охотничьими кооперативами разрешила бы вопрос, который постоянно затруднял здесь казенную торговлю - дешевая организация торгового аппарата, если он не будет иметь ничего общего с той благотворительной организацией, которая тут насаждалась за счет государства под видом кооперации в 1920 г.

СЕВЕРО ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.

Summary.

I. The Russian North-East covering the Okhotsk coast, the Kamchatka peninsula, the Anadyr land, and the Arctic coast, is a large area, four times bigger then neighbouring Japan. As a matter of fact, it is separated from the rest of Russia, for land communications between Siberia and the North Pacific are very difficult; as to the Russian navigation in North-Eastern waters, it has never been developed on a large scale. This borderland has mainly maritime boundaries, and its coastal line is enormous: about 10,000 miles.

It is washed by the Artic and the Pacific oceans and two seas: the Bering and the Okhotsk ones, both being completely polar basins only a little open to the navigation. They are characterized by cold currents, which unfavourably affect climatic conditions here, and by ice-fields floating here still in early summer. An interesting phenomenon has been noticed here: big "spots of cold water" emerging at some places and producing mists.

The Asiatic North-East is mainly a mountainous country with somewhat complicated relief. Four regions may be distinguished here: the Stanovoy Range (on the mainland), Kamchatka's System (two parallel chains on the peninsula), the Central Depression—a plateau between either, and the Artic Slope. Generally speaking, all these chains are not very high, but some mountains belonging to them represent an exception not only here, but in all North Asia, being 2,000-3,000 and even 4,600 m. high as the Kluchevsky Mt. The mountain chains are sometimes alternated with a table-land, such as the Oimekon Plateau or the Parapol Valley (the existence of the latter, between Kamchatka's System and northern chains, is erroneously denied by some travellers). Many of Kamchatka's mountains (*sopka*) are volcanoes some extinct, some still acting (14), and of them the Kluchevsky Mt. is especially famous for its frequent eruptions.

Earthquakes often happen here, sometimes of a great destructive force, as it was in 1923.

Northern rivers are mountain streams, rapid and stormy, not very long, except four big rivers: the Okhota, Bolshaia, Kamchatka, Anadyr, from 400 to 700 km. long, but even those rivers are only in part navigable. The Kamchatka peninsula is rich in large lakes, too, some of them (whose origin is volcanic) being very picturesque.

As climatic factors in the North - East, two are the most important: the Pacific cyclone and the Siberian anticyclone, which produce a warm humid summer and a cold dry winter, respectively. There it some climatic difference, however, between the Okhotsk coast, which is under influence of Siberia's cold climate, and Kamchatka itself, which is rather a maritime province. Main meteorological data are given in the text (p. 26).

North - Eastern flora is characterized by the *tundra* vegetation which covers large areas in the north, and may be found in the south, too, as long "wedges" amidst Okhotsk forests. Tundra is a marshy or moss plain void of any trees, even small bushes. The Okhotsk coast, on the contrary, has a splendid kind of flora like that of Amurland, with its dense forests (*taiga*), where mainly larch trees of a huge size grow. The transition from taiga to tundra is gradual, and larch forests are still found in the Far North; on the other hand, flora of Kamchatka itself has a peculiar „insular" character, unlike the rest of the country; its distinction is unusually rich and fresh herbage.

As in flora, there is observed in fauna of the North - East co - existence of northern and southern specimens: bears, wolves, foxes, sables, reindeers, seals. This fauna has few species (especially in fish, only salmon), but some species, once they adapted themselves to northern conditions, multiply in enormous numbers. In particular, the North East abounds in sea mammals, such as *Cetacea* and *Pinnipedia* (whales and seals).

II. Colonization of the North - East as compared with that of Siberia has some particular features, because stages of development which were run in Siberia were belated here; while Siberia was exploited, first, as a fur trade colony, then as a gold bearing area, finally, as an agricultural fund, Kamchatka has reached only the first stage of these three. This,

however, took a long time, almost three centuries, and two, or even three, periods may be distinguished here. The first one was the time of the discovery (Dezhnev) and the conquest (Atlasov); the second started with the famous Bering's expedition, was the time of the administrative reorganization, and culminated in Admiral Zavoiko's activities; since then a decline of the country began, which lasted out until the XX th century.

In the first period (1648—1741), relations between Russian conquerors (the Cossacks) and northern tribes were very tense: rebellions were permanent, and in no other region of Siberia the struggle between the invaders and the natives was going on so long. Not because the Russians wanted to "civilize" the natives violently, in particular, to convert them to the Orthodox religion, far from it: the Russians were very tolerant in this respect. Causes of rebellions were twofold: a system of taxation in furs (*yassak*), which was not very heavy by itself, was made intolerable by local governors, because of their selfish extortions; another practice, ravishment of native women (*yassyr*) by the Cossacks, who evidently, could not carry Russian wives to this remote country, offended the natives morally.

All those abuses were stopped by a radical reorganization of taxation (1762) and some improvement of administration. Some governors (many of them were political exiles) were not bad people and desired to raise the northern borderland to a higher level; in the spirit of rationalistic ideas of the XVIII th century, they hoped to convert nomads to agriculturists and endeavoured to implant agriculture in tundra. Under influence of Protestant ideas, the Government organized a Christian mission here, though with a scanty success. A positive enterprise was the construction of a port at Okhotsk, but the place was not suitable for it, and the work could not be completed in a whole century. Of all administrators of that period, the most active and practical man was Admiral Zavoiko (1855), who, in his turn, followed instructions given by Count Muraviev-Amursky, who was the Governor General of Eastern Siberia at that time. Much was accomplished by Zavoiko in the economic life and for the social welfare of the North - East, and a part of it, Kamchatka's Val-

ley, indeed, was converted to an agricultural area. The Crimean War stopped these activities. Petropavlovsk, the new port of Russia in the North Pacific, was besieged by an Anglo-French squadron; though the attack was repulsed, the Government transferred administrative institutions to Nikolaievsk on the Amur, closed the port cf Petropavlovsk and renounced Muraviev's large program for the development of the Russian Pacific (at that time Alaska still belonged to Russia).

Since then the vast and promising country was treated as an insignificant district of Siberia, and it fell into a complete decline until 1909, when more attention was given to the Russian Far East, and to its northern borderland, too; the North-East was organized as a province (*oblast*), with a larger staff of officials and a broader program of activities. The new prosperity was shortlived, however; everything perished with the coming of the Revolution in 1917.

There were in this country no social forces which could support, or struggle against, the Revolution. What used to happen in the Far East, was automatically reflected on here as in a crooked glass. The North thus became familiar with revolutions and reactions, with democracy and Soviets, with the foreign intervention and the civil war. It was occupied by Soviet troops in 1923; but a struggle between remnants of the Whites (from Siberia) and the Soviet Government still continued up to 1925, longer than anywhere in Siberia.

III. The population of the North-East is not numerous, but diverse, including, besides the natives, Russians and foreigners, too. The majority of the natives belong to Palaeasiatic tribes: the Kamchadals, the Koriaks, the Chukchee; the Eskimo and the Aleuts, though of another ethnical stock, are culturally related to them; on the Okhotsk coast other ethnical groups, and somewhat distinct from the Palaeasiatics in the mode of living, are also represented—the Tungus, the Yakuts. Statistics of the native population are given on p. 86.

The population which is typical of the North-East, the Palaeasiatics, reveal substantial resemblances in their anthropological type, structure of language, character of culture, with the Amerindians of the North Pacific; thus, they testify

to an ethnical bridge having existed, may be, as late as in the Palaeolithic between Asia and America, and to migrations from one continent to another having taken place here.

The Palaeasiatics live in very miserable conditions (for instance, underground dwellings still exist in some places), fishing (on the coast) and reindeer breeding (in the mountains) being the main basis of their subsistence; they are also hunters, while the Kamchadals are especially known as sable hunters. A large family including distant relatives is the principal form of their social organization; very few social distinctions exist in this community, and a man who is exceedingly rich in reindeers has practically no advantage over his countrymen (there are people who have 10,000, and even more, reindeers); woman's position is comparatively independent, with traces of larger rights in the past. The Palaeasiatic religion is based on Shamanistic principle—the belief in numerous spirits, mostly evil, who fill in nature, and must be mastered by the Shamans; hence shamanistic performances are the main external manifestation of the Palaeasiatic religion.

IV. The Russians, who are next to the natives in number (c. 12,000), are settled near Petropavlovsk and in Kamchatka's Valley. Some of them are old residents of the country—descendants of the Cossacks who conquered it and of the peasants who were first colonizers of it; others arrived recently—workmen, particularly fishermen. They have a strong native admixture; sometimes it is difficult to recognize local Russians as such ones, so similar to the natives they are in their physical type, peculiar pronunciation, not to speak of the mode of living. Their main distinction is religion: they are Orthodox people.

The Russians taken as a whole are not very active in the North-East; but there exists also a Russian minority which is very active here, and not always for the benefit of the country. The life has created curious types of local people: officials, idle and ignorant, spending their time in gambling and drinking; fur merchants and fishery owners, two chief exploiters of the local population, energetic, experienced, but unscrupulous and unreliable; gold miners, better to say, prospectors (as mining is only in beginning here), courageous, vigorous, with excellent knowledge of the North,

but always devoted to dreams, and so always poor; local intellectuals, especially teachers, sometimes without a sufficient preparation and not irreproachable men, still useful workers in this remote country and always respected by the natives.

V. Non - Russian residents of the North - East are Japanese fishermen and merchants, American whale - hunters and merchants, too. The Japanese fishing industry has in northern waters, according to the Portsmouth Treaty, special rights, which the Japanese enjoy in full and even abuse. They control all local fishing, having their own fisheries and canneries or subsidizing Russian enterprises; they purchase fish (and furs in exchange for alcohol at the same time, which is unlawful business) from the natives. They are united by a corporation "Kumiai", which is an official organization and had the anti - Russian character since the very beginning of its activities. A large program which they conceived as to extend their rights was gradually materialized after 1917; at the time of the Civil War in the Far East they were especially aggressive: they ignored Russian authorities, did not pay rent for fisheries, quarreled with the Russian population. One must bear in mind that, besides any ambitious plans which Japan had in Siberia at that juncture, her position in the Russian North is somewhat peculiar: the Japanese have treaty rights granted by Russia, and they are numerically stronger than Russia there, owing to their 30,000 workmen coming to Kamchatka every summer. There was no Japanese intervention in the North East, officially; but a Japanese cruiser was on the station some time at Petropavlovsk, and northern waters were under surveillance by a Japanese squadron.

The Americans who are not numerous here, have not such large interests in the Russian North; with exception of some adventurers who are acting, really, like pirates, they are obedient to authorities, duly pay taxes, and use to live on good terms with the population. In spite of their paucity, their cultural influence is considerable, especially in the Chukotka peninsula. The Chukchee appreciate their goods and know their language better than Russian.

VI. Thus, both Japan and America have economic inte-

rests in the Russian North; but it has another significance for them, too, in connection with their rivalry in the Pacific. The strategic significance of the North Pacific, particularly the Russian North, is disregarded, and unreasonably. Here is Japan's vulnerable point, so far as her population subsists on Russian fish, an important item in the Japanese food. American cruisers can easily stop this supply, by blockadind Kamchatka and intercepting Japanese fish-vessels visiting it; moreover, the local population, under a foreign guidance, can attack Japanese fisheries and thus to destroy this Japanese industry completely. As there are deposits of excellent coal in the North-East near the coast, just on the surface, coal stations may by established there which could supply the American squadron operating in the North Pacific; as to the native population, it is experienced in a partisan war: the Civil War of 1922 shows how difficult it is to break the resistance of the local population here.

This danger must not be underestimated; it is true, Japan can find food in China, but not fish, for the Chinese market itself depends on Russia in this respect. Thus, Japan must protect her fishing in the North, and she could do it, by organizing cruiser reconnoitring service in northern waters or, may be, by converting Kamchatka's port, Petropavlovsk, into a strong naval base. Whoever will come, in the case of a war, to the Russian North, the Americans or the Japanese, either will be to the detriment of Russia.

VII. Still, all this is a guess only; now, let us look at how this country is organized by the Russians at present. In the pre-revolutionary period, similarly to Siberia, though in a simplified form, provincial administration was introduced here, and the short period of a revival opened in the North. Northern commerce, the main evil, was regulated, schools and churches built (and a bishop was appointed here), medical stations and a hospital were opened, telegraph line constructed, maritime communications improved; the Cossacks were organized as a defence force, and the natives were granted some degree of self-government

In the inter-revolutionary period (1917-1922), main attention was given to reorganization of the provincial government on democratic principles (as a kind of *zemstvo*), a difficult

task in a country without political leaders and any experience with democratic institutions. All those attempts eventually failed. At present, the North - East is under the ordinary Soviet system, however, with some restriction: principle of election is almost eliminated. On the other hand, enormous bureaucracy, useless and ignorant, is created here. Problem of the northern trade is solved as usual with the Soviets; it has become a goverment monopoly, whichs isnot very beneficial for the natives.

An attempt was made as to put the local financial administration in order, and the provincial budjet was drawn up, but this was not made concrete, and the North - East is still supported by the Government's treasury, not local ressources. The native administration is organized more successfully: it is based on clan organization, with elective chiefs; for the natives' social welfare "cultural bases" are established in two places.

Указатель.

Опечатки

По техническим условиям (отсутствие русских наборщиков) оказалось невозможным избегнуть опечаток; более существенные из них, указываемые ниже, просьба исправить ранее чтения книги.

Стр. 1, строка 5 снизу, след, вместо след.,
Стр. 11, „ 4 снизу, хараткером „ характером.
Стр. 16, „ 8 снизу, сведени „ сведения.
Стр. 35, „ 10 снизу, при? зводилось „ производилось.
Стр. 42, примечание камчасткие, Берина, вместо камчатские, Беринга
Стр. 46, строка 16 сверху, закрепля вместо закрепляя.
Стр. 53, „ 15 снизу, возмущенлем „ возмущением.
Стр. 65, два примечания читать в обратном порядке.
Стр. 74, строка 1 сверху, сравнительон вместо сравнительно.
Стр. 83, „ 19 сверху, чувствным „ чувственным.
Стр 90, примечание, замешавшую „ заменявшую.
Стр. 97, строка 3 сверху, покровителями „ покровителям.
Стр. 98, „ 20 сверху, пбозначение „ обозначение.
Стр. 108, „ 13 сверху, туетий, пробрждающий вместо третий, пробуждающий.
Стр. 113, строка 5 снизу, финол вместо финал
Стр. 133, „ 4 сверху, американско „ американского.
Стр. 136, „ 9 сверху, ктрах „ страх.
Стр. 140, „ 18 сверху, пострикоу „ постройку.
Стр. 149, примечание, губернороват „ губернаторов.
Стр. 160, строка 6 снизу, рвемя „ время.
Стр. 170, „ 8 сверху, запроектированноер – га вместо запроектированное—орга
Стр. 172, „ 11 сверху, содержаниемне вместо содержанием.
Стр. 183, указатель, Окума, аеятель „ деятель.

